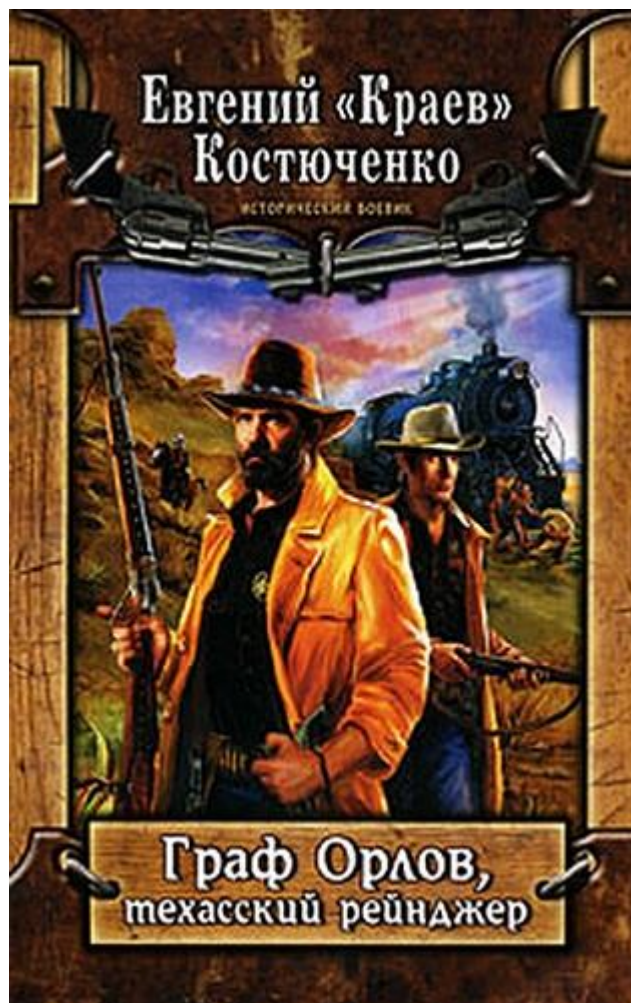

Евгений Костюченко
Граф Орлов, техасский рейнджер

АСТ, Астрель-СПб; 2008
ISBN 978-5-17-055524-6, 978-5-9725-1332-1

Аннотация

«Пятьсот долларов тому, кто доставит в суд Джо Бродягу Смита. Живым или мертвым». Такие афишки висели на стенах салунов, болтались на столбах, а иногда их просто цепляли на колючки кактуса. Тот, кто умел читать, оказывался в выигрыше. Если умел стрелять лучше, чем вышеупомянутый Смит.

Капитан Орлов стрелять умел. Однако он приехал в Северо-Американские Штаты не для того, чтобы отстрелять десяток-другой бандитов. У русского военного разведчика были совсем другие задачи. Бандиты просто подвернулись под горячую руку...

Евгений «Краев» Костюченко
Граф Орлов, техасский рейнджер

Поезд из Литл-Рока обычно здесь не останавливался. Эта станция даже не была указана в расписании, и билет капитану Орлову пришлось брать до конечной остановки, до самого Ван Бурена. Однако ему хорошо были знакомы порядки на приграничных железных дорогах.

Расписание не может предусмотреть всего. Скажем, пройдет дождь и размочит полотно. Или на рельсах вдруг остановится стадо. Или какой-то шайке захочется проверить содержимое почтового вагона. На границе Арканзаса и Индейской Территории в середине восьмидесятих годов случалось много такого, что нарушало движение поездов.

Впрочем, капитан не надеялся ни на грабителей, ни, тем более, на погоду, — он просто договорился с машинистом. И поезд ровно на две минуты задержался у дощатой платформы с одинокой будкой кассы.

За кассой, прячась от солнца и ветра, сидел на корточках человек в пончо. Орлов остановился рядом, с самым внимательным видом разглядывая выгоревшее расписание.

— Вас и не узнать, — глухо пробубнил человек в пончо. — Чисто священник.

Орлов поглядел на свое отражение в пыльном стекле. Широкий черный плащ, черная шляпа, белая полоска воротника — да, в этом было что-то церковное. Капитан одевался в черное, когда хотел застраховаться от случайно встреченных знакомых. В обычной жизни он носил только светлые костюмы. Кроме того, под плащом можно было спрятать хоть черта с рогами.

— Продавец на месте? — спросил он.

— В салуне при отеле. Сказал, что будет ждать до вечера. Вы его легко узнаете. Сапоги красные, шляпа белая.

— Давно прибыл?

— Сошел утром с товарного. Только вот...

— Ну?

— У него попутчики. Двое.

— Сейчас они с ним?

— В том-то и дело.

Орлов ненадолго задумался. Договаривались встретиться один на один, без посторонних. Вообще, всякое нарушение условий встречи — достаточная причина, чтобы эту встречу отменить. Но сейчас не тот случай. Вещь, за которой приехал капитан, могла оказаться весьма ценной. Ради нее стоило рискнуть. Кроме того, ему страшно не хотелось даром потерять в этой дыре целый день, дожидаясь обратного поезда.

— Что за попутчики?

— Крутые ребята. Прошлась эта троица по улочке. Видели бы вы.... Даже куры попрятались. Всех как ветром сдуло.

Похоже, что ветер, который сдул население городка утром, продолжал неистовствовать. Орлов не встретил ни одного прохожего, пока добирался до салуна. Да и в салуне все столики были свободны, наводя на мысли о чуме, моровой язве или — что было ближе к действительности — о священном для этих краев времени сиесты.

Пианист, наигрывавший по наитию некое подобие вальса Штрауса, застыл с поднятыми руками, опасливо поглядывая на вошедшего. Ему часто приходилось сталкиваться с острой критикой своего искусства, о чем свидетельствовали многочисленные царапины, оставленные на инструменте метко кинутыми бутылками. Но капитан никаким образом не выразил свои музыкальные пристрастия, и в пустом салуне снова безнаказанно зазвучали кошмары венского леса.

Бармен потянулся было за бутылкой. Но, окинув гостя оценивающим взглядом, вместо бутылки снял с полки стакан и принялся полировать его полотенцем.

— Говорят, сегодня утром у вас поселился один мой приятель, — мягко произнес Орлов.

«Святой Петр тебе приятель», — читалось во взгляде бармена. Однако уста его хранили печать молчания.

— У него красные сапоги и белая шляпа, — продолжал Орлов. — Буду очень признателен, если вы подскажете, где он остановился.

На лице бармена возникла гримаса оскорбленной невинности.

Капитан Орлов предпочитал общаться на языке, который равно понятен обоим

собеседникам. Поскольку бармен явно владел языком мимики и жестов, капитан крепко ухватил его за воротник, притянул к себе и посмотрел в глаза.

Иногда один взгляд может подействовать сильнее тысячи слов.

Если у бармена были подозрения относительно принадлежности гостя к поповскому племени, теперь они улетучились без следа. Оскорбленная невинность на его лице мгновенно уступила место неподдельному испугу, а глаза выразительно поднялись в направлении номера люкс на втором этаже, — как подниметесь, вторая дверь направо.

Капитан остался вполне удовлетворен тем, что прочитал в глазах бармена, его не мог ввести в заблуждение голос собеседника, в котором оскорбленная невинность прозвучала с удвоенной силой:

— Я не обязан отвечать, где кто находится!

Пианист, чутким слухом уловивший короткий диалог, невольно перешел от вальса Штрауса к традиционной кадрили, которую ему обычно приходилось наяривать по вечерам, заглушая шум скандала или потасовок. Музыка была как нельзя кстати: капитан поднимался по скрипучей лестнице, не опасаясь привлечь своими шагами преждевременное внимание постояльцев.

Он постучал в дверь и отошел в сторону. Человек, с которым ему предстояло встретиться, обладал расшатанной нервной системой. Больше всего страдали от этого те, кто имел неосторожность побеспокоить мистера Галлахера в неудачное время — он почти никогда не промахивался с трех шагов.

— Какого черта? — раздалось из-за двери.

— Я за товаром.

— Хо-хо! Бобби,пусти человека.

Дверь распахнулась, и на пороге показался бритоголовый детина в малиновом жилете поверх желтой рубахи. Его выпученные глаза уставились на капитана:

— Ты священник?

— Нет.

— А похож. — Его взгляд скользнул по черному плащу и остановился на саквояже. Детине, видимо, полагалось обыскивать входящих, но что-то удержало его на этот раз. — Ладно, заходи.

Рой Галлахер развалился в кресле, вытянув ноги на стол. На подоконнике сидел еще один его спутник, поглядывая на пустырь за отелем.

— Ну и дела, — насмешливо протянул Галлахер. — Мне говорили, что покупатель — человек серьезный. Но не настолько же. Я думал, придет кто-то вроде меня, а тут.... Послушайте, мистер, зачем вы связываетесь с оружием? Больших денег на нем не сделаете. Разве что собираетесь ограбить банк... Но в ваши годы поздно становиться на стезю порока. К тому же, для такой работы нужны совсем иные инструменты, а не то, за чем вы тащились сюда за сто пятьдесят миль. Так какого черта, а?

— Вам так важно это знать? — спросил Орлов, продолжая стоять в дверях.

— Еще бы! — Галлахер неожиданно вскочил с кресла и заходил по комнате, позванивая шпорами. — Еще бы не важно! Я же чую, тут кроется какая-то выгода! И мне важно знать — какая. А вдруг я упускаю шанс? Может быть, эта игрушка стоит не сотню баксов, а все пятьсот?

— Мы уже договорились о цене, — сухо ответил Орлов. — И я вынужден напомнить, что подобные игрушки продаются в магазинах не дороже тридцати долларов.

— Ха! Подобные! Подобные, да не такие!

Едва уловимым движением Галлахер извлек из кармана вороненый револьвер с коротким стволом. «Тридцать второй калибр, — определил капитан, — ствол два с половиной дюйма, бескурковый. Да, это то, что надо».

— Ну, в каком магазине вы видели такое?

Капитан улыбнулся, как бы не замечая ни направленного на него ствола, ни того, что палец Галлахера лежит не на скобе, а на спусковом крючке.

— Да, эта вещь не поступает в торговлю. Именно поэтому я здесь.

— Деньги при тебе? — ледяным тоном спросил Галлахер, поднимая револьвер все выше. — Договорились насчет шести штук. Значит, шестьсот долларов.

— Я привез деньги, — спокойно ответил Орлов.

— Покажи.

— Товар при вас? Пока я вижу только один экземпляр.

— Если будешь много болтать, и его больше не увидишь, — процедил Галлахер.

Ствол револьвера теперь смотрел прямо в лицо капитану.

Детина, стоявший рядом с Орловым, произнес:

— Видать, бабки в саквояже.

— Проверь, — приказал Галлахер.

Капитан разжал руку, и саквояж оказался на столе. Двое приятелей Галлахера открыли его и бесцеремонно принялись вытряхивать содержимое.

— Рой! Да тут ни цента!

— Что? — Галлахер прищурился. — Шутки шутить вздумал?

Орлов сцепил пальцы на животе, спрятав руки под складками плаща.

— Ну? Что молчишь? Или ты уже молишься?

— Салун — слишком опасное место, чтобы идти сюда с крупной суммой, — сказал Орлов. — Я думал, мы встретимся на платформе, где нам бы никто не помешал. Позвольте повторить вопрос — товар при вас?

Галлахер ловко покрутил револьвер на пальце и спрятал его в карман.

— Уважаю серьезных партнеров, — сказал он. — Мой товар слишком ценен, чтобы держать его в таком опасном месте, как салун. Встретимся через полчаса за конюшной. Я принесу товар, ты принесешь деньги. И будь спокоен, там нам никто не мешает.

Спускаясь по лестнице, капитан Орлов загадал — если наступит на последнюю ступеньку левой ногой, то сразу отправится на платформу, дождется поезда и уедет, и черт с ними, с револьверами. А если правой, то пойдет за конюшню. А там...

Левая нога коснулась ступеньки, и Орлов остановился. Лестница кончилась. Значит, надо уезжать. Да он и не ожидал ничего хорошего от этой встречи. Больше того, положительным результатом можно будет считать даже само его благополучное возвращение в Литл-Рок.

Он подумал-подумал — да и приставил правую ногу к левой. Постоял на последней ступеньке обеими ногами, и пошел за конюшню, чтобы подготовиться к встрече.

Орлов устроился за мешками с овсом. Как он и ожидал, его опасные партнеры появились тут гораздо раньше назначенного времени. Они живо оседлали трех лошадей и вывели их на задний двор. Подглядывая между мешками, капитан Орлов не заметил у Галлахера никакого багажа, в котором можно было бы подозревать наличие шести револьверов.

— Бобби, стань за дверью, — приказал Галлахер, прохаживаясь перед распахнутыми воротами.

— Он не придет, — сказал верзила. — Ты его спугнул.

— Не надо было отпускать, — заметил другой напарник. — У него наверняка все бабки зашиты в пояс.

— Парни, парни, что я слышу! — огорчился Галлахер. — По-вашему, мы должны были залить кровью номер, в котором столько раз останавливались? По-вашему, я должен был отплатить черной неблагодарностью людям, которые столько раз давали мне приют? По-вашему, моя репутация стоит всего-навсего шесть сотен?

— Шесть сотен на дороге не валяются, — пробурчал верзила и прижался к стене, потому что во дворе послышались чьи-то шаги.

Какой-то мужичок с метлой подошел к воротам конюшни, но, увидев Галлахера, остановился. На его побледневшем лице появилось подобие улыбки.

— А, это ты, Рой.... Уже уезжаешь... Ну, не буду мешать...

Он попятился гораздо быстрее, чем шел до этого, и скрылся за углом.

«Пора», — решил Орлов и выбрался из-за укрытия.

— Вы принесли товар? — негромко спросил он, дружелюбно улыбаясь и держа руки на животе, под складками плаща.

— Черт! — Галлахер хлопнул себя по бедру. — Ты сейчас мог схлопотать пулю в лоб! Я терпеть не могу, когда меня окликают сзади! Бабки с тобой?

— Сначала покажите товар, — вежливо, но твердо попросил капитан.

— Сейчас! — Галлахер оскалился и подмигнул своим приятелям. — Смотри!

Все трое одновременно потянулись за оружием.

Рой Галлахер недаром считался весьма быстрым стрелком. Он первым обхватил рукоятку кольта и даже успел немного вытянуть его из кобуры. Капитан выстрелил в него прямо сквозь плащ, целя в левую половину груди.

Затем резко шагнул в сторону, поймав на мушку лоб верзилы. Взводя курок для третьего выстрела, он развернулся на пятке, чтобы уйти с линии огня. Но в том не было необходимости. Третий бандит даже не успел поднять руку с револьвером, когда пуля уже олкнула его на кучу сена.

Не теряя времени, Орлов поднял с земли револьвер Галлахера и пальнул в дверной косяк. Пуля из кольта верзилы выбила щепку из порога, а выстрел из третьего револьвера пришелся в дверь.

Разгоняя рукой едкий дым, он искал в одной из сумок то, за чем приехал. Как и ожидалось, Рой Галлахер оказался недобросовестным продавцом. Вместо шести револьверов из оружейной мастерской Даниэля Вессона он привез только один. Да и тот не собирался продавать.

Переложив бескурковый «смит-вессон» к себе в саквояж, капитан Орлов вышел из конюшни. За углом он обнаружил нескольких местных жителей. Чья-то голова выглядывала из-за колодца, чье-то лицо мелькнуло за окном. Не обращая ни к кому конкретно, капитан Орлов проговорил:

— Любезный, не соблаговолите ли пригласить сюда шерифа? Кажется, трое джентльменов очень нуждаются в нем.

Местный шериф оказался пожилым и флегматичным. Осмотрев трупы и место происшествия, он выковырял пулю из косяка и отдал ее капитану.

— Возьмите на память. Эта пуля подарила вам жизнь. Знаете, сколько людей до вас было убито из этого ствола? Не меньше дюжины.

— Кто бы мог подумать! — вежливо удивился капитан.

— Этот парень обвинен в тринадцати убийствах, — с удовольствием продолжал шериф. — Первые восемь зарубок на рукоятке кольта Рой Галлахер сделал еще в Техасе, потом перебрался в Арканзас в поисках более спокойной жизни, и здесь за год застрелил пятерых — не считая индейцев, погибших от его пуль по ту сторону границы.

— Кто бы мог подумать! А мне его представили, как торговца лесом.

— Лесом? Ну да, он мог торговать хоть лесом, хоть углем, если бы только сначала ограбил лесопилку или угольный склад. Но я думаю, Рой не стал бы связываться со столь хлопотным занятием. Он предпочитал грабить дилижансы. Его замечали чуть не в каждом ограблении, что случилось у нас за последний год. И в каждом налете он оставлял свой кровавый след. Похоже, ему просто доставляло удовольствие убивать на глазах многочисленных свидетелей. Однажды он выстрелил в незнакомца, сидящего на табурете у стойки бара, только для того, чтобы занять его место.

— Странно, что столь опасный преступник так долго оставался на свободе, — заметил Орлов.

Шериф сразу поскунел.

— Деньги-то за него объявлены приличные. Но тут, в приграничных поселках, считалось, что своих он не трогает, а убивает только чужаков. Само собой, каждый предпочитал доказать Рою, что он — свой. И остановить его мог только кто-нибудь со

стороны. — Шериф еще раз глянул на труп и повернулся к Орлову, удивленно разводя руками: — Не могу понять, как вы могли связаться с таким парнем! У него же на лбу написано, что он убийца.

— Я только сегодня его увидел, — развел руками Орлов.

То была чистая правда, хотя о знаменитом грабителе Рое Галлахере он слышал даже немного больше, чем рассказал ему шериф. Капитан Орлов заинтересовался этим подонком после беседы с одним из своих осведомителей. По слухам, Галлахер недавно ограбил дилижанс, в котором ехал какой-то важный чин из военного ведомства. Среди прочей добычи якобы оказалась шкатулка с образцами новых револьверов. Агент вышел на Роя, затем вывел на него и капитана. И сделка состоялась, хоть прошла вовсе не так, как планировала каждая из сторон.

— Мне он сразу не понравился, но я не думал, что он попытается меня убить, — продолжал Орлов. — Хотя, признаться, кое-какие меры предосторожности я принял.

— Повезло вам, — сказал шериф. — Я собирался взять этого красавчика сегодня ночью.

— Прошу прощения, что опередил вас, — сказал капитан.

— Да я не особо и торопился. Не одному же идти на троих! Я вызвал техасских рейнджеров. Они были бы рады свести с ним счеты. Ну, значит, парни прокатятся только для того, чтобы справить поминки.

Засев в участке, шериф долго перебирал толстые кипы розыскных телеграмм и афишек, пока не установил имена сообщников Галлахера и размер награды за каждого.

— Повезло вам, что у меня ни одна бумажка не пропадает, — сказал шериф, откладывая в сторону ставшие ненужными объявления. — Если б вы завалили вместе с Роем кого-то, кто еще не объявлен вне закона, мне бы пришлось вас арестовать.

— Я бы легко доказал факт самообороны, — усмехнулся Орлов. — Вы когда-нибудь видели, чтобы один нападал на троих?

— На чье имя выписывать свидетельство? Приедете в Литл-Рок, вам отваят кучу денег за эту тройку.

— Не надо бумагу переводить.

— Но я не могу вам заплатить. — Шериф развел руками: — У меня в сейфе только патроны. И никакой наличности.

— Видите ли, друг мой, я привык зарабатывать на жизнь другими способами. Лучше окажите мне маленькую услугу. Дайте телеграмму в Ван Бурен, чтобы следующий поезд сделал у вас остановку.

* * *

Кондуктор линии «Юнион Пасифик», открывая перед Орловым дверь вагона третьего класса, глядел на него с любопытством. Что это за важная персона, ради которой приходится останавливать состав в таком захолустье? При этом он несколько раз, выказывая недюжинную проницательность, назвал капитана «святим отцом».

Капитан Орлов уже привык, что в этом наряде его иногда принимают за одного из странствующих проповедников. Многие из этих миссионеров предлагали воспользоваться услугами церкви, которую сами же и основали. При этом они всегда были готовы предъявить местным властям соответствующую лицензию. Иногда, перебравшись из Арканзаса в Теннесси, эти пророки начинали торговать глазными каплями и затычками для ушей, потому что их религиозная лицензия действовала только в одном штате, а для налоговых инспекторов соседнего имелась фармацевтическая.

Если же не удавалось получить никаких лицензий, такие миссионеры легко превращались в просветителей и принимались с успехом читать публичные лекции. «Мои встречи с Диккенсом», «Частная жизнь французской адвокатуры» или «Мнение медицинской науки о воздействии вальса на психику» — подобные темы вызывали

неподдельный интерес в образованных слоях Дикого Запада.

Кондуктор был бы немало удивлен, узнав, что важный пассажир при необходимости мог бы обратиться в любую веру, а мог бы и лекцию прочитать — на любую тему и на любом языке, о каких только слышал кондуктор. Еще больше удивился бы он, если б мог заглянуть в штатное расписание канцелярии Военно-ученого комитета при Генеральном Штабе российской армии. Он бы узнал, что загадочный пассажир носит имя Павел Григорьевич Орлов, состоит в чине капитана; занимает должность офицера по особым поручениям, а в настоящее время командирован в Североамериканские Соединенные Штаты. Но поскольку сей документ недоступен для большинства смертных, то и кондуктору придется удовольствоваться лишь плодами собственной проницательности.

Дабы утвердить доброго малого в его мнении, капитан Орлов, едва усевшись у окна, достал из саквояжа Библию.

«... И добычи много вынес из города. А народ, который был в нем, вывел и умерщвлял их пилами, железными молотилами и секирами. Так поступал Давид со всеми городами Аммонитян ». Орлов на какое-то время отвлекся от чтения, пытаясь представить себе процесс умерщвления пилами. Получалось нечто весьма запутанное, но эффективное.

«И восстал сатана на Израиля, и побудил Давида сделать счисление Израильтян ...»

— Простите великодушно, святой отец, но могу ли я задать вам вопрос? — раздался над самым ухом капитана голос его попутчика.

Краем глаза Орлов заметил, что сидящий рядом человек в котелке и пенсне радостно оживился, найдя, наконец, повод заговорить. Видимо, до сих пор его природную общительность придерживало религиозное чинопочитание.

— Насколько я понял, вы направляетесь на съезд всех церквей в Мемфисе. Но в таком случае вы сели не в тот поезд! Вам следовало дожидаться экспресса! А этот состав идет только до Литл-Рока. Причем идет крайне медленно, и уже в Кларксвилле «Восточный Экспресс» нас обгонит!

Человек в котелке приветливо и сочувственно улыбался, видимо, ожидая от собеседника каких-то вопросов, вполне естественных в подобной ситуации. Но капитана Орлова сейчас занимало совсем другое. За незаконную переписку населения Израиля Господь разгневался на Давида и, прежде чем покарать, предложил ему на выбор три вида наказания — или трехлетний голод, или трехмесячная война, или три дня под мечом Господним. «Я бы выбрал войну, — подумал Орлов. — Пуля дура, но оставляет шанс». А вот Давид решил иначе. *Пусть лучше впаду в руки Господа, только бы не впасть мне в руки человеческие*. «Тоже верно», — мысленно согласился с Давидом капитан. «Бог милостив, а люди... Люди не прощают».

— Нет, брат мой, — рассеянно ответил он своему попутчику. — Моя церковь не участвует ни в каких съездах.

Вернувшись в Литл-Рок, он прошел к дому через сад, а не со стороны улицы, избегая встречи с соседями. Быстро переоделся в светлое и отправился в клуб, где собирались воротилы хлебного бизнеса и где у него было персональное кресло с табличкой: «Пол Орлофф».

2

Изучив добытый образец, капитан Орлов пришел к выводу, что револьвер вполне мог бы служить личным оружием офицера или сотрудника полиции. Он был лишен внешнего курка, что обеспечивало скрытность ношения. Пять зарядов тридцать второго калибра гарантировали успех в скоротечном ближнем бою, а два предохранителя обеспечивали безопасность. Самопроизвольный выстрел исключался, а система перезарядки была простой

и надежной. По мнению Орлова, ствол был коротковат. Но он не сомневался, что тульские умельцы устранят этот недостаток.

Ему вспомнилась рассказанная генералом Обручевым забавная история о визите Сэмюеля Кольта в Петербург. Тогда, в разгар Крымской войны, русские офицеры были практически лишены личного оружия. Те однозарядные капсюльные пистолеты, что полагались им по уставу, годились только для дуэлей. Видимо, до Кольта дошли сведения о растущих запросах русской армии. Перед этим он долго и безуспешно пытался получить заказ от американского военного ведомства. Чиновники в Вашингтоне не понимали, что он предлагает им самый совершенный к тому времени образец револьвера. Возможно, русские лучше разбираются в оружии? Кольт получил аудиенцию у государя, и оставил в подарок императору несколько великолепных образцов. Однако заказа так и не получил. Американец опоздал. За три месяца до его визита в царской коллекции уже появился подарок тульских оружейников, который, хоть и был сделан по образцу револьвера Кольта, превосходил его по многим показателям. Императору настолько понравился подарок, что он повелел немедленно изготовить еще четыреста штук для гвардейского флотского экипажа. А еще через полгода кольты тульского производства были поставлены на вооружение офицеров стрелкового полка императорского двора.

Орлов еще раз осмотрел новый револьвер, подумав, что неплохо было бы проверить его бой и скорострельность. Впрочем, и без таких испытаний было ясно, что карманный «смит-вессон» станет весьма популярным, как только будет освоено его производство. Стало быть, образец следует как можно скорее переправить в Россию.

Он свое дело сделает. Револьвер окажется в Генеральном штабе. Что дальше?

Вариант первый. Возможно, его усовершенствуют, подгонят под местные условия и требования, а потом станут выпускать под тульской маркой.

Вариант второй. Может быть, дело кончится лишь закупкой крупной партии у тех же американцев. В таком случае, благодаря капитану Орлову кто-то станет еще богаче — за счет государственного бюджета. Ну и пусть, лишь бы новое оружие поступило в войска.

Вариант третий, последний и наихудший. Хуже всего, если с этим образцом произойдет то же, что и всегда. Начальство отнесется к нему как к очередной причуде моды, и револьвер останется доживать свой век в секретной коллекции Военно-ученого комитета.

«Да, скорее всего, так и выйдет, — с горечью подумал капитан Орлов. — Каковы же, в таком случае, будут результаты моей вылазки? Тройное убийство. Проездные расходы. Потерянный день. Еще один потерянный день из пяти потерянных лет».

Орлова удалили из Петербурга после окончания турецкой войны. Положение его шефа, генерала Обручева, было тогда неустойчивым из-за постоянных трений с министром иностранных дел, который имел влияние на государя. И Обручев, чтобы удержать своих лучших офицеров от ухода в отставку, разбросал их в заграничные командировки. Два года капитан Орлов провел в Гибралтаре, следя за движением судов через пролив. А потом, когда уже появилась надежда вернуться, его неожиданно перевели в Америку.

Североамериканские Штаты считались дружественным государством, и для военного разведчика такая командировка была ничем иным как почетной ссылкой. «За что?» — едва не воскликнул Орлов, узнав о новом назначении. Но приказы не обсуждаются.

Его поселили вдали от стратегических портов или военных заводов, в тихом и мирном Арканзасе. И прикрытие у него было самое что ни на есть, мирное — хлеботорговая компания.

Он быстро обзавелся друзьями и стал членом престижного клуба. Но, регулярно посещая его, большую часть времени проводил не в баре и не за карточным столом, а в библиотеке. Газеты и журналы приходили сюда со всех концов страны. Капитан искал и находил в них сведения, которые постепенно стали ему казаться гораздо важнее, чем данные о численности и перемещениях войск или о стратегических планах.

Он обнаружил, что в техническом отношении Америка намного обогнала Старый Свет. Еще до Гражданской войны здесь уже был взят патент на использование железобетона, этого

идеального материала для строительства неприступных крепостей. Американцы построили первый нефтепровод и первый элеватор, здесь изобрели телефон, и не просто изобрели, а внедрили в жизнь. А применение нарезного стрелкового оружия? Это же просто революция в тактике!

Европа относилась к заокеанским партнерам с плохо скрываемым высокомерием — и совершенно напрасно. Орлову казалось очевидным, что техническое превосходство рано или поздно перерастет в военное, и тогда сложившееся в мире равновесие сил будет нарушено. Ему было ясно и то, что достижения американских инженеров и ученых могли бы оказать услугу развитию российской армии, пусть даже эта услуга будет невольной.

Донесения, отправляемые Орловым на родину, в основном содержали чертежи и технические описания. Он не знал, какова судьба его посланий, но продолжал копаться в библиотеках. Нельзя сказать, чтобы это занятие вдохновляло капитана. Он никогда не был склонен к сидячей работе и считал себя скорее диверсантом, чем разведчиком. Но лучше хоть какая-то работа, чем вынужденное безделье.

Орлов безвылазно провел в Америке почти пять лет. За это время в России произошли серьезные перемены. Убийство императора, случившееся в восемьдесят первом году, имело множество разнообразных последствий. Но для Орлова важным было то, что новый государь благоволил генералу Обручеву. Генералу поручили возглавить реорганизованный Генштаб, понемногу продвигалось перевооружение, и капитан мог бы оказаться полезнее дома, чем за кордоном. Но пока о его возвращении никто даже не заикался.

Однокашники Орлова по кадетскому корпусу и академии уже ходили в подполковниках, а у него не было ни малейшей возможности получить повышение. Офицеры Генштаба курсировали по европейским столицам в вагонах первого класса, подолгу задерживаясь в Париже, что несколько смягчало суровость военного быта. А Орлов колесил в тряском дилижансе по пыльным дорогам и порой ночевал под открытым небом. Кто-то получал, кроме новых чинов, еще и награды — а он отсылал свои сообщения будто в черную дыру, не получая в ответ ничего, кроме ежемесячной весточки из канцелярии. Наконец, даже те, кого отправили по командировкам одновременно с ним, уже давно вернулись в Петербург. Орлов же, как проклятый, оставался в чужой стране. Ему и сны уже снились на чужом языке. А единственный земляк, с которым он мог общаться, носил фамилию Лансдорф и предпочитал говорить по-немецки.

Впрочем, у Орлова не было повода торопиться на родину. Его там никто не ждал. Рано овдовев, он так и не успел снова жениться.

Разлука, чужбина — эти понятия имеют власть только над составителями романсов. А капитану некогда было предаваться унынию. Некогда, да и незачем. Ему нравилось дело, которым он занимался. Казалось бы, скучнейшее занятие — следить за ценами на рынках зерна и хлопка. Листай себе биржевой вестник да выписывай колонки цифр. Орлов не гнушался и бумажной работы, однако чтобы сверить цифирь, ему приходилось носиться между канзасскими элеваторами и пирсами Ричмонда. Кроме обязательного посещения бирж и рынков, он встречался с агентами. А встречи эти проходили в весьма живописных местах — то в индейской резервации, то в каньоне, а то и в роскошных ресторанах. Два раза в неделю он отправлялся за холмы, где отводил душу, до одури упражняясь в стрельбе и джигитовке. Но превыше всего он ценил в своей работе удаленность от всяческого начальства.

Никто не указывал ему. Он сам решал, какой товар продавать, какой — покупать, куда вкладывать деньги и с кем сотрудничать. Хлеботорговая компания давно уже перестала торговать одним только русским зерном. Созданная четверть века назад, она недолго пользовалась благорасположением американцев. Теплые, почти союзнические отношения между Россией и Штатами почему-то резко охладели после продажи Аляски. А в восьмидесятые годы Америка из покупателя хлеба превратилась в продавца — и над российской компанией нависла угроза ликвидации. Ее глава, барон Семен Карлович Лансдорф, большую часть времени проводил в Сан-Антонио, где у него был свой особняк, и

уныло готовился к возвращению в Петербург. Поставки резко сократились, и тогда Орлов на свой страх и риск принялся торговать чем придется — зерном из Канзаса, хлопком из Луизианы, и даже лесом из Миннесоты. Компания выжила, и Лансдорф остался в Америке. Он по-прежнему предпочитал жить в Техасе, лишь изредка наведываясь в Литл-Рок. Всеми делами занимался Орлов, и занимался успешно — сейчас у него был достойный банковский счет, имелась квартира в приличном районе, и жалованье его работников было весьма высоким для Арканзаса. В общем, когда Семен Карлович начинал вслух размышлять о том, чтобы выйти в отставку и навсегда поселиться в Америке, капитан Орлов не спорил с ним. Более того, он легко мог бы поддержать разговор, потому что уже несколько раз отсылал в штаб прошение об отставке. К первому рапорту он приложил пространное письмо с объяснением причин, ко второму — лишь короткую записку, мол, если я нужен, дайте серьезное дело, а не нужен — отпустите на все четыре стороны. Поскольку ответа не было, он решил больше ничего не объяснять, и просто подавал прошение за прошением при каждой okazji.

Письмо от Лансдорфа ему принесли вечером.

«Милейший Павел Григорьевич!...»

Как обычно, эпистола барона начиналась длиннейшей преамбулой, и заканчивалась почти бесконечным перечнем всех, кому в далеком Арканзасе следует кланяться и передавать поцелуи. Между этими шедеврами пустословия Лансдорф, как прирожденный дипломат, ухитрился вставить емкое и, видимо, крайне важное сообщение. Суть его была в том, что некий их соотечественник, проездом находящийся в Техасе, испытывает жгучее желание поговорить с Орловым. Чем раньше этот разговор состоится, и чем благопристойнее будут высказывания «милейшего Павла Григорьевича», тем спокойнее будет на душе у Семена Карловича.

Особняк гостеприимного барона никогда не пустовал: в нем постоянно жили гости из России. Некоторые из них были торговыми агентами, иногда там останавливались дипломаты, но чаще всего в особняке находили приют те, кто путешествовал по личной надобности.

Орлову не хотелось встречаться с неведомым и настойчивым соотечественником. Если бы это был кто-то из своих, его предупредили бы заранее весточкой. Значит, проездом в Сан-Антонио находится либо инспектор военного ведомства, либо ревизор из министерства иностранных дел. Ни с тем, ни с другим капитану Орлову не о чем было говорить. Но от приглашения барона нельзя было отказываться.

Назавтра же он отправился в Техас, прихватив с собой посылочку для генерала Обручева: в запаянной жестяной банке из-под солонины находились отчеты за два месяца, очередное прошение об отставке и револьвер от Галлахера.

Лансдорф поморщился, увидев банку.

— Павел Григорьевич, голубчик, нельзя ли придать вашей корреспонденции более эстетический вид?

— Помилуйте, ваше превосходительство! Какая разница? Курьер упакует.

Барон сокрушенно вздохнул. Тонкий ценитель прекрасного, Семен Карлович даже обычные почтовые пакеты превращал в произведения искусства — бумагу для них заказывали в Лионе, а каждую надпись исполнял собственноручно, загубив несколько черновиков. Он и сам являл образец аккуратности. Полный, но не тучный, с безупречными бакенбардами и идеально выскобленным подбородком, барон словно сошел с одного из портретов, висевших в его кабинете.

Помощник барона, Конрад Бертельс, взвесил банку на руках:

— Здесь на полфунта больше, чем указано на этикетке. Как же вы так оплошали? Кстати, Павел Григорьевич, почему вы потчуете свое начальство исключительно солониной? На мой взгляд, весьма удобными представляются банки от консервированных персикаов.

Конрад, молодой белобрысый здоровяк с покатым лбом и массивным подбородком, по-приятельски подмигнул капитану. Несмотря на молодость, Бертельс имел богатый опыт

службы на Ревельской таможне. Год назад Конрад женился на дочери Лансдорфа, и барону удалось без лишних проволочек перевести его на другую работу. Теперь молодая семья жила под родительским кровом, и, насколько было известно Орлову, собиралась осесть в Техасе навсегда.

— Но о персиках поговорим в другой раз, — продолжил Конрад. — Вас, Павел Григорьевич, ожидает встреча с интересным собеседником.

— А собеседник может немного подождать? — спросил капитан. — Я бы хотел помыться с дороги, да и позавтракать не мешало бы.

— Позавтракаем вместе, — предложил Бертельс. — Этот человек остановился в «Шварцвальде», и к нашему приходу там будет готов отличный завтрак. Вы никогда не ели в нашей таверне?

— Не имел счастья, — осторожно сказал Орлов.

Когда они подошли к таверне, из ее открытых дверей доносился аппетитный запах тушеной капусты. Хозяин, довольно улыбаясь, стоял на пороге в новом белом фартуке, повязанном поверх голого торса. Его руки, толстые, как ноги нормального человека, были покрыты медными волосами, и эти волосы становились все гуще от кисти к локтю, потом редели, однако на плечах уже лохматились, словно эполеты. Кожа на лице, на шее, на груди была одного и того же цвета и напоминала хорошую ветчину.

Внутри таверны радовали глаз яркие желтые афиши с крупными черными буквами, извещавшие о борцовских турнирах. Фамилия «Шварцвальд» на них была обведена красной рамкой, причем явно не типографским способом. Под одной из таких афиш за накрытым столом сидел человек в длинном плаще и в шляпе с опущенными книзу полями.

— Кажется, вы еще не знакомы, — сказал Бертельс. — Мистер Орлов, наш представитель в Арканзасе. Дядюшка Йоган Шварцвальд, из Гамбурга, чемпион мира по борьбе. А это наш гость из Нью-Йорка, мистер Форд.

Тот, кого называли Фордом, молча приподнял шляпу, показав гладко выбритый череп.

— Ах, мистер Форд, — пропел дядюшка Шварцвальд, — как шаль, что я не могу фытать свою точь замуж за вашего сына. Форд! Это звучит! Какое потомство могло бы получиться от наших тетей. Арнольд Форд, наш внук, положил бы на лопатки всех этих янки, французов и макаронников!

— У меня, к сожалению, нет сына, — заметил бритоголовый.

— Не пета, у меня все равно нет точери, — дядюшка Йоган горестно развел руками. — Но вы же понимаете, Арнольд Форд это совсем не то, что Арнольд Шварцвальд. Человек с фамилией Шварцвальд никогда не станет чемпионом в этой стране. Может быть, в Иллинойсе. Но не в Калифорнии, не в Канзасе, не в Луизиане. Я был в разных штатах, и мне нигде не давали победить. Томпсон, Харди... Победу давали им. А Харди на самом деле Гардье, лягушатник. Мне тоже предлагали новое имя, например, Джо Блэквуд. И тогда я бы стал чемпионом Мериленда. Но вы знаете, что я им сказал? Я сказал, что человек должен оставаться самим собой даже в Мериленде.

На протяжении этой патетической речи дядюшка Шварцвальд не забывал подавать на стол судки, салатницы, соусницы и масленки, а к финальной фразе водрузил посреди стола необъятное блюдо с еще шипящими ломтями жареной свинины. К этому легкому завтраку были также поданы полуметровые кружки с пивом. Бертельс потер руки, плотоядно улыбаясь, и первым вонзил свою вилку в брызнувший соком кусок.

Завтракать в таверне было принято молча, не отвлекаясь на комплименты и светские анекдоты. Наконец, тяжело отдуваясь, Конрад Бертельс отодвинулся от стола и сказал:

— Мистер Форд, наверно, вы хотите что-то рассказать мистеру Орлову?

— Наверно, хочу, — Форд раскрыл шкатулку, в которой лежали шоколадного цвета сигары с красно-золотыми ярлычками. — Не желаете?

— Нет, спасибо.

— Не отказывайтесь, — посоветовал Конрад, протягивая руку к шкатулке. — Что может быть лучше контрабандной сигары! Наверно, никак не дешевле сорока центов за

штуку?

— Понятия не имею. Сам я их не курю, потому и не покупаю. А эту шкатулку держу только для бесед с важными людьми. Давайте пройдем ко мне в комнату, я вам кое-что покажу.

В комнате, где расположился загадочный гость из Нью-Йорка, стояла солдатская складная кровать, под которой капитан заметил дорожный саквояж, болотные сапоги и длинное ружье в черном замшевом чехле.

Опустившись в кресло, Орлов следил за новым знакомым. Тот был сухощав и загорел, серо-голубые глаза его, казалось, выгорели на солнце. Брови и ресницы, густые и темные, ярко выделялись на лице. Он снял шляпу и плащ, небрежно бросил их на кровать и остался в белоснежной сорочке со стоячим воротничком и полосатых брюках на подтяжках. Сухо улыбнувшись, он заговорил по-русски:

— Для начала, граф, позвольте представиться. Ротмистр Бурко, Сергей Андреевич.

«Ротмистр? Кавалерист?» — хотел спросить Орлов. Но не спросил, потому что и сам догадался, что собеседник служит в корпусе жандармов. Кавалерист не стал бы упоминать о графском титуле. А вот жандармы обожают щеголять осведомленностью.

— Странно, что вы не немец, — сказал капитан. — Я уж привык, что вокруг Семена Карловича одни немцы.

— Человеку свойственно тянуться к тем, кто ему близок по духу. Полагаю, барон выбрал место жительства именно из-за того, что здесь, в Сан-Антонио, самая крупная немецкая колония. А вы где желали бы поселиться?

— В Гатчине.

Форд, он же Бурко, усмехнулся.

— Я полагал, вы назовете Нью-Йорк. Там сейчас немало русских. Впрочем, их можно найти в самых разных уголках Америки. Вы же бывали в Канзасе. Может быть, довелось встретиться с бывшими соотечественниками?

— В Канзасе? Если вы о русской коммуне Фрея, то — нет, не довелось. Слышать слышал, но во встречах нужды не имел. По роду занятий мне приходится иметь дело с крупными производителями. Фермы — не мой уровень.

— Русская коммуна? Просветите меня, — попросил Бурко. — Я только краем уха слышал об этой авантюре.

— Больше не услышите. Ее уже давно нет. Да и была ли она? — Орлов махнул рукой. — Собрались несколько мечтателей, попытались пересадить русскую крестьянскую общину на американскую почву, да дворянская кровь все же сказалась. Не знаю, как у них обстояли дела с производством зерна или молока, но продукцию иного рода они выдавали довольно успешно — прекраснодушные статьи о пользе физического труда. Я читал их заметки в журналах. Кстати, до сих пор не могу понять, почему коммуну называли русской. Мне встретились только два русских имени — Маликов да, кажется, Чайковский.

— Разве вам не известно настоящее имя Фрея? — удивился Бурко. — Владимир Гейнс, сын генерала Константина Гейнса. Выпускник Артиллерийской Академии, служил в Генштабе, имел блестящие перспективы. Эмигрировал, тогда и стал Вильямом Фреем. «Фрей» — от аглицкого «фри», то есть «свободный».

Орлов развел руками:

— Своим краем уха вы слышали больше, чем я смог найти за несколько лет. Говорите, служил в Генштабе? А чем теперь занимается, не знаете? Не вернулся ли?

— Отнюдь нет. Ныне проживает в Лондоне, ведет социалистическую пропаганду.

«Так вот почему ты меня о нем спрашивал», — подумал Орлов. Бурко спрашивал его вовсе не об этом, но ведь у каждого вопроса имеется скрытый смысл — особенно у вопросов жандарма.

— А с Дементьевым, Петром Алексеевичем, не пересекались ваши деловые дорожки?

— Не припоминаю, — признался Орлов.

— Ну да, он же обосновался во Флориде, далековато от ваших палестин. Правда, ныне

он Питер Деменс. Вышел из гвардии в отставку, будучи весь в долгах, однако же рассчитался с кредиторами вчистую. А ныне процветает. Прокладывает железные дороги. И поговаривают, что мечтает основать новый Санкт-Петербург. Диву даешься, сколько бывших соотечественников благополучно устроились в Америке. А я вот в кои-то веки выбрался за пределы Европы, — вздохнул ротмистр. — Да и то по служебной надобности. Видите ли, некая особа собирается потешить свою охотничью страсть на просторах техасских прерий. И мне поручено присмотреться к местным особенностям. В чем весьма и весьма рассчитываю на вашу помощь.

— На мою? — Орлов покачал головой. — Слуга покорный. Об охоте имею крайне слабое представление.

— А вот генерал Скобелев отзывался о вас, как о прекрасном егере, — многозначительно произнес Бурко. — И Николай Николаевич выдал вам блестящие рекомендации. Так что, Павел Григорьевич, не отпирайтесь, это бесполезно.

Орлов решил перевести разговор в деловое русло.

— Моя задача?

— Произвести рекогносцировку местности, — Бурко сразу же подхватил его тон. — Составить справку. Указать способы охоты, пути следования, пункты отдыха. Особо изучить район с точки зрения обеспечения безопасности.

— Что за район?

Бурко, не вставая со стула, дотянулся до своего плаща, лежащего на кровати, и запустил руку глубоко во внутренний карман. Оказалось, что там у него была сложенная гармошкой карта. Он развернул ее, окинул взглядом и снова сложил гармошкой, но уже нужным квадратом кверху. Все это он проделал так же ловко, как профессиональный картежник тасует и раздает карты. Точнее, так же ловко, как опытный офицер, который одинаково уверенно обращается и с игральными картами, и с топографическими.

— Взгляните на карту. Здесь все отмечено.

— Сроки?

— Дней через пять желательно было бы уже обсудить с вами составленный отчет. А затем я выберу несколько мест, которые мы с вами и посетим, чтобы увидеть все самолично.

— Еще вопрос, — Орлов помедлил, подбирая слова. — На какого зверя предпочитает охотиться упомянутая особа?

— На крупного. Трофей должен быть впечатляющим. Бизон, антилопа... Может быть, волк. Здесь водятся волки?

— Койоты, — сказал Орлов.

— Уточните. Возможно, для такого гостя найдутся и волки.

Они поговорили еще с полчаса, обсуждая детали предстоящей охоты. Орлову сразу понравилось, что Бурко относился к этой забаве как к сложной и ответственной операции. Его интересовали, к примеру, не только маршруты подхода к району, но и возможные варианты выхода оттуда. Глубина и мощность колодцев, крутизна склонов, места осыпей и камнепадов,zybучие пески, стоянки индейцев и тропы контрабандистов — всех этих данных не было на карте. Кое-что капитан Орлов помнил по собственному опыту, что-то знал от агентов, но многое предстояло определить на месте. Капитан подумал, что им с ротмистром предстоит довольно приятная прогулка. Приятность эта заключалась не в красотах пейзажей и не в возможных охотничьих трофеях. Просто Орлов больше всего на свете любил свою работу. А рекогносцировка местности есть главное занятие военного разведчика.

Было видно, что Бурко тоже предвкушает все прелести многодневного похода по неизведанным землям. По некоторым выражениям Орлов догадался, что свой чин ротмистр получил все же на кавалерийской службе. Нашлись и общие знакомые по турецкой кампании. Впрочем, о своем участии в боевых действиях Бурко не стал распространяться. Зато время от времени ротмистр как бы невзначай демонстрировал осведомленность то об участии Орлова в рейдах по турецкому тылу, то о давней скобелевской экспедиции в Испанию. О себе же он то и дело повторял, что за последние годы превратился в

канцелярскую крысу, что кроме бумаг ничего не видит... И далее в том же духе.

Вернувшись в Литл-Рок, Орлов без особого труда составил требуемую справку. Капитану часто приходилось ездить по Западу, и район Техаса, отмеченный на карте, был ему хорошо знаком. Прерия между Далласом и Тексарканой была крест-накрест пересечена железными дорогами. Естественно, никаких бизонов там не осталось. В невысоких горах можно было поохотиться на баранов-бигхорнов, а в степи еще бродили чудом уцелевшие стада антилоп. В общем, единственное, что могло привлечь в эту местность организаторов охоты — как раз обилие железных дорог. Как нетрудно было догадаться, высокая особа предпочитает передвигаться в комфортабельном поезде. Скорее всего, речь шла о цесаревиче.

Александр Третий, в бытность наследником, сам как-то посетил Северо-Американские Штаты ради охоты. Говорят, она была не самой удачной. Русскому гостю удалось подстрелить собственную лошадь. Правда, потом ему помогли завалить и бизона. Но впечатления остались весьма и весьма глубокие.

«Значит, теперь безопасность визита будет обеспечиваться не только охранным департаментом, но и Генштабом, — подумал Орлов, разглядывая карту. — Всю жизнь мечтал оказаться загонщиком на царской охоте...»

3

Весна разгулялась по-летнему. Солнышко, хоть пряталось за плотными облаками, но и сквозь них пригревало густые рощи, уже окрашенные прозрачной первой зеленью. Персиковые сады на холмах покрылись розовой пеной цветов. По ночам шли короткие теплые дожди, и каждое утро начиналось в густом тумане. Джерико со своими людьми двигался по ночам, и этот утренний туман был как нельзя кстати. Они успевали уйти с дороги в лес, поднимаясь подальше, в самую чашу, чтобы там переждать день.

Весна дурманила его запахом ожившей земли, блеском теплой реки за стволами деревьев. Хотелось забыть обо всем, сорвать с себя одежду, и голым кинуться вниз по склону, чтобы упасть в ласковые волны и кружиться на течении, лежа на спине и глядя в серое бездонное небо.

Но даже эта невинная радость была ему недоступна. Всякий раз, когда он об этом вспоминал, его переполняла злоба. Там, внизу, по дороге катились повозки, пронеслись всадники, поднимая легкую пыль. Где-то в реке плескались мальчишки, и их звонкие крики и смех далеко разносились по воде... Джерико не завидовал им. Как можно завидовать тем, кому ты готов перегрызть глотку?

Они перехватили дилижанс в таком месте, где этого меньше всего можно было ждать. Две мили от станции, полторы мили до придорожной таверны. Обычно, нападая на пустынных дорогах, Джерико стрелял в кучера, Индус — в охранника, а остальные били по окнам дилижанса. После хорошей пальбы люди становятся очень послушными, если остаются в живых.

Но здесь нельзя было стрелять, потому что на звук выстрелов наверняка примчались бы и люди со станции, и те, кто был в таверне. Потому-то место и считалось безопасным, хотя дорога здесь вплотную прижималась к лесистому склону горы.

Надо было придумать что-то такое, чтобы кони остановились сами. И Индус придумал.

На дороге лицом вниз лежала женщина. Дорожная шляпка с вуалью сбилась на затылок, рядом валялся распахнутый саквояж. Кучер остановил лошадей и привстал, оглядываясь. Охранник рядом с ним вставил ружье в гнездо и тоже поднялся, готовый соскочить, чтобы оказать женщине помощь.

Но женщина зашевелилась и медленно поднялась с земли, встав на одно колено и опираясь на какую-то изогнутую ветку, которую она до этого прятала под собой. Кучер разинул рот от изумления, потому что в руках у женщины был лук!

Туго щелкнула тетива, и стрела с хрустом пробила грудь охранника. Кучер растерянно

повернулся к товарищу. Тот был еще жив, он стоял, шатаясь, с вытаращенными глазами, а из уголков рта уже сбегали две полоски крови — и тут же вторая стрела воткнулась самому кучеру в горло. Он свалился под колеса дилижанса, а охранник упал между лошадьми, запутавшись в постромках.

Джерико вскочил с земли, срывая с себя женское платье. Его люди, выбежавшие из-за деревьев, уже подложили под дилижанс заранее приготовленные пучки сухой травы и подожгли их. Удушливый сизый дым окутал карету. Внизу он был густой и плотный, как сметана, у окон уже становился прозрачным, и совершенно таял, когда поднимался над крышей. Такой дым не увидят издалека, да и здесь он продержится недолго, но этих минут хватит, чтобы напугать удушьем несчастных пассажиров.

— Выбрасывайте оружие! И не дергаться! — скомандовал Джерико тем, кто сидел внутри.

Они уже начали кашлять.

— Если кто-то попытается выстрелить, все сгорит живьем! Выбрасывайте оружие!

Из окна вылетели пара револьверов и карманный «деринджер».

Дверца кареты распахнулась, и на дорогу вывалился седой толстяк, прижимая к багровому лицу кружевной платок. За ним из кареты повалил дым. Слышался женский плач.

Пабло Гомес схватил стоящего на четвереньках толстяка за шиворот и поволок к лесу. Там его перехватил Уолли. Он оттолкнул Пабло, коротко взмахнул дубиной и с треском опустил ее на затылок толстяка. Тот уткнулся лицом в траву и завалился набок, а в дилижансе завизжала женщина.

— Выходите! — крикнул Джерико.

Их осталось четверо — пара мужчин и пара женщин. Джерико сразу решил, что молоденькую в зеленом платье он оставит себе и, схватив ее за руку, оттащил в сторону, пока Индус и Канисеро связывали остальных.

Пабло, обыскав убитого толстяка, радостно потряс над головой широким кожаным поясом, туго набитым деньгами. Уолли выволок из багажного ящика саквояжи, связал их ручки и навьючил на себя.

— Пошли, — скомандовал Джерико, и они принялись подниматься по склону между деревьями, а Хью задержался, чтобы загасить огонь. Дым стелился по дороге, не поднимаясь вверх.

Ограбленных нельзя было отпускать. Они добежали бы до таверны раньше, чем шайка могла уйти на безопасное расстояние. Поэтому, углубившись в лес, Джерико остановился у расщелины между скалами.

— Дальше не пойдем, — объявил он. — Есть тут пещерка, небольшая, но уютная. Вам придется посидеть там. А потом за вами придут.

Уолли взял за шиворот мужчину в синем костюме и подтолкнул вперед. Они скрылись в расщелине, и Джерико заговорил громче, чтобы никто не услышал пугающих звуков.

— Леди и джентльмены, у вас нет никаких причин для тревоги. Перед вами не убийцы. Мы честные грабители. А вы не обеднеете, если лишитесь сережек или часов, верно?

Он говорил с ними на городской манер, весело и дружелюбно, поигрывая револьвером и жадно разглядывая девушку. Он всегда говорил одно и то же, пока Уолли забивал пленников по одиночке. Главное, чтоб они не волновались. Чтобы кровь не ударила в голову. Чтобы подчинялись безропотно, парализованные страхом.

Второй мужчина, молодой белобрысый здоровяк, казался совершенно спокойным. Но Джерико видел, как мечутся его глаза.

Та женщина, что была постарше, тоже пока держалась нормально. Правда, она побелела, как снег. И смотрела в небо, молясь шепотом.

Молоденькая сидела в стороне, зажав лицо ладонями. Джерико решил, что она останется жить.

Она легкая. Лошадь и не заметит такой прибавки к обычному грузу. Молчит, значит, понимает, что кричать бесполезно. Она будет послушной девочкой. На пальчике — колечко.

Значит, замужем. Наверно, совсем недавно. Молоденькая, еще свежая, чистая. Какой чистый у нее белый воротничок над зеленым платьем... Наверно, такая же чистая сорочка под платьем. И там, под сорочкой, ее грудь.... Такая маленькая, умещается в ладонь, с розовыми полупрозрачными сосками.... Была у него однажды малолетка, хныкала все время. А эта держится.

Она ему нравилась так, как давно никто не нравился, хотя он почти не видел ее лица. Она сидела, наклонившись и закрывая лицо. И сейчас он видел только ее тонкую розовую шею между белым воротничком и каштановыми волосами, зачесанными кверху под шляпку. Но именно эта шейка ему нравилась больше всего на свете. Он не отпустит девчонку. Он будет возить ее с собой, сколько это будет возможно. Они уедут в Мемфис, он покажет ей, что такое красивая жизнь...

Он все любовался ее шейкой, и вдруг белобрысый здоровяк связанными руками оттолкнул Индуса, ногой врезал Пабло по яйцам, а потом кинулся на Джерико. Они оба повалились, и парень все тянулся зубами к горлу, пока не подоспел Канисеро со своим тесаком. Белобрысый обмяк, и Джерико смог выбраться из-под него — и тут он услышал хруст веток, топот ног, а потом два выстрела.

— Чуть не убежала, — сказал Индус.

— Зачем ты стрелял? — вскинулся Джерико.

— Да здесь никто не услышит.

— Зачем ты стрелял...

Он кинулся вниз по склону, туда, где зеленело широкое платье, разметавшееся на ржавом ковре листьев. Индус, мазила, ну почему ты не промазал в этот раз?

Она лежала на боку и уже не дышала. Пуля попала ниже левой лопатки и вышла из груди, оставив огромную рваную рану.

Джерико перевернул тело на спину и бережно сложил руки убитой на груди, чтобы не видеть красного месива пленок и серой пены, он прикрыл все это, чтобы наконец полюбоваться ее лицом.

Он сдул с ее щеки прилипшие листья и сухие травинки, расправил волосы, открывая выпуклый лоб.

— Уйдите все, — приказал он, стоя над телом. — Уходите, я догоню.

Он опустился перед ней на колени и дрожащими пальцами принялся расстегивать мелкие пуговицы. Пальцы нащупали цепочку, он потянул за нее, и из кармашка на талии выпала луковица часов. Джерико отшвырнул часы и снова принялся за пуговицы. Дойдя до сложенных рук, он остановился и развел полы платья в стороны. Под зеленым платьем оказалась плотная серая юбка. Он попытался стянуть ее вниз, но она была пристегнута к поясу крючками. Крючки не поддавались ему, и тогда он в ярости выхватил нож и вспорол эту юбку снизу до живота, и вторую юбку, шелковую, он разодрал руками, и, наконец, увидел ее ноги, обтянутые полосатыми штанишками от колена. Он гладил остывающие колени и не понимал, почему они блестят, почему они мокрые, пока перед глазами не поплыли радужные пятна, и только тогда он догадался, что плачет. Это его слезы намочили ее колени. Оказывается, он плакал, раскачиваясь над ней и приговаривая «зачем ты стрелял, зачем ты стрелял...»

Он поднял голову и увидел, что вся шайка собралась вокруг него.

— Индус! — Джерико встал, стряхивая листья с колен. — Сволочь, такую пташку угробил. Уолли, что с остальными?

— Готовы.

— Каков навар?

— Денег не больно много, — доложил Пабло. — Пара золотых колец. Ну, сережки, часы.... Надо еще багаж обшарить.

— Так обшарь, чего ждешь? — рассеянно спросил Джерико, не в силах оторвать взгляд от лица покойницы.

— Тебя ждем. Там чемоданчик хитрый, вроде сейфа. Обит кожей, а под ней — железо.

— Ну, пойдем, посмотрим. Ключи нашли?

— Да найдем, куда они денутся... — Индус выглянул из-за плеча Уолли. — А ты посмотри на девчонке, чтоб не возвращаться. Может, это ее чемодан?

— А чем, по-твоему, я тут занимался? — гневно спросил Джерико. — Ты же видел, я уже обыскал. Нет у нее никаких ключей.

— Ну, значит, у других посмотрим, — быстро согласился Индус, подбирая с листвы золотую луковку часов.

Они поднялись обратно к скалам и прошли в расщелину, где рядом лежали три тела — мужчина в синем костюме, белобрысый, женщина. Пабло принялся выворачивать их карманы, а Индус вдруг сказал:

— А я их знаю. Этот, с белыми волосами, он тут живет.

— Ну и что?

— Вроде бы они иностранцы. У них свой дом за холмами. Точно! — Индус хлопнул себя по лбу. — Этот, седой, которого первым замочили — он у них главный! А девчонка — его дочка. Про остальных не скажу, но этих я знаю.

— Хватит болтать, — сказал Хью. — Уходить надо.

— Дом у них богатый, — не мог остановиться Индус. — Вот бы заглянуть туда, пока никто не хватился, а, Джерико?

— Не успеем. Все из-за тебя. Зачем ты стрелял? На выстрел все сбегутся...

Словно в подтверждение его слов, со стороны дороги слышались голоса.

— Расходимся по одному! — скомандовал Джерико. — Встречаемся на старом месте!

Они безропотно подчинились. И рассыпались в разные стороны, отдав всю добычу главарю. Когда начинают ловить грабителей, лучше не иметь при себе ничего из награбленного — плохая примета. Пояс с деньгами, бумажники и сундучок Джерико спрятал под корнями сухого вяза. Уходя, он часто оглядывался, запоминая место.

Он знал, что скоро вернется сюда. И знал, что ему будет тяжело и больно сюда возвращаться.

Однако уже на следующий вечер он и думать забыл о той девчонке. Потому что думать надо было о другом.

Индус был прав — убитые иностранцы жили в особняке за рекой, на Персиковых холмах. Он целый день провалялся в кустах, наблюдая за домом, и убедился, что в нем никого не осталось, кроме слуги-негра и двух собак. Ему показалось подозрительным, что сюда еще не наведася полиция. Однако Джерико, выслушав Индуса, решил, что полиция просто ничего еще не знает. Мало ли кто мог ехать в ограбленном и брошенном дилижансе?

Рано или поздно в особняке появятся полицейские. Но сейчас-то он стоит пустой! И ночью шайка отправилась на дело.

Собак взял на себя Канисеро. Как только они кинулись на него, он подставил им левую руку, обмотанную куском войлока. А в правой у него был тесак. Собаки даже полаять толком не успели.

На шум из пристройки выглянул негр — и получил по затылку дубиной. Уолли сам отволол труп к выгребной яме, пока Индус возился с входными замками.

Это был хороший дом, настоящее гнездышко семейного уюта. Под босыми ногами Джерико расстилались мягкие ковры. Он проводил грязным пальцем по бумажным обоям, где на светло-зеленом поле распускались нежно-розовые тюльпаны. Тут и там на стенах в геометрическом порядке висели литографии в рамочках, под настольными лампами были заботливо подстелены вышитые салфетки, а полированная этажерка была густо заставлена книгами.

Он вошел в спальню — и замер, пораженный роскошью. Его глазам больно было смотреть на белые высокие подушки на искрящемся голубом покрывале. Толстый ковер на полу гасил шаги и ласково прижимался к ступням, словно уговаривая никуда больше не идти, а остаться здесь. На туалетном столике красовалось зеркало возле изящной шкатулки из слоновой кости. А в углу стоял настоящий фарфоровый умывальник с овальной

раковиной и белым кувшином, и голубой шарик мыла лежал в сверкающей мыльнице. Несколько белых полотенец свисали с вешалки, и казалось, к ним никогда еще не прикасалась рука человека.

Джерико взял кувшин, наклонился над раковиной и вылил воду себе на голову. Слегка вытер лицо полотенцем и бросил его под ноги.

«Вот в таком доме я должен жить, — подумал он. — Я не должен скитаться, как бродячий пес. Мне нужна чистая постель. Мягкое кресло. Я должен есть серебряной ложкой, а не хватать руками куски мяса из общего котла...»

— Мы нашли его! — радостно закричал за спиной Хью. — Сейф, Джерико! Мы нашли сейф! Индус подбирает ключи!

— Так помоги ему, — спокойно ответил Джерико и присел на кровать, осторожно погладив подушку.

— Что с тобой? — опешил Хью.

— Оставь меня.

— Что?

Он оглянулся и посмотрел на приятеля так, что тот вздрогнул и опрометью кинулся из спальни.

А Джерико растянулся на постели, и его тяжелая голова опустилась на ласковую подушку.

— Как же я вас ненавижу, — проговорил он, закрыв глаза.

Он ненавидел их всех. И приятелей, что присосались к нему, как блохи. И хозяев этого дома, которые за всю жизнь ни разу не почувствовали настоящего голода, никогда не мерзли на ветру, и умерли быстро, без мук и позора. Да, даже в последний миг богачи имеют преимущество над бедняками, которых ждет совсем другая смерть — в сточной канаве или на виселице.

— Смотри, что я нашел, — слышался вкрадчивый голос Индуса.

Джерико сел в постели, стряхивая оцепенение.

— Что? Ты открыл сейф?

— Нет, он не поддается. Там нет даже скважины для ключа. Только несколько маховичков для набора кода. Нужны инструменты или динамит. Но я нашел кое-то еще. Уолли выломал ящики из стола. Денег там не было. Ничего не было, кроме бумажек.

— Ну и что?

— Это не простые бумажки. Смотри.

Увидев разноцветные листки с рисунками, печатями и витиеватыми подписями, Джерико понял, что скоро его жизнь круто изменится.

4

Нанимая извозчика на вокзале, капитан Орлов столкнулся с непредвиденными трудностями.

— Куда-куда? — переспросил кучер. — На Персиковые холмы? Может, кто-то и согласится, только не я. Семья у меня, мистер, понимаете?

— Ваша семья останется довольна, — пообещал Орлов.

— Само собой. Но только ежели я вернусь целым, а не весь в стрелах, как святой Себастьян.

— Где же вы можете найти столько стрел?

— Э, да вы, видать, издалека приехали? Не слышали ничего об индейцах?

— Послушайте, любезный, — сказал капитан терпеливо. — Я понимаю, что нападения индейцев время от времени случаются даже в Техасе. Но еще чаще происходят другие напасти. Скажем, в человека попадает молния. Или от упавшей свечки разгорается пожар, уничтоживший Чикаго. А еще бывают наводнения, землетрясения, чума, наконец. Однако люди продолжают ходить под дождем, зажигать свечи и вообще жить.

— Красиво говорите, мистер. Только к чему вы это?

— К тому, что современный человек пользуется страхованием! Предлагаю вам немедленно застраховаться от нападения индейцев. Мы с вами заключим договор. Если заметим в пути хотя бы косвенные признаки присутствия индейцев — вы получаете пятьдесят долларов. Если же не заметим — вы все равно получаете пятьдесят долларов. Просто, чтобы вам было веселее возвращаться.

— Полсотни? — Кучер почесал кнутом за ухом, крикнул и откинул дверцу экипажа. — Что ж, страховка — дело хорошее.

Обычно прогулка к Персиковым холмам занимала не более получаса резвой езды. Однако на этот раз извозчик, поначалу столь воодушевленный гонораром, быстро умерил свой пыл и «поспешал не торопясь». А на почтовой станции вообще зачем-то остановился, соскочил на землю, долго и бесцельно возился с упряжью. Когда же из окна выглянул кто-то из почтальонов, извозчик задал ему странный вопрос:

— Как сегодня?

— Тихо, — ничуть не удивившись, ответил почтальон.

И кучер, тяжело вздохнув, снова взялся за вожжи.

Дорога свернула в ложбину между лесистыми склонами, и здесь кони, наконец, помчали во всю прыть. Экипаж раскачивался, подпрыгивал и скрипел, грозя развалиться. Однако обошлось без катастроф. Когда же впереди показалась придорожная таверна, извозчик обернулся. На лице его светилась счастливая улыбка:

— Повезло! Проскочили! Вот в этом самом месте все и случилось! На той неделе индейцы остановили дилижанс, сожгли его и всех поубивали. Вот так-то. А вы говорите — гроза, наводнение.... Пока жив хоть один индеец, грозы нечего бояться.

Карета пронеслась мимо цветущих садов. Под колесами прогремел мостик. На другом берегу спокойной реки расположились дорогие особняки, каждый из которых был окружен большим садом, а некоторые белели в глубине геометрически правильных парков.

— Живут же люди, — с легкой завистью продолжал кучер. Он не мог наговориться, пережив несколько минут смертельного страха, от которого каменеет язык. — Кому-то и на ферму не накопить, а кому-то и во дворцах тесно. Да только и богатым порой несладко приходится.

Он показал кнутом на обгоревший остов здания за ажурной чугунной оградой, вдоль которой прогуливался полицейский.

— Видите? Сгорело на той неделе. А уж какой домик-то был роскошный! Даже телеграф свой имелся. Теперь-то одни столбы остались. А полыхало-то как! Говорят, даже в городе зарево было видно. И что удивительно, никто не сгорел. Собак нашли, зарубленных, а от хозяев и следа не осталось.

— Бывает, — спокойно заметил капитан Орлов, даже не оглянувшись на пепелище усадьбы Лансдорфа. — Сейчас направо, к таверне «Шварцвальд».

Дядюшка Йоган стоял у плиты, мрачно глядя на дымящуюся сковороду. Двое полицейских сидели в углу, видимо, ожидая заказанную свинину. Орлов подошел к стойке и негромко поздоровался по-немецки. Шварцвальд удивленно оглянулся.

— Добрый день...

— Возможно, не самый добрый, — добавил капитан.

— Да, пожалуй, — кивнул великан. — Будете есть?

— Я зашел поговорить. Что случилось?

Шварцвальд разложил мясо на два блюда и отнес к столу, где сидели полицейские. Затем, вернувшись к стойке, вытер руки о фартук и молча налил виски в две рюмки.

— Я не пью до заката, — сказал он. — Но сейчас особый случай. Барон Лансдорф умер. Погиб вместе со всей семьей. Видите этих мальчишек в мундирах? Они собираются поймать убийц. Они никого не поймают. Выпьем за барона. Он был великий человек.

Капитан пригубил стопку и спросил:

— Как это произошло?

— Не знаю. Никто не знает. Мы сбежались на пожар, но в доме никого не было. Тела нашли через два дня. В лесу. Барон не доехал до города. Конрад, бедный Конрад, он не смог защитить жену... — Шварцвальд шмыгнул носом. — Вчера мы их похоронили.

— Мы? Кто этим занимался?

— Мы, немцы. Барон был нашим земляком. От Ревеля до Гамбурга не так и далеко.

— Странно, что мне ничего не сообщили, — сказал Орлов, доставая трубку.

Ему нестерпимо захотелось курить. Еще сильнее хотелось кинуться к ближайшему телеграфу, либо мчаться в российскую миссию в Новом Орлеане, либо вскочить на коня, либо просто выстрелить в потолок. Надо было что-то делать. Но что? Этого он пока не знал. Поэтому занялся привычным и полезным делом — стал тщательно набивать трубку.

— Кто же вам мог сообщить? — печально спросил Шварцвальд. — Они все погибли. Барон с супругой, их дочь, и Конрад — они ехали вместе, и вместе приняли смерть.

Только сейчас Орлов вспомнил о существовании ротмистра Бурко.

— А мистер Форд? — спросил он.

— У него неприятности, — понизив голос, сказал дядюшка Йоган и наклонился поближе, нависнув над стойкой: — Он в каталажке. Эти молодчики сцапали его, когда он ночью рылся на пожарище. У него очень крупные неприятности. Говорят, он не тот человек, за которого себя выдавал.

— Как насчет пива? — подал голос из угла один из полисменов.

Шварцвальд даже не покосился в их сторону.

— Мне привезли городские газеты. Не хотите посмотреть?

— Хочу, — сказал капитан.

«Охота за скальпами на городских окраинах. Охранник и кучер погибли от стрел. Поиски трупов продолжаются» — гласили заголовки в газете трехдневной давности, а вчерашняя задавала вопрос: «Происки конкурентов или роковая случайность?»

«Хлебный магнат убит вместе с семьей. Вчера после длительных поисков в скалах на восточной дороге были обнаружены тела пассажиров ограбленного дилижанса. До этого печального момента еще сохранялась надежда, что русский бизнесмен Лансдорф мог остаться в живых. Многим вспомнился инцидент с похищением ювелира Гофмана, когда похитители требовали выкуп в размере 50 000. На этот раз можно было ожидать, что цена освобождения перевалит за сто тысяч. Однако до торгов дело не дошло.

Сержант Крюгер организовал прочесывание местности. Его люди обнаружили в скальной расщелине тела убитых ...»

— Крюгер здесь? — спросил Орлов.

— Сидит наверху, в комнате, где жил мистер Форд. Думаю, сержант обрушит на вас гору вопросов, — сказал Шварцвальд. — Он уже всех нас тут замучил.

Орлов поднялся на галерею и заглянул в приоткрытую дверь. С сержантом Крюгером ему приходилось иногда иметь дело — местная полиция выделяла охранников для перевозки денег.

— Пол, наконец-то вы появились! — Сержант вскочил из-за стола, заваленного бумагами. — Мне так нужны ваши показания! Без них я не могу отправить отчет! Начальство тербит меня ежечасно, газетчики требуют хоть каких-то сообщений, а мне нечего сказать!

— Мне тоже, — сказал капитан, присаживаясь на койку и оглядывая комнату. Из вещей ротмистра Бурко здесь остался только плащ, висящий на стене за дверью.

— Такое горе, такое горе, — говорил сержант, сдвигая исписанные бумаги в сторону, чтобы освободить место для чистого листка. — Мы все так любили барона. А его дочь! Тихий ангел нашего предместья! С какой целью барон направлялся в город?

— Не знаю.

Орлов догадывался, что барон сопровождал курьера. Это, конечно, не входило в его обязанности, но так уж было заведено — каждого курьера Лансдорф чуть не под руку доводил до поезда и усаживал в вагон, а перед этим непременно посещался один из лучших

ресторанов Сан-Антонио. Рутинная процедура превращалась в запоминающийся праздник. Вот почему Семен Карлович всегда брал с собой и всю семью.

— Накануне печальных событий в доме Лансдорфа гостил некий господин. Очевидно, он и является пятой жертвой налетчиков, — продолжал Крюгер. — Вы знаете его?

— Не могу ответить.

— Вот фотографии, — Крюгер подвинул к нему стопку отпечатков.

Орлов заставил себя не разглядывать убитых и остановил взгляд только на лице курьера. Врать не имело смысла.

— Да, знаю. Это наш торговый агент.

— Отлично! — Крюгер с воодушевлением принялся скрипеть пером.

Он оставил на листке изрядный абзац и уже открыл рот для следующего вопроса, но тут дверь распахнулась, и в комнату, громко звеня шпорами, вошел человек в запыленном плаще.

— Крюгер, оторвись от бумаг! — сказал он. — У меня три вопроса. Первый — где стрелы? Второй...

— Минутку! — Сержант встал, опираясь кулаками о стол. — Шон, какого черта? Следствие веду я. Рейнджеров никто не вызывал.

— А нас не надо вызывать. Мы сами приходим. Так где стрелы, Руди? Мне надо хотя бы глянуть на них. Это первое. Второе — покажи мне сгоревший дилижанс. Думаю, он вовсе не сгорел, его только слегка подпалили снизу. Так?

— Так, — неохотно согласился сержант, опускаясь за стол.

— Ага! — Рейнджер снял шляпу и выбил ее о бедро, подняв облако пыли. — Третье. Как были убиты люди?

— Все по-разному. Череп проломлен у двоих, один убит ножом в спину...

— Стоп! Череп проломлен сзади? Сбоку, в висок? Или ударом в темя?

— Сзади. Удар под затылок.

— Ага! Знакомый почерк.

— Одна женщина застрелена, другая... — сержант поднял глаза к потолку, вспоминая. — Да, у другой проломлен висок.

— Больше вопросов нет.

Рейнджер развернулся и шагнул к двери.

— А как же стрелы? — спросил вдогонку Орлов.

— Я и не глядя могу сказать про них все, — сказал рейнджер, нахлобучивая шляпу. — Наконечники у них сделаны из обломков ножей. Так? Оперение — четыре вороньих пера. Если бы на дилижанс напали индейцы, они забрали бы стрелы с собой. Обломили бы черенок, если нельзя выдернуть, и забрали бы. Наконечник сделать легче, чем оперение. А раз не забрали, значит, это были не индейцы. Значит, сержант, у следствия будет еще много работы. Приготовь побольше бумаги. Придется много писать. Потому что у нас под носом орудует сам Джерико.

Он вышел, и его сапоги загрохотали по лестнице.

— Джерико... — эхом отозвался сержант. И вытер платком взмокший лоб.

— Что, такая известная персона? — спросил Орлов.

— О да. Слишком известная. И в то же время абсолютно неизвестная. Все знают, что Джерико — суший дьявол. И больше о нем ничего неизвестно. Мы не знаем даже его настоящего имени. Откуда он? Где скрывается? Куда исчезает после налетов? Где сбывает награбленное? Мы не знаем ничего.

— Позвольте вам не поверить, Руди, — сказал капитан. — Не скромничайте. В ваших тетрадах наверняка отыщется пара страниц, где упоминается этот тип. Я же знаю, вы записываете все слухи и сплетни. Поройтесь в бумагах. Уверен, вы оставите рейнджеров с носом и первым арестуете этого неуловимого Джерико.

— Оставить рейнджеров с носом? Было бы неплохо. Не прошло и недели, как они примчались нам на помощь, — проворчал Крюгер. — Где были эти герои, когда я лазил

сутки напролет по лесу? А теперь — пожалуйста, пришли на все готовое. Но... Вернемся к нашей печальной теме. Продолжим, Пол. Так вы говорите, вместе с бароном ехал ваш торговый агент. У него был обнаружен билет до Нового Орлеана. Значит, он и прибыл оттуда?

— Возможно.

Они побеседовали еще с полчаса. Сержант задавал вопросы, а Орлов отвечал, но так, что Крюгеру приходилось дополнять его ответы своими сведениями. В результате к концу допроса сержант не узнал почти ничего нового, а вот капитан выяснил почти все, что хотел.

Он узнал о том, что в лесу нашли выпотрошенные бумажники и саквояжи. Но среди них не оказалось курьерского почтового кофра. Поскольку Крюгер не обмолвился и о какой-либо найденной корреспонденции, Орлов пришел к выводу, что бандитам не удалось взломать стальной чемодан, но и бросить его они не желали.

Он также узнал, что расследованием убийства занимается полиция, а рейнджеров никто не просил вмешиваться. Но раз уж они подключились к делу, то не отступятся, пока не изловят банду Джерико. Они будут гоняться за ним по всему Техасу до самой мексиканской границы, а если понадобится, то и границу перейдут. Они обязательно его поймают. Или пристрелят. Возможно, Джерико не имеет никакого отношения к делу, но он уже столько натворил, что теперь любое ограбление и любое убийство будут вешать на него. «Преступление так и останется нераскрытым, но зато рейнджеры завоюют громкую славу, — желчно добавил Крюгер. — И не только славу. За голову Джерико объявлены премиальные — двенадцать тысяч долларов. При этом счастливчик, который убьет бандита, станет законным обладателем всего его имущества, лошадей, оружия, а также наличных денег».

А еще капитан Орлов узнал, что некий незнакомец, отказавшийся себя назвать, был и в самом деле схвачен ночью на развалинах особняка. Оказал сопротивление, сломал руку полисмену. И теперь препровожден в Кончитос, где помещен под строжайший надзор в крепостную тюрьму.

* * *

Старая крепость была построена еще при испанцах. Потом ею владели мексиканцы, сбросившие колониальное иго. Уже при них исчез крепостной ров, а из четырех башенных ворот открываться могли только южные. Когда же крепость вместе со всем Техасом вышла из-под власти мексиканцев, тогда перестали открываться и южные ворота, и новым хозяевам пришлось пробивать пролом в стене, чтобы устроить там вход в крепость.

Причиной всех этих перемен был наступающий на крепость песок. Песчаные дюны, незаметно для глаза, но безостановочно перетекая по пустыне, засыпали крепостной ров и подступили вплотную к стенам крепости. И если бы теперь кому-то вздумалось штурмовать эту твердыню, построенную по всем канонам испанской фортификации, то он легко обошелся бы без осадных башен и выдвижных лестниц. В некоторых местах до верхнего края стены легко можно было достать, приподнявшись на цыпочки — так высоко поднимались здесь наносы песка.

К счастью для малочисленного гарнизона, времена штурмов и осад остались в далеком прошлом, и сейчас крепость служила перевалочной базой для патрулей. Кроме того, в ней иногда содержали тех, кого подозревали в причастности к бандам. Чаще всего после опознания таких субъектов переправляли в суд по месту совершения преступлений. И крайне редко отпускали на свободу — если находились свидетели, удостоверяющие законопослушность задержанного.

Крепостная тюрьма имела всего лишь одно, но очень важное преимущество перед всеми остальными тюрьмами Техаса. Из нее никто никогда не убегал, потому что бежать было некуда. До ближайшего жилья отсюда было миль семьдесят в одну сторону, миль сто в другую, но пройти эти мили было не так-то просто. Одна-единственная дорога, которая начиналась у ворот тюрьмы и проходила сквозь городок, через пару миль превращалась в еле

заметную тропу, круто поднимающуюся в горы. С юга и с севера к тюрьме подступали белые пески пустыни. Если двинуться на запад по руслу пересыхающей речки, то через десяток миль можно попасть в объятия гостеприимных апачей. Любой, кто слышал об апачах хотя бы краем уха, предпочел бы сгнить в тюремной камере, но не знакомиться с ними.

Капитан Орлов приехал в Кончитос на почтовом дилижансе, который долго петлял по дороге через горы. Изучив обстановку, он решил, что вернется сюда со стороны пустыни.

Дядюшка Шварцвальд свел его с владельцем конюшни, и капитан смог подобрать себе подходящую лошадь. Он обрадовался, заметив среди гнедых и каурых темно-серую, в белых звездочках, кобылу. То была настоящая аппалуза. Лошади этой породы, выведенной индейцами, были невысокими, легкими, но необычайно работоспособными и умели пробираться между кактусами, не задевая их и не наступая на колючки, валяющиеся на земле. Все прочие животные относятся к кактусам с гораздо большим почтением и обходят стороной владения этих хозяев пустыни.

Впрочем, пространство между Сан-Антонио и Кончитосом было вовсе не таким уж пустынным, как принято было думать. Все дело в том, что мир становился все теснее и меньше. И то, что вчера казалось недостижимым, завтра будет в одном шаге от тебя. По крайней мере, в этом был уверен старина Шварцвальд, который отправил капитана в нужном направлении.

Выехав задолго до рассвета, к обеду капитан остановился у палаточного лагеря посреди пустыни. Грузовые фургоны, поставленные кольцом вокруг дюжины брезентовых палаток, свидетельствовали, что здесь еще опасались индейцев. Но землекопы, сидевшие под длинным навесом с дымящимися мисками в руках, были безоружны. Орлов заметил вдалеке не больше троих всадников с ружьями. Было очевидно, что здесь никто не мешает прокладывать очередную железнодорожную ветку. Возможно, индейцы просто не знали об этой стройке, как не знал о ней почти никто в Сан-Антонио. Пройдет каких-то два-три года — и на новой линии будут курсировать пассажирские поезда. Тогда, конечно, и тюремщики будут более бдительными. Но это благословенное время еще не наступило, и капитан поспешил воспользоваться предоставленными возможностями.

Он привязал аппалузу в тени длинного навеса, под которым стояли, обмахиваясь хвостами, четыре оседланные лошади.

— Ты из города, братец? — подошел к нему краснолицый крепкий старик в соломенной шляпе и дырявом комбинезоне на голое тело.

— Да, — кивнул Орлов. — Мне бы с Фогелем повидаться.

— С Фогелем, говоришь? А ты сам-то откуда?

— Из города, — терпеливо повторил капитан.

— Так тебе Фогель нужен.... А кто тебя к нему послал?

Уловив в его речи неистребимый акцент, капитан Орлов сдвинул шляпу на затылок и с дружелюбной улыбкой заговорил по-немецки:

— Один его дружок. Чемпион Гамбурга, Киля и Бремена.

Старик прищурился, и его тонкие бесцветные губы растянулись в улыбке, подставляя солнцу и ветрам целую дюжину желтых кривых зубов.

— Эге, да ты, значит, от Толстого Йогана прибыл? Ну тогда знай, что если хочешь увидеть Фогеля, то возьми вон там, за печкой, железную щетку да протри себе оба глаза. А если хочешь передать Фогелю привет, то положи свою бутылку прямо в мой карман, потому что меня уже шестьдесят лет зовут Карлом Фогелем, а других Фогелей до самого Далласа ты не найдешь.

С этими словами старик выпятил свой живот, подставляя капитану большой нагрудный карман комбинезона. Как только карман обвис под тяжестью темно-зеленой бутылки из таверны Шварцвальда, Фогель цепко подхватил Орлова под локоть и повел за собой к палатке, стоящей отдельно от других.

— Вот мое королевство, и я тут король, — провозгласил старик, оттягивая полог и широким жестом приглашая гостя внутрь. — Только сигару затуши. Сам знаешь, камрад, как

тяжело сюда возить динамит. И если рванет, меня потом долго возчики ругать будут.

— Поделишься? — спросил Орлов, окинув взглядом деревянные ящики с пугающими надписями и рисунками.

— Отчего же не поделиться с хорошим человеком. Ты ведь, как я понимаю, не просто так сюда завернул?

— Не просто так.

— Даже не верится, — Фогель хлопнул в ладоши. — Семнадцать лет прошло. Семнадцать лет! И Йоган Шварцвальд, наконец, решил вернуть должок!

— Какой должок? — насторожился капитан Орлов.

— Как это, какой должок? — улыбка на лице Фогеля мгновенно исчезла, и губы сжались в белую щель. — Как это? Двадцать три доллара! Семнадцать лет я жду, когда он вернет мне должок! Да я его и на том свете достану, только уже с процентами! Как это, какой должок? Тогда какого дьявола ты сюда притащился!

— Да передал он, передал какие-то деньги, — начал выкручиваться Орлов. — Только я и не думал, что это должок.

— Передал? Так чего ты ждешь?

— Вот, в целости и сохранности, — он полез в боковой карман и на ощупь отделил три бумажки от пачки. — Вот он, должок.

— Ого, тридцать долларов! Глаза меня не обманывают? Он там, у жаровни, совсем сдурел, или ослеп, или станок печатный завел? — Фогель посмотрел банкноты на свет, похрустел на сгибе. — Вроде, настоящие. Да ты садись, устраивайся, рассказывай. Как там этот бездельник, все хвастается медалями? Нашел чем хвастать! Лучше бы гордился теми милями, что мы с ним прошли с кувалдой в руках. Слышал про Магистраль от океана к океану? Наша работа! Знаешь, сколько мы с ним шпал уложили, сколько костылей забили? С самой Омахи, штат Небраска, жили мы с ним в одной палатке... Держи стаканчик, да не кривись, не кривись: он чистый, только мутный.

Орлов не торопился проглотить содержимое своего «мутного» стаканчика, потому что знал — вторую порцию ему не нальют, и надо растягивать эти жалкие капли, пока старый Фогель в своих воспоминаниях не дойдет хотя бы до Промонтори, штат Юта, где были состыкованы встречные ветки Трансконтинентальной магистрали. Капитан владел нелегким искусством выслушивать — по крайней мере, он всегда давал выговориться любому собеседнику, прежде чем приступить к делу.

Однако старик вдруг отвлекся от истории и принялся учить его обращению с динамитом. Это было универсальное средство для выполнения земляных работ.

— Если бы динамит изобрели немного раньше, мы бы проложили дорогу сами, без китайцев, и в десять раз быстрее, — заявил Фогель, ласково поглаживая лежащий на ладони промасленный цилиндр.

Этими цилиндрами можно было сравнять холмы — чем, собственно, и занимался отряд Фогеля в этой пустыне. В холмах сверлили дырки, закладывали туда динамит, поджигали пороховой шнур и прятались в укрытие. После взрыва в работу вступали лопаты и тачки, и скрип их колес разносился по прерии.

Правда, сейчас слишком много тачек стояли без дела. Народ разбежался из отряда, и Фогель не осуждал дезертиров. Уже второй месяц люди не видели живых денег. Раньше платили хорошо, каждую субботу из города привозили сундук с деньгами. Потом начались перебои, и с рабочими стали расплачиваться векселями. С одной стороны, это было вроде даже выгоднее, потому что на векселя товары продавали со скидкой. А с другой стороны, векселя принимали только в двух лавках и только в одном салуне, так что особо и не потратишься.

Фогель усматривал тут сговор банкиров и торговцев, и надеялся только на то, что трудовой народ рано или поздно сметет с лица земли эту накипь. А пока с лица земли медленно, но верно устранялись неровности рельефа. За деньги или за бумажки, но взрывники делали свое дело. Следом за взрывниками по плоскому пространству пойдут

насыпщики, трамбовщики, укладчики, — и столбы взметнувшейся пыли на горизонте будут подсказывать им направление, если их компасы и буссоли заржавеют. А чтобы инструмент не ржавел, его надо — что? — правильно, промывать! И Фогель в очередной раз промыл свою глотку.

— Так вот, камрад, динамита бояться не надо, он тебе ничего плохого не сделает. Ты только дай ему работу, не позволяй сгореть впустую. Оставишь его лежать на земле — он только траву пригнет. А зароешь — вот тогда от взрыва польза будет. Все хорошее надо сначала зарыть в землю, чтобы получить плоды. Тебе какие плоды нужны?

— Площадку под дом ровняю.

— Под дом? Сколько тебе нужно? Десятка два?

— Хватит и дюжины, с запалами и шнуром, — сказал Орлов и быстро добавил: — И лошадь под седлом.

— Лошадь? Лошадь.... Будет тебе лошадь, — внезапно помрачнел Фогель. — У нас вчера охранник помер, вот его гнедую и возьмешь, никто не заметит.

— А что случилось?

— Сам виноват. Утром забыл сапог вытряхнуть, сунул ногу, а там скорпион. Маленький такой, желтый...

— Дюранго?

— Да, мексиканцы их так называют, хотя по мне все скорпионы одинаковы, что дюранго, что не дюранго. Одна зараза. Тридцать лет парню было. Не пил, не курил, вот и не справился с ядом. Меня вот никакая дрянь не кусает. Наверно, боится, что отравится.

— Я заплачу за лошадь, — сказал Орлов.

— Кому? Хозяину? — Старик махнул рукой. — Если и спросят, спишем на апачей.

— Сколько я должен за динамит?

— За какой динамит? За одну несчастную упаковку? Ты, камрад, совсем, я гляжу, окосел, — покачал головой Фогель. — Ну, пора закрывать бутылочку покрепче, пока тебя вконец не развезло.

Старик вдруг хлопнул себя по лбу и выскочил из палатки. Скоро послышались частые удары колокола. Выглянув наружу, Орлов увидел, как рабочие выходят из-под навеса, складывая свои миски в деревянное корыто. Обеденный перерыв кончился, об этом возвещал Фогель, дергая за веревку колокола. Рабочие, поправляя шляпы и натягивая рукавицы, нестройной цепочкой поднимались на холм вдоль протянутой веревки с красными флажками.

Когда капитан Орлов покидал лагерь взрывников, ведя в поводу чужого коня, солнце уже начинало клониться к западу, и тени кактусов становились все длиннее. Ему хотелось бы достичь крепости засветло, но он не торопил лошадей. В пустыне нельзя торопиться. Скачущий конь поднимает пыль, два коня поднимут вдвое больше пыли, и ее будет видно издалека, особенно здесь, в белых песках. Этот тончайший гипсовый песок взвивается к небу при малейшем движении. Столбы поднятой пыли издалека видны на фоне темно-коричневых гор, которые вертикальными мрачными стенами окружают холмистую равнину.

Он держался низин, стараясь без нужды не подниматься на склоны холмов. Глаза его непрестанно оглядывали пустыню. Скользнув по зубчатому горизонту, взгляд снова возвращался к песку, отмечая каждый след. Но пока встречались только цепочки параллельных отпечатков с полоской между ними — следы ящериц. Вот одна ящерица замерла в тени валуна, провожая одинокого путника немигающим взглядом. Величиной с кошку, черная, с розовыми пятнами на чешуе. Это гила, ядовитая ящерица. Она опаснее гремучей змеи, потому что ее яд действует моментально. Сама неповоротливая гила на людей не нападает, но, бывает, человек тревожит ее, пробираясь через кустарник, где она прячется от зноя. И тогда ящерица впивается в тело случайной жертвы и виснет на нем, а яд с корней зубов стекает в рану. Не успеешь ни отсосать из ранки, ни прижечь порошком. Останавливается сердце — и всё.

Аппалуза замедлила шаг и неприязненно покосилась на ящерицу, которая, по ее

мнению, расположилась слишком близко от них. Гнедая сзади тоже заартачилась, и Орлов принялся выговаривать гиле:

— Ну, чего уставилась? Давно людей не видела? Чего остановилась? Шла по своим делам — ну и иди себе дальше. А мы по своим пойдем.

Гиля презрительно отвернулась и уползла за валун, тяжело виляя толстым коротким хвостом.

В низкорослом кустарнике с диковинными крючковатыми шипами желтели душистые цветы. Вокруг них жужжали пчелы, и Орлов остановился на минуту, наслаждаясь удивительным запахом «кошачьего когтя».

Солнце все еще стояло высоко, оно нагревало плечи и спину, но в отдаленных коричневых каньонах все выше поднимались, заливая их, синие густые тени. Скоро солнце перестанет припекать, над зубчатым хребтом раскинется багровый закат, и тогда придется плотнее укутаться в пончо, потому что к ночи на пустыню опустится холод.

Он подумал, что забирать ротмистра из тюрьмы лучше всего под утро. Конечно, ночью легче оторваться от погони. Никто и не решится отправляться в погоню по ночной пустыне. Но Орлов плохо знал эту местность, не был уверен во второй лошади и боялся потерять время. Если же все проверить под утро, то в рассветных сумерках можно будет легко найти дорогу, а к вечеру уже выйти на лагерь взрывников, которые своей работой издалека подскажут верное направление.

Вот так, все очень просто. А теперь посмотрим на этот побег с точки зрения охранников. Что они предпримут в первую очередь? Отправят группу преследования, которая обнаружит следы двух лошадей и пустится в погоню. Что еще они сделают? Пошлют телеграммы по всем соседним округам. Чтобы телеграфист записал телеграмму и доставил в полицейский участок, нужно не так много времени. Скажем, через два часа все будут готовы перехватить беглецов.

«Ну и пусть перехватывают. Не будем им мешать, — решил Орлов. — Но только пусть они занимаются всем этим без меня. Нет у меня ни малейшего желания скакать по пескам и отстреливаться. И тем более не хочется нарваться на засаду, въезжая в Сан-Антонио. Мы всё сделаем по-своему».

Расписав таким образом свой завтрашний день, он окончательно успокоился и не стал подгонять лошадей. Он даже останавливался иногда, поднимаясь к вершине холма. Как только его голова оказывалась над гребнем, он застывал и медленно обводил пустыню взглядом, надеясь, что издалека его голову не отличишь от камня. При этом он медленно втягивал ноздрями воздух, а потом с силой выдыхал, чтобы снова осторожно, закрыв глаза, вдохнуть запах пустыни.

Если бы он почуял, что воздух пахнет поднятой пылью, он бы тут же остановился и постарался спрятаться. Кто бы сейчас ни двигался в пустыне, индеец, бандит или рейнджер — все они одинаково опасны. Даже если шальная пуля и пролетит мимо него, то наверняка попадет в динамит. Он предусмотрительно погрузил опасную упаковку на другую лошадь, но все-таки это была целая упаковка, дюжина зарядов. Да еще изрядный моток порохового шнура. Если все это рванет, взрыв получится весьма впечатляющим.

Орлов отогнал мрачные мысли. Все будет отлично. Барону уже ничем не поможешь, никаких поручений из Генштаба не было уже больше года, и единственное дело, которым сейчас следовало заниматься — это освобождение ротмистра. Особой приязни к нему Орлов не испытывал. Но негоже русскому офицеру томиться в американских казематах.

Его длинная тень неутомимо ползла впереди, изломами предупреждая о складках и ямах, невидимых на розовом песке. Да, песок из белоснежного уже превратился в розовый, и тени стали нежно-лиловыми, начинался закат.

В засохших ветвях низкого кустарника застрял обрывок бумаги. Орлов наклонился в седле и бережно вызволил из цепких колючек выгоревший клочок газеты — это был аккуратно оторванный краешек со стороны полей, посредине еще сохранилась полоска сгиба. Кто-то приготовил бумажку, чтобы свернуть сигарету. Но незадачливый курильщик

зазевался — и ветер унес ее в пустыню. Зазевался, или получил под лопатку стрелу, а может быть, пулю? Орлову страшно хотелось закурить, но он знал, как далеко разносится по пустыне запах любого дыма, особенно табачного.

Кто же этот курильщик? Индейцы, хозяева этих земель, курят трубку. Самокрутки в ходу у ковбоев, но здесь не пасут скот, и никто не решился бы перегонять по такой пустыне стадо.

Это солдатский след. Либо где-то поблизости проходил патрульный эскадрон, либо эту бумажку упустил раззява-часовой на крепостной стене.

Скоро, поднявшись на гребень дюны, он увидел впереди приземистую белую коробку крепости с двумя угловыми башенками. Орлов прикинул расстояние. Хотя и с трудом, он различал окна и дымовые трубы, следовательно, до крепости не больше двух миль.

Спустившись в низину, где протекал ручеек шириной с ладонь, он привязал к мескиту обеих лошадей. Они тут же опустили головы и принялись щипать редкую траву. «Вот-вот, умницы, — похвалил их Орлов. — Подкрепитесь, напейтесь из ручья. Не знаю, встретим ли мы еще воду по дороге».

Он расстелил под кустом шерстяное одеяло и лег, обернувшись его краями. Грубая овечья шерсть должна была защитить не столько от холода, который станет ощутимым лишь к утру, сколько от паука-ткача. Эти малоприятные существа с черным брюшком-шариком выползали на охоту по ночам. Капитан признавал, что здесь их дом, а он тут непрошенный гость, и старался соблюдать приличия — он не сдвинул ни одного камешка и не тряхнул ни одной ветки. Но все же паук мог цапнуть его просто из вредности. Укус паука-ткача бывает смертельным, особенно если укусит самка. Однажды Орлов уже испытал на себе действие паучьего яда. Целую неделю потом его мучила головная боль, все тело ломило, но больше всего он страдал от неукротимого насморка. А все потому, что поленился на ночь укутаться шерстяным одеялом, которое отпугивает пауков, змей и прочую ползучую пакость.

Кроме пауков, ему нечего было бояться. Змеи по ночам заняты своим делом, и кусают только тех, кого могут проглотить. Правда, бывает, что и ночью можно наступить на гремучую змею. Эти изумрудно-зеленые твари любят нежиться на нагретом за день песке. Если ее спугнешь неосторожным движением, она может и выстрелить всем своим пружинистым телом, пробьет зубами даже плотную ткань — и только потом победно загремит своей погремушкой.

Но здесь, в окружении кактусов, Орлов чувствовал себя спокойно. Змеи остались где-то там, на ровном песке между дюнами. Можно поспать перед работой. Несколько минут он еще смотрел сквозь дрожащую сетку мелких листьев в пылающее небо, расчерченное лиловыми полосами облаков.

«Слишком яркие краски, — думал он. — Разве можно сравнить местные закаты с теми, что тлеют над Невой? Иногда готов всё отдать, чтобы постоять на Английской набережной. Или просто пройти по Морской...»

Он проснулся оттого, что кто-то мягко потянул за одеяло, на котором он спал. Не шевелясь, он прислушался и скосил глаз. Рядом раздался звук, похожий на работу ручной мельницы. Орлов медленно повернул голову и увидел прямо перед собой крупную крысу, которая, стоя на задних лапках, пережевывала откушенный уголок одеяла. Крыса, придерживая добычу передними лапками, повернула свою остроносую мордочку к Орлову и нацелила на него бусинки глаз. Он не удержался и подмигнул ей. Она неторопливо попятилась и укрылась за кустом, продолжая перетирать жесткую ткань своей «мельницей».

Он протер глаза. Хватит спать. Поднявшись на гребень, он отчетливо разглядел в лунном свете пепельно-серую полосу крепости, окантованную густой тенью. В одной из башен светилась золотая точка окна.

Орлов снял с лошади мешок с динамитом, аккуратно разложил свое опасное хозяйство на песке и принялся отмерять шнур и вставлять запалы. Всё надо приготовить заранее. Пока он спал, ему приснилось, что он расставляет заряды вокруг всей крепости. Проснувшись, капитан нашел сновидение вполне разумным. Совершенно незачем тратить весь запас

динамита на одну стену. Чтобы сделать хороший пролом, хватит и пары зарядов, а остальные помогут отвлечь охрану.

Когда все было готово, он снова погрузил заряды на гнедую. Аппалуза уже радостно взбивала песок копытом: она не любила подолгу стоять без дела.

Он подъехал к зданию крепости так близко, что ветер доносил до него запах табачного дыма и подгоревшего хлеба. Здесь, в ложбине между дюнами, капитан оставил лошадей. Потом надел черный плащ, взвалил на плечо мешок с динамитом и пошел в обход крепости.

В планшете у седла остался план, начерченный во время первого визита в Кончитос. Там были указаны все посты, все фонари и все расстояния. Капитан хорошо изучил этот план заранее, чтобы сейчас не заглядывать в него. Он знал, как незаметно обойти всю крепость по кругу и при этом оставить после себя незаметные следы в виде зарытых в песок динамитных патронов. Невидимкой быть нетрудно. Труднее рассчитать длину порохового шнура для каждого из патронов. Ведь он должен гореть ровно столько времени, сколько нужно, чтобы вернуться к той стене, где камеры, и успеть заложить там последний заряд. Поэтому ему пришлось обойти всю крепость два раза, засекая время и считая шаги. А потом оставалось только надеяться на добросовестность изготовителей огнепроводного шнура. Если они чего-то недоложили или слишком жидко пропитали оплетку, то преждевременный фейерверк может все испортить.

Однако все получилось так, как и рассчитал капитан. Когда он подъехал к угловой башне и встал на седло, чтобы дотянуться до окна с решеткой, восемь патронов уже лежали в песке на другой стороне крепости, и длинные шнуры уже горели, подводя шипящее белое пламя все ближе к запалам.

— Ау, ротмистр! — негромко проговорил он, прижимая лицо к решетке.

В черноте камеры показалось светлое пятно. Бурко, в распахнутой белой сорочке, подошел ближе.

— Черт возьми, граф! Какими судьбами? Как вы меня нашли?

— Это было нетрудно. Здесь только ваше окно забрано решеткой.

— Я не о том!

— Не время для разговоров. Соболаговолите отойти в угол и прикрыться тюфяком.

— Что вы задумали?

— Сейчас увидите.

На другом краю крепости грохнул первый взрыв, за ним второй.

Орлов отъехал от стены. Лошадь дернулась, когда вздрогнула земля под ногами, резко ударил по ушам взрыв, засвистели разлетающиеся осколки камня. Из дымящегося пролома выскочил Бурко и кубарем скатился по песку. Орлов свистнул ему, и через мгновение ротмистр уже взлетел в седло запасной лошади.

Они помчались по пересохшему руслу, но через несколько минут Орлов свернул в сторону и остановился, спрыгнув на песок.

— Вы что? — Бурко привстал в стременах и вытянул шею, оглядываясь. — Такой переполох подняли! Не понимаю, почему так тихо... Да за нами сейчас такая толпа несется, а вы время теряете!

— Помогите лучше, — ответил капитан, выдирая из песка пучки травы.

— Что-что? — Ротмистр обеими руками яростно потер уши. — Черт побери, да я же ничего не слышу!

Орлов быстро скрутил снопик из вырванной травы, а потом надел его на копыто своей аппалузы и обвязал, чтобы не свалился.

— Понятно... — протянул Бурко и слез со своей гнедой.

Пучками травы они обвязали копыта лошадей, после чего медленным шагом направились в сторону от русла. Орлов несколько раз оглянулся, пока не убедился, что на потрескавшейся глине не видно следов, и только после этого его аппалуза перешла на рысь.

Со стороны крепости доносились выстрелы: часовые стреляли в темноту, проявляя запоздалую бдительность.

Ротмистр Бурко прибыл в Америку вовсе не для того, чтобы оказаться в тюрьме. Но и покинуть камеру столь экстравагантным способом он не собирался. Однако что случилось, то случилось, и теперь его положение из сложного превратилось в отчаянное. Бурко был готов застрелиться. А его непрошенный освободитель беспечно посапывал, раскинувшись под кустом.

Бурко встал и огляделся. Ему очень хотелось вскочить в седло и унести отсюда, подальше от ненавистных крепостных стен. Но куда бы он ни посмотрел, его окружали зеленые столбы с полосами колючек и парой отростков каждый, а между ними теснились кактусы помельче, ветвистые и такие безобидно пушистые с виду. Они были похожи на связку колбасок, если только можно представить себе колбаску, усеянную колючками.

«Как же мы сюда попали?» — изумленно оглядывался Бурко. «И как будем выбираться?» Если бы он мог найти ответы на эти вопросы, то не задержался бы здесь ни на секунду. Однако, судя по всему, теперь его судьба всецело в руках непрошеного спасителя.

Заметив, что капитан перестал посапывать, он сказал:

— Знаете, граф, как вас называют в Генштабе? «Башибузук¹».

Орлов, лежавший на одеяле в тени куста, приподнялся на локте.

— Неужели меня там еще кто-то помнит?

— Представьте себе. И теперь мне понятно, что это прозвище связано отнюдь не только с вашим участием в турецкой кампании, но и, так сказать, с некоторыми чертами натуры. К чему было устраивать диверсию? Теперь, если нас схватят, нам уже никто не в силах будет помочь.

— Как бы вы действовали на моем месте?

— Сообщил бы в консульство. А дальше уже не наша забота. Господа дипломаты примут соответствующие решения. И я не сомневаюсь, что спустя какое-то время все бы устроилось наилучшим образом.

— Спустя какое-то время? Да, возможно. Будьте покойны, в консульстве уже все известно. Посмотрим, какие решения будут приняты, посмотрим... — Орлов снова лег, закрыл лицо шляпой и спросил: — А могу я поинтересоваться, у вас была кличка? Можете ее назвать?

Бурко в задумчивости поскреб подбородок:

— Черт возьми, я уже жалею, что затеял этот разговор. Соврать не могу, а если скажу правду.... Ну, что ж. В кадетском корпусе меня дразнили «Тихоней». Можете сколько угодно иронизировать по этому поводу.

— Боже упаси! — ухмыльнулся Орлов.

— Но скажите, мистер Башибузук, что нас ждет теперь? Будем с боями прорываться к морю? А там захватим парусник и отправимся через океан? И по дороге будем грабить встреченные суда, чтобы пополнить запасы воды и провианта?

— Вы забыли о женщинах, — сказал Орлов. — Пираты очень высоко ценили женщин. Их мы будем отнимать вместе с провиантом. Ротмистр, дайте поспать. Да и вам не мешает выспаться. Нам еще всю ночь придется тащиться до железной дороги.

Бурко опустил на капитанское пончо под соседним кустом и лег на бок. Лежать на горячем песке было неприятно, и он сел.

— И что там, на железной дороге? — спросил он.

— Там ходят поезда. И некоторые из них добираются до Нового Орлеана. При благоприятном стечении обстоятельств примерно через три-четыре дня вы сможете

¹ Башибузуки — турецкая нерегулярная конница. Известна своей отчаянной дерзостью и полным отсутствием дисциплины.

отобедать в нашей военно-морской миссии. Если б вы знали, ротмистр, каких омаров вам будут подавать!

— В миссии? А почему не в консульстве?

Капитан Орлов зевнул.

— К морякам можно пробраться скрытно — у них сад за особняком. Консульство же — на городской улице. Полагаю, что вы, путешествуя инкогнито, предпочтете не привлекать внимания.

— Отрадно слышать, что вы не всегда так безрассудны, — сухо заметил ротмистр.

— Это я-то безрассуден? Безрассудно драться с полисменами, — равнодушно пробубнил Орлов из-под шляпы. — А повредить стенку в старой крепости, которую все равно скоро снесут — это не безрассудство, а мелкая порча федерального имущества. Даже если б меня взяли на месте преступления, все кончилось бы штрафом. А вам за сломанную руку блюстителя порядка пришлось бы года три долбить камень в катакомбах.

— Я не ломал ему руку, — сказал Бурко обиженно. — Он сам ее повредил, когда выпал из окна. И должен заметить, все остальные не получили никаких увечий.

— Сколько же их было? — полюбопытствовал Орлов.

— Сначала двое. Когда я выбежал во двор, там ждали еще четверо. И еще один подкараулил меня возле лошади. — Бурко потер шею, которая сразу заныла от неприятного воспоминания. — Как я понимаю, это он приложил мне прикладом по затылку.

— Завидую, — сказал Орлов. — Вы увезете массу впечатлений. А моя жизнь — такая рутина!

— Ваша ирония вполне оправданна, но примите в расчет, что я оказался там не из праздного любопытства. Мне надо было лично оценить размеры ущерба, вы же понимаете... — Бурко на миг замялся, но решил, что с капитаном можно говорить вполне откровенно. — Я полагал нежелательным, чтобы местные власти обнаружили в особняке барона некоторые документы.

— Какие документы после пожара?

— Пожар никогда не уничтожает всё вчистую. Он, как правило, щадит наиболее любопытные бумаги. На этом основано немало раскрытых дел. Кроме того, я обязан был принять меры касательно сейфа. Я опасался, что следователи его вскроют, а потом всё спишут на грабителей. И позаботился, чтобы этого не случилось. Бил по личинке замка, пока не сработали стопоры. Теперь сейф можно открыть только в той мастерской, где его изготовили. То есть в Риге. — Ротмистр не удержался от довольной улыбки, но тут же согнал ее. — Барон Лансдорф потому и остановил свой выбор на этой модели, что она запирается намертво при малейшей попытке взлома. Эти сейфы были заказаны бароном лет десять назад, их изготовление было оплачено из казны, а за казенный счет мастера работали на совесть.

— Сейфы? Сколько же их у него было? — удивился Орлов. — Я видел только один.

— Второй стоит в банке. В том банке, с которым Семен Карлович вел свои дела. Так вот, эта конструкция в те годы была вершиной технической мысли. Стоило пару раз ударить по дверце или просто опрокинуть этот стальной ящик, как сработали внутренние запоры. Они раздвигаются во все стороны, после чего сейф можно было только разрезать на особом станке. Его сталь не поддается ни огню, ни взрывной силе. А чтобы высверлить хотя бы заклепку, понадобится не одно алмазное сверло.

Сами понимаете, я старался не шуметь, но звуки ударов меня выдали. Появились полисмены из оцепления, набросились. Объясниться я бы не сумел, они были явно не склонны к диалогу. К тому же, как вы совершенно верно изволили заметить, я путешествую инкогнито. Вот и пришлось прорываться.

— Вы успели осмотреть дом изнутри? — спросил Орлов. — Какое у вас сложилось впечатление? Я понимаю, что огонь всё уничтожил, и все же...

— Огонь, повторяю, уничтожил не всё. Выгорели помещения наверху, а кабинет, гостиная — они практически не тронуты пламенем. Поджигатели или очень спешили, или

неопытны. Подпалив крышу, они ретировались, думая, что пламя распространится вниз само собой. Так что кабинет выглядел, конечно, ужасно, но даже там мебель уцелела. Только обуглилась. Все ящики из стола были выломаны, и я не думаю, что это сделали полицейские. Повсюду валялись обгоревшие клочки бумаг — счета, накладные и тому подобное. Похоже, грабители искали деньги, но не преуспели в этом.

— Деньги? А не бумаги?

— Возможно, что и бумаги тоже. Бумаги, бумаги... — повторил задумчиво Бурко. — Это предположение весьма и весьма тревожно, граф. Скажу по секрету, барон делал крупные инвестиции в железные дороги Эль Пасо. Через подставных лиц, разумеется. Такие операции не одобряются правительством, так что теперь вы понимаете...

— Да все я понимаю, — Орлов снова зевнул. — Поспите, Сергей Андреевич, право слово, ночью нам будет не до сна.

Бурко снова лег, поражаясь хладнокровию капитана. Несомненно, весь гарнизон крепости поднят на ноги и сейчас занимается прочесыванием местности в поисках следов. Стоит кому-нибудь даже случайно углубиться в заросли кактусов, как беглецы будут обнаружены. И что тогда? Даже подумать страшно. Ну, а если удастся досидеть тут до ночи, как они выберутся на дорогу? Чистейшее безумие — в темноте искать проход в сплошной стене острейших игл!

Однако на деле всё оказалось до обидного просто. Они снялись со стоянки на закате. Пятнистая лошадка капитана уверенно шагала впереди, петляя в зеленом лабиринте. Бурко на своей гнедой послушно плелся сзади. На голенищах его сапог осталось несколько царапин от кактусов — вот и всё. Когда стемнело, они уже двигались по твердой дороге, иногда сворачивая на песок, чтобы остановиться и прислушаться.

К рассвету на посеревшем небе стала различима линия телеграфных столбов. Немного проехав вдоль рельсов, Орлов остановился. Где-то поблизости, на другой стороне насыпи, слышался шум просыпающегося стада.

— Подождем здесь, — сказал капитан. — До станции рукой подать, но нам туда нельзя. Пока нельзя.

Утро они встретили, спрятавшись среди куч золы под насыпью. Скоро подошел поезд. Бурко встрепенулся, но Орлов удержал его:

— Это порожний товарняк, пришел за скотом.

— Я не столь привередлив, — проворчал ротмистр. — Могу обойтись и без первого класса.

— Он пойдет на запад, а нам надо на юг. Потерпите уж. Я наведу в город, куплю билеты, и поедем, как приличные люди. Кроме того, вам необходим новый костюм, да и едой придется запастись, чтобы не выходить на остановках к буфету.

Над железнодорожной станцией поднялось облако, сотканное из пыли, мычания, свиста и криков погонщиков. Стадо пятнистых черно-белых бычков застоялось в ожидании погрузки. Ковбои по одному выводили их на дощатый помост и подталкивали к открытому проему вагона, откуда уже слышались удивленные стоны парнокопытных пассажиров.

— Городок маленький, — говорил капитан, отряхнув и надев черный плащ, — все друг друга знают. И каждая новая физиономия вызывает у населения приступ любопытства. Мое появление там свяжут с поездом. Поезд прибыл с запада. Если нарвусь на полицию, скажу, что еду из Аризоны.

— Почему бы в таком случае и мне не отправиться с вами? — спросил Бурко.

— А с лошадьми кто останется? Да и нечего вам лишний раз показываться на людях.

Орлов ушел, и Бурко остался в одиночестве. Укрывшись пончо, он сидел на куче золы, глядел на сверкающую нитку рельсов, уходящую к мареvu на горизонте, и думал о том, как его встретят в Петербурге. Ничего хорошего эта встреча не сулила. Первая же командировка за океан окажется последней. Дальнейшую службу он будет проходить где-нибудь в Тобольске или на берегах Амура. Если, конечно, его оставят в строю. А могут и не оставить. Такие провалы не прощают...

Он вдруг уловил какое-то движение сбоку. Не поворачиваясь, скосил глаза и заметил мелькнувшую тень. Кто-то затаился за соседней кучей золы.

Бурко громко зевнул, потянулся и встал, растирая колени. Спустился с кучи к лошадям и принялся их чистить краем пончо. Он незаметно поглядывал по сторонам и скоро заметил того, кто следил за ним. Неловкого наблюдателя выдавала шляпа с высокой тульей, которая то и дело показывалась над кучей.

Отцепив от седла котелок, Бурко медленно направился к луже, которая поблескивала у насыпи. Зачерпнул воду ладонью, понюхал ее и брезгливо вытер руку о штаны. Затем, не оглядываясь, спокойно поднялся на насыпь, перешел через полотно и спустился на другую сторону. А вот здесь он преобразился. Поставив котелок на щебенку, он стянул сапоги и молнией метнулся в сторону, бесшумно взлетел на насыпь и распластался на рельсах.

Отсюда он видел человека, присевшего за кучей. Тот беспокойно вытягивал шею, сился разглядеть то, что было скрыто за лошадьми.

Бурко приподнялся, осматриваясь. Судя по всему, непрошенный гость явился без сопровождающих.

Ротмистр вытянул брючный ремень и намотал его на руку. Выждав еще немного, он подкрался к наблюдателю, бесшумно ступая босыми ногами по щебенке. Навалился сзади, накинув ремень на горло, и приказал:

— Молчи, если хочешь жить.

Шляпа свалилась с головы и покатилась вниз. Бурко заметил на поясе пленника наручники и с досадой выругался: кажется, он опять напал на полицейского!

Семь бед — один ответ. По крайней мере, теперь он знал, как обращаться с некоторыми предметами из обихода американской полиции. Он снял наручники с пояса и защелкнул их на запястьях пленника. Перевернул того набок и увидел на жилете латунную звезду.

— Кто ты такой, и что тут делаешь? — грозно спросил Бурко.

— Я... Я помощник шерифа...

— Ты один?

— Нет! Тут поблизости мои люди, — немного осмелев, заявил пленник.

— Жаль. Придется заткнуть тебе рот. — Бурко вытянул из его кобуры револьвер и приставил к уху.

— Я не буду кричать, — прошептал пленник.

— Посмотрим.

Бурко схватил его за шиворот и стянул вниз. Связал ноги, а потом, найдя в седельной сумке старую рубашку, разорвал ее и смастерил кляп. Теперь можно было спокойно осмотреться — гостя надо было где-то припрятать, чтобы вернувшийся Орлов его не заметил. Незачем подбрасывать ехидному капитану новый повод для насмешек.

За лужей под насыпью он обнаружил дренажную канаву, наполовину засыпанную песком. Но, подтащив к ней пленника, Бурко был остановлен неожиданным окриком:

— Эй, амиго!

Он выпрямился. На рельсах стояли трое небритых субъектов. Один из них, ухмыляясь, держал руки на поясе. Двое других направили на ротмистра свои револьверы.

«Слава Богу, хоть эти-то явно не из полиции», — подумал Бурко.

— Кончить его, Джерико? — спросил плешивый низкорослый бандит.

— Всё бы тебе стрелять, Индус, всё бы стрелять, — недовольно отмахнулся главарь. — Ты же видишь, человек занят важным делом. Скрутил помощника шерифа и теперь замечает следы. Я правильно тебя понял, амиго?

— Ну, — неопределенно промычал в ответ Бурко.

— Должен тебя огорчить, — продолжал ухмыляться главарь. — Ты затратил столько труда — и всё впустую. Придется тебе развязать нашего друга, вернуть ему казенное оружие и, самое главное, тебе придется вычистить его драгоценную шляпу. Наш друг очень ей гордился. Верно, Карлито?

Помощник шерифа закивал и задергался на песке.

Ротмистр неохотно развязал кляп и отомкнул наручники. Освободившись, Карлито вскочил на ноги и замахнулся, чтобы ударить обидчика. Но его запястье снова оказалось в ловушке, на этот раз пострашнее наручников, потому что Бурко не просто перехватил его руку, а еще и заломил за спину, а потом пнул под зад. Помощник шерифа рухнул у ног главаря, и тот расхохотался.

— Жаль, у меня нет времени, — сказал он, резко оборвав смех. — Карлито, что за дела?

— Шериф послал меня сюда караулить поезд, — задыхаясь, начал докладывать недавний пленник. — Мол, на него может забраться парень, что бежал из Кончитоса. Смотрю, вроде бы тот самый, как шериф расписывал. Бритоголовый, в белой рубашке. И прячется.

— И что? — Главарь бандитов нахмурился. — Что ты собирался сделать?

— Джерико, ты же понимаешь... За него должны назначить хорошую премию. Все-таки он натворил немало дел в Сан-Антонио, пытался обчистить сейф, да еще побег...

— Говоришь, он пытался обчистить сейф? Бежал из крепости? И ты собирался его сдать? — уточнил Джерико. — Сдать и заработать немного денег? Я правильно тебя понял?

— Ну да.

— Тебе мало тех денег, что ты получил за сержанта?

— Ну, Джерико, денег всегда мало.

— Деньги, деньги... Что они делают с человеком, эти проклятые деньги, — Джерико покачал головой.

Бурко не заметил, откуда в руке главаря появился револьвер. Но вдруг грохнул выстрел, и помощник шерифа, переломившись пополам, опустился на колени. Постоял так пару секунд, сияясь вздохнуть, захрипел и повалился набок.

— А с этим что делать? — спросил один из бандитов, показывая стволом на ротмистра.

Бурко на миг прикрыл глаза. «Господи, помилуй меня, грешного...». Он молился, как говорится, на всякий случай. Его не покидало ощущение, что, хотя смерть и подошла совсем близко, но ее коса в этот раз только скользнула над его головой.

— Пусть сначала расскажет о себе, — сказал главарь.

«Сначала...» — это словечко, брошенное вскользь, заставило ротмистра мысленно перекреститься.

— Ты и вправду бежал из крепости?

— Да.

— Как же тебе это удалось?

— Друзья помогли.

— Он англичанин, — вдруг заявил плешивый бандит. — Слышишь, как говорит? Точно. Англичанин.

— Англичанин? С нами пойдет. — Джерико убрал револьвер под полу рубахи тем же неуловимым движением, что и извлекал его.

— Никуда я не пойду, — грубовато заявил Бурко. — Я жду друзей.

— Друзей? Это хорошо, когда у человека есть друзья, — сказал Джерико. — Они тоже англичане? И тоже любят копаться в чужих сейфах?

Бурко заставил себя лишь усмехнуться в ответ.

— Молчишь? — Главарь оскалил в улыбке мелкие зубы. — Не выдаешь друзей? Правильно, англичанин. Друзья — это единственное, что нельзя продавать. Иди сюда.

Ротмистр поднялся на насыпь и встал рядом с бандитами.

— Видишь фургон? Полезай в него. Отныне твои друзья — это мы.

— Я не могу уехать с вами, — попытался объяснить Бурко. — Я...

— Ну, если не сможешь, то твоими друзьями станут мухи, а потом могильные черви, — дружелюбно улыбаясь, сказал ему Джерико.

Бурко понял, что если он снова упрется, его застрелят на месте. А если сейчас тут появится граф Орлов, то бандиты пристрелят их обоих. Умирать не хотелось. Ужасно обидно было бы умереть здесь. Да еще столь постыдным образом.

— Лучше дружить с вами, чем с могильными червями, — сказал он. — Что ж, пожалуй, я приму твое приглашение.

— О, какая честь для меня! — насмешливо оскалился главарь. — Полежай в фургон. И постарайся вспомнить всё, что ты знаешь о сейфах. Для тебя есть работа, Англичанин.

* * *

До города Орлов дошел за полчаса. Пройдя мимо офиса шерифа, мимо аптеки и кожанной лавки, он остановился на площади перед почтовой станцией. Магазины еще были закрыты. Прогулка наполнила его тело приятной усталостью, и капитан с удовольствием расположился за столиком в углу пустого прохладного салуна.

От стойки бара отделился небритый субъект в черной, когда-то щегольской шляпе. Он прошелся между столиками, щелчками сбивая с клетчатых красно-белых скатертей невидимые крошки. Наведя таким образом порядок, он остановился перед столиком капитана.

— Позвольте представиться, святой отец, — обратился он к Орлову. — Клавдий Тиберий Питерсон, радикальный атеист и буржуазный материалист.

Капитан снисходительно кивнул в ответ, но не стал называть себя. Похоже, что в этом и не было необходимости, потому что материальный радикал уже развалился на стуле за соседним столиком и перешел ко второй части своего выступления.

Вы явно рассчитываете, что расторопные официанты сейчас сбегутся к вашему столику, чтобы принять заказ и в ту же секунду его исполнить. Эти расчеты беспочвенны, святой отец. Вы исходите из ложных посылок. Вам представляется, что официанты видят смысл своей жизни в том, чтобы угождать всякому, сюда входящему. Но поверьте, они иначе представляют себе свое предназначение. Предназначение официанта — опустошить ваш кошелек и набить свой. Но вы, святой отец, не позволите ему осуществить свою жизненную функцию. Самое дорогое, что вы позволите себе заказать в этом заведении — это стакан воды. Потому что воду здесь подают бесплатно. Неудивительно, что из троих бездельников, которые сейчас прячутся в буфете, ни один не спешит обслужить вас!

Буржуазный атеист умолк, обнаружив, что рядом стоит официант, терпеливо постукивая карандашиком по раскрытому блокноту.

Капитан Орлов знал, что в каждом салуне обязательно должны быть две вещи — бутылка с настоящим виски под прилавком и пьянчужка, который знает про всех всё. Он поднял глаза на официанта и произнес только одно слово:

— Виски.

— Виски? — уточнил официант.

— Бутылку из-под прилавка. И два стакана.

Он жестом пригласил атеиста за свой столик:

— Подсаживайтесь, мистер Питерсон.

— Клавдий, просто Клавдий, святой отец, — он не заставил себя долго упрашивать. — Признаюсь, у меня всегда вызывали восхищение люди, которые позволяют себе пить виски в любое время дня и ночи.

— А у меня, к сожалению, люди не вызывают восхищения.

— О, святой отец, не торопитесь делать выводы только на основании личного опыта. Наш личный опыт крайне ограничен... Спасибо, любезный, — повернулся Клавдий к официанту, — и принеси, пожалуйста, спичек.

Капитан плеснул виски по стаканам, и воздух наполнился тошнотворным ароматом сивушного масла. Кажется, официант все-таки перепутал бутылки. Но на разговорчивости Клавдия это не отразилось.

— Так вот, святой отец, встречаются отдельные экземпляры рода человеческого, вполне достойные восхищения, даже если они не пьют виски. Вот, например, что вы скажете о месте, на котором сидите?

Капитан Орлов мог бы сказать, что с этого места отлично просматривается площадь перед почтовой станцией. Он видел, как из офиса выносили и складывали на дощатый тротуар обшитые ящики и мешки с бирками. По этим признакам можно было догадаться, что скоро на площади покажется почтовый дилижанс. Видел он и то, как внутри офиса мелькают фигуры клерков в голубых рубашках с черными нарукавниками, а за открытым окном соседней комнаты охранник в потертом кожаном жилете набивает патронами свой пояс.

Очень много интересного и полезного можно было увидеть с этого места, поэтому капитан и собирался просидеть здесь, пока не откроются магазины.

— Вы даже не догадываетесь, святой отец, что именно на этом самом месте еще вчера сидел знаменитый сыщик Рудольф Крюгер!

— Чем же он знаменит? — поинтересовался капитан, догадываясь, что речь идет о его знакомом сержанте из Сан-Антонио.

— Однако, ваше преосвященство, вы совсем не пьете, — заметил Клавдий Питерсон, с громким стуком поставив свой стакан рядом с бутылкой.

— Мне некуда спешить, — ответил капитан, подливая ему виски. — Так чем же так знаменит этот ваш сыщик?

— Меня не удивляет этот вопрос, — важно заявил Клавдий Питерсон. — Ибо до самой его кончины никто из окружающих и не подозревал, что под личиной вульгарного полицейского таится неустрашимый рыцарь Закона.

— До самой кончины? — Орлов постарался сохранить равнодушно вежливую интонацию.

— Ваше здоровье, святой отец. Мне неловко спрашивать у вас сигару...

— И не спрашивайте.

— Но человек, который заказывает виски до обеда, не может обойтись без хорошей сигары! — воскликнул Клавдий Питерсон. — Я усматриваю в этом вопиющее противоречие!

Орлов постарался вернуть собеседника к более важной теме.

— А кстати, что заказывал здесь рыцарь закона? Тоже виски? Или бесплатную воду?

Пропустив этот вопрос мимо ушей, Клавдий Питерсон долго рылся во внутреннем кармане засаленного клетчатого сюртука, пока, наконец, не извлек неплохо сохранившиеся останки сигары. Он чиркнул спичкой по скатерти и, причмокивая, разжег уголек на конце окурка. Едкое облако на какое-то время скрыло его от собеседника, а когда одним движением ладони Клавдий Питерсон развеял дым, то это был уже совсем другой человек. Шляпа чудом держалась на затылке, а отвисшие губы вряд ли смогли бы теперь произнести словосочетание «буржуазный материалист». «Вот чем отличается хорошее виски от плохого, — отметил про себя капитан Орлов. — Хороший напиток выделяет лучшие черты человека, а плохой — худшие. Как быстро два глотка самогона смыли последние следы образованности. Но Крюгер! Бедный Крюгер, как его занесло сюда?»

— Вот на этом самом месте он и сидел, этот немец, — сказал Клавдий. — И я говорил с ним, как с вами. И он был еще живой. А прошло пять минут, и он вышел из салуна, и не успел сделать трех шагов. И тут со всех сторон в него ударили десять револьверов. Они ударили одновременно, и все мы услышали только один выстрел, но их было десять!

Клавдий Питерсон вдруг остановился на полуслове, заметив нового посетителя салуна. Капитан Орлов тоже не оставил без внимания эту замечательную персону.

К ним приближался человек в клетчатой рубаше до колен и в городском котелке, слегка надвинутом на гриву длинных черных волос. Его лицо имело цвет хорошо обожженной глины, а широкие скулы украшала татуировка — две волнистые линии под каждым глазом.

— Ты пьешь, — пророкотал утробный бас откуда-то из недр индейца, но губы его при этом сохраняли неподвижность.

— Знакомьтесь, ваше пыр... прыс... преосвященство, это Альвино, мой лучший друг! — Клавдий Питерсон попытался привстать. — Альвино, садись с нами, мы как раз поминаем твоего приятеля, сержанта Крюгера.

— Сержант не был моим приятелем, — Альвино опустил на стул. — Я должен был

убить его.

— Наверно, у вас были веские причины? — спросил капитан.

— Он отправил на каторгу моего отца. Отец умер в пути. За его смерть должен был рассчитаться я.

— Что же вам помешало?

— Я индэ, — сказал Альвино.

— Это апачи так себя называют, — пояснил Клавдий Питерсон. — «Индэ» значит человек. А все остальные для них не люди.

— Интересно, — сказал капитан. — А что же тогда значит слово «апач»?

— В их языке и слова такого не имеется. Это слово из языка их соседей, индейцев зуни. А означает оно — «враг». И правильно. Самые страшные враги — это соседи!

— Но почему индэ не мог убить сержанта Крюгера? — спросил капитан, повернувшись к индейцу.

— Он белый. Это город белых. Я живу в городе белых. В чужом племени нельзя жить по законам своего рода.

— Альвино, выпей, — предложил Клавдий Питерсон, подвинув к индейцу свой стакан. Альвино отодвинул стакан обратно.

— Твой долг — двадцать два пива.

— Выпей это виски, и останется двадцать одно пиво, — сказал Клавдий Питерсон. — Ваше преосвященство, вы же можете подтвердить, что порция виски равносильна одной порции пива.

— Подтверждаю, — кивнул капитан.

— Альвино, не сомневайся, я прекрасно помню, что задолжал тебе немного. Подожди, пройдет черная полоса в моей жизни, и я снова начну всех угощать, как раньше, помнишь?

— Не помню, — сказал Альвино.

Капитан Орлов решил снова вернуть беседу в нужное ему русло.

— Мне трудно поверить, что в таком тихом городе нашлись десять мужчин, способных выстрелить в полицейского, — сказал он.

— Не десять, а пять, и каждый стрелял из двух стволов. То были чужаки. Они квартировали в доме Родригеса. Его сейчас допрашивает шериф, но что может рассказать этот пьянчуга? Поверьте мне, святой отец, сержанта убили из-за женщины. Я догадываюсь, чья юбка заманила его сюда. О, нет, вы не услышите от меня больше ни слова! — Клавдий решительно налил себе и быстро выпил. — Слышали, как говорят французы? Хотите совершить преступление, ищите женщину. И правильно говорят. Все зло от них, проклятых. Верно, Альвино?

— Нет.

— Много ты понимаешь в женщинах! А ведь каждого преступника родила женщина, и женщина его воспитала таким. И женщина толкает нас на разные поступки, о которых мы потом жалеем, и за которые потом расплачиваемся всю жизнь. А пока мы расплачиваемся, эти твари находят себе нового дурака! — с болью в голосе воскликнул Клавдий Питерсон.

— Значит, вы думаете, что сержант приехал сюда к любовнице?

— Он искал женщину, а нашел свою смерть... — заключил Клавдий Питерсон и поднял стакан.

— Нет, — сказал Альвино. — Он искал Джерико.

— Почему вы так думаете? — спросил капитан у индейца.

Альвино выпил свое виски, бесшумно опустил стакан, припечатав его к скатерти, и сказал Питерсону:

— Твой долг — двадцать.

— Я записываю, записываю, — закивал головой должник.

— Хорошее виски, — сказал индеец.

Капитан понял намек и откупорил бутылку. Индеец глотал «огненную воду» запросто, словно это было молоко.

Капитан Орлов задержал свой взгляд на лице собеседника чуть дольше, чем это позволялось правилами общения с индейцами. Но терракотовое лицо Альвино привыкло к дерзким взглядам белых братьев.

— Он говорил слишком много, — пояснил апач, не шевеля губами. — Он сидел в салуне целый час. Он спросил всё у всех. Он говорил, что разыскивает пропавший фургон. Сержант — большой человек. Из-за фургона он не приехал бы сюда из самого Сан-Антонио. Сержант искал Джерико, потому что спрашивал про Родригесов. А Родригесы — друзья Джерико. Сержант хотел найти Джерико. И нашел его.

— Джерико... — задумчиво повторил капитан Орлов.

Его внимание отвлек всадник, появившийся на площади. Он держал карабин в руке, стволом вниз. Его конь кружился на месте, а всадник внимательно оглядывал углы площади и окна окружающих домов. Вот он поднял руку с карабином над головой, подскочил к почтовой станции и спешился, воткнув карабин в гнездо у седла. Через несколько секунд послышался грохот приближающейся кавалькады, и на площадь вылетели разгоряченные кони эскорта, а вслед за ними появилась и четверка, тянущая дилижанс.

На площади сразу стало тесно. Всадники, крепкие парни, увешанные оружием, прыгивали на землю и отводили своих лошадей к коновязи. Дверцы дилижанса распахнулись, и оттуда тоже выбрались трое вооруженных охранников. Они направились к салуну, а из почтового офиса уже выскочили клерки в голубых рубашках, чтобы тут же исчезнуть в дилижансе.

Рейнджеры, громко топая грубыми сапогами, подошли к стойке бара.

— Эй, Бобби, а ну достань-ка нашу бутылку из-под прилавка! Да поживее, у нас мало времени! Ты же видишь, мы и присесть не успеем!

Капитан Орлов поймал на себе быстрые, но внимательные взгляды рейнджеров. Небрежно прислонившись к стойке бара, они перебрасывались короткими репликами и беспечно посмеивались, радуясь скорому окончанию рейса. Но глаза всех троих цепко охватывали и площадь, которую они видели через окна, и широкую улицу, видную в дверном проеме, и фигуры трех пьянчужек за угловым столиком.

Чтобы не вызывать подозрений, капитан отпил из своего стакана и поставил его обратно на стол с излишним стуком, слегка расплескав виски. Рейнджеры отвернулись. Этот благообразный священник не стоил их внимания, как и те двое бездельников, что пьянствовали вместе с ним в разгар рабочего дня.

Продолжая балагурить, рейнджеры расплатились с буфетчиком и пошли к выходу. Судя по тому, как небрежно и естественно они носили оружие, это были опытные люди, и капитан подумал, что у того, кто решится напасть на их дилижанс, нет никаких шансов.

— Ва... Ва... Ваше преосвященство, я что-то хотел у вас спросить, — пробормотал Клавдий Питерсон, опуская голову на стол и складывая руки под щекой. — Вы только... Никуда не исчезайте... Вы должны рассказать мне, какой смысл в этой жизни... Что останется после нас, кроме гор дерьма... Не уходите... Вы должны...

— Убрать его? — спросил Альвино.

— Незачем, — капитан встал, закупорил бутылку и положил ее в свою дорожную сумку. Но, вспомнив кое-что, тут же достал обратно, откупорил и плеснул виски в стакан индейца. — В счет его долга.

— Осталось девятнадцать.

— А что за фургон был нужен сержанту?

— Армейский «катерпиллер», — ответил индеец. — Передние колеса обтянуты холстом, на задних — голые железные ободья. На правом борту след оторванного ящика.

— Что ж, если увижу, буду держаться от него подальше, — сказал капитан.

— Не увидите, — сказал Альвино. — Сегодня на рассвете этот фургон уехал из города.

— Куда?

— В сторону Эль-Пасо.

— Как хорошо, что мне нечего делать в Эль-Пасо, — сказал капитан Орлов.

Он купил для ротмистра башмаки с белым верхом, клетчатый костюм и светло-серую шляпу. Два билета до Атланты обошлись ему в немалые деньги, но только этот поезд проходил через Новый Орлеан ночью, что было весьма кстати. Всё пока складывалось удачно, и беспокоило капитана лишь одно обстоятельство — придутся ли башмаки впору.

Возвращаясь к месту стоянки, он издали заметил пару сапог, брошенных под насыпью. Сапоги были ему знакомы. Неподалеку валялся котелок. Орлов остановился, опустил сумку на землю и нащупал под плащом револьвер. «Сам виноват, — подумал он. — Сам беду накликать. Беда приходит ровно в ту самую секунду, как порадуешься, что все идет хорошо. Ровно в ту же секунду».

Это было не совсем так. Беда приключилась гораздо раньше. Изучив следы и пощупав труп, Орлов понял, что все произошло примерно с час назад. Еще раз пройдя от насыпи до следов, оставленных фургоном, он обнаружил то, что надеялся отыскать.

— Браво, Сергей Андреевич, браво, — сказал он, поднимая с земли маленькую перламутровую пуговицу, «с мясом» оторванную от сорочки ротмистра. На песке не было следов борьбы, люди — их было четверо — спокойно дошли от насыпи до фургона, и здесь отпечатки сапог и босых пяток исчезли. Значит, ротмистр сам догадался незаметно оторвать пуговицу и обронить ее. Обронить, подавая знак и надеясь на помощь.

6

На этот раз он вернулся в городок верхом, ведя в поводу сразу двух лошадей — гнедую, оставленную ротмистром, и вороную, на которой лежало тело помощника шерифа.

На знакомой площади Орлов заметил перемены. Возле офиса шерифа стоял чей-то белый жеребец. Точнее, наполовину белый, потому что ноги и брюхо его были густо покрыты бурой пылью.

Шерифа кто-то предупредил, и он выскочил на крыльцо раньше, чем Орлов успел отвязать труп от седла.

— Где он был? — спросил шериф, помогая опустить тело на землю.

— На насыпи.

— Бедный Карлито... — Шериф оглядел Орлова, и его взгляд остановился на кобуре. — Извини, друг, но могу я посмотреть твоё оружие?

Капитан отстегнул предохранительный ремешок и повернулся боком, позволяя достать кольт.

Шериф понюхал ствол, осмотрел барабан и вернул револьвер.

— Все в порядке. Сам понимаешь, приходится подозревать любого, кто был рядом.... Ты что-нибудь заметил там?

— Не надо было трогать тело, — сердито сказал, выходя на крыльцо, высокий мужчина в запыленном плаще. — Был бы раненый, другое дело. Но труп-то зачем было увозить? И следы наверняка все затоптал.

Орлов заметил на плаще тускло блеснувшую звездочку в круге — значок техасского рейнджера. Голос показался ему знакомым, и он спросил:

— Кажется, мы виделись на Персиковых холмах?

— Ага, — кивнул рейнджер. — Тебя как раз допрашивал Крюгер. Теперь, мистер, настала наша очередь задать тебе пару вопросов.

— Сначала послушайте, потом спрашивайте, — сказал Орлов. — Первое. Вокруг раны найдете порох. Парень убит выстрелом с двух шагов. Значит, в него стрелял тот, кого он хорошо знает. Врага или незнакомца он бы не подпустил так близко. Второе — убийца приехал к насыпи из города. Он был не один. Я могу показать вам это место, и вы сами все увидите. Три всадника и фургон — это видно по следам. Кстати, у фургона передние колеса обтянуты, задние — голые. И третье. Все это случилось примерно пару часов назад. Если отправиться за ними прямо сейчас, то еще можно догнать. Фургон тянут всего два мула, ему не уйти от погони. Вот и все. А теперь можете меня допрашивать, если у вас много

свободного времени.

Шериф и рейнджер переглянулись.

— Ты кто? — спросил шериф.

— Пол Орлов из Арканзаса. Компания Лансдорфа.

— Твой шеф — Лансдорф? Тот самый?

— Да. Его убили недавно. Поэтому я здесь.

— Для торговца хлебом ты неплохо читаешь следы, — заметил шериф.

— Сейчас я не торгую хлебом, — сказал Орлов.

— Скажи мне, Пол, ты тоже немец, как Лансдорф? — спросил рейнджер.

— Нет, я *тоже* русский.

— Русский? Видел я русских матросов в Новом Орлеане. Дерутся как черти. А виски хлещут, как воду. У вас все такие?

Орлов не счел нужным что-либо отвечать.

— Еще вопросы есть? — спросил он.

— Нет.

Орлов сел на аппалузу.

— Почему бы тебе не отправиться с нами? — спросил шериф.

— Я не ищу того, кто убил твоего помощника. Мне нужен тот, кто убил моих друзей.

— погоди, Пол, — сказал рейнджер. — Сдается мне, что мы с тобой ищем одного и того же парня. Я пришел сюда по следу Джерико. Сержант Крюгер меня опередил. И напоролся на засаду.

— С таким, как Джерико, не справиться в одиночку, — сказал шериф. — На крупного зверя ходят с большой командой.

— Большую команду не спрячешь в пустыне, — ответил капитан Орлов. — Я все же попробую справиться сам.

Рейнджер кивнул с таким видом, словно и не ожидал иного ответа, и сошел с крыльца.

Он сел на вороную, принадлежавшую убитому Карлито, и сказал шерифу:

— Мой конь устал, а эта кобыла свежая. Ты не против? Вот и отлично. — Он подвязал к седлу повод белого жеребца. — Когда соберешь людей, отправляйтесь за нами. Мы с Полом будем оставлять для вас знаки. Не зевайте по дороге.

— Я не рассчитывал на попугчиков, — сказал Орлов.

— А я не попутчик, я проводник, — сказал рейнджер. — Меня зовут Шон Прайс. Если наткнешься на какого-нибудь тупого законника, который станет тебе мешать — просто назови мое имя и скажи, что работаешь со мной. В Техасе это помогает.

— Я скажу это самому Джерико. Можно?

— Можно, — мрачно ответил Прайс. — Скажи это ему. Если успеешь открыть рот.

* * *

По мнению капитана Орлова, техасские рейнджеры были разновидностью того же племени, к которому относились российские казаки. Не важно, где проходит граница поселений — по Дону или Миссури, по Амуру или Рио-Гранде. Важно, что эта граница обозначается не полосатыми столбами, не колючей проволокой, а всего лишь цепочкой следов конного разьезда.

Слово «рейнджер» впервые прозвучало тогда, когда Стивен Остин, «отец Техаса», нанял десяток мужчин, которые должны были объезжать границы первых поселений американцев на мексиканской территории. У рейнджеров никогда не было униформы, оружие и патроны они покупали себе сами, сами же содержали и своих лошадей. Длинноволосые и бородатые, месяцами не знавшие иной крыши, кроме неба над головой, они появлялись там, где местное население было бессильно справиться с бедой. Истребляли налетчиков и конокрадов. Арестовывали торговцев самогоном, беспощадно уничтожая конфискованный товар. Преследовали апачей, изумляя даже индейцев своей выносливостью,

неотступностью и жестокостью. Рейнджеры не брали пленных, потому что не имели на то полномочий. И сами в плен не сдавались, потому что знали — пощады не будет.

Техасцам пришлось провести в непрерывных войнах не один десяток лет. Воевали с Мексикой, отстаивая независимость. Дрались с индейцами, которые никак не могли примириться с тем, что в их охотничьих угодьях вдруг появились ограды из колючей проволоки. В составе Конфедерации техасские рейнджеры полковника Терри бились за свободу Юга. После Гражданской войны рейнджеры оказались под запретом. Новая власть пыталась навести порядок в Техасе с помощью армии и полиции, но не слишком-то преуспела в этом. И в семидесятых годах техасцам снова разрешили самим решать свои проблемы.

Рейнджеры не подчинялись никому, кроме своего командира. Они и самого губернатора могли послать подальше, если б тот вздумал вмешаться в их работу. Они именно работали. То есть выполняли оплаченный заказ. Вы, господин мэр, заказывали тишину и спокойствие в вашем городке? Получите. А несколько могильных холмиков только украсят ваш однообразный пейзаж.

Капитан Орлов, поглядывая на своего неожиданного попугайчика, отметил, что в его облике слились черты всех прежних поколений, населявших Техас. Лицо неподвижное, как у индейца. В седле держится с чисто мексиканской легкостью, едва ли не с грацией. А приглядевшись к его амуниции, можно понять, что рейнджер внимательно следит за рекламными проспектами оружейных компаний.

Перехватив взгляд капитана, Шон Прайс спросил:

— Ты что, пересчитываешь патроны в моем поясе?

— Нет. Не могу понять, что за пушка у тебя в кобуре. Рукоять незнакомая.

— «Трэнтер».

Орлов с досадой хлопнул себя по лбу.

— Ну конечно!

— Рукоять как рукоять, — пробурчал Прайс, ощутив револьвер, висящий на поясе.

— Под курком особый выступ, упирается в кисть. Наверно, хватка получается более жесткой.

— Не замечал разницы. — Рейнджер вынул «трэнтер» и крутанул его на пальце. — Пушка как пушка. Стреляет — и спасибо. А у тебя, я смотрю, тоже английский продукт?

— Дело не в том, что он английский, — сказал Орлов, подивившись зоркости рейнджера: свой небольшой «вэблей» капитан носил не в кобуре, а в кармане сюртука. — Просто такие модели не подделывают. А самопальных «кольтов» сам знаешь, сколько сейчас развелось. Где их только не клепают.

— Мой «трэнтер» смастерили не где-нибудь, а в Бирмингеме, — сказал Прайс. — Хотя, вообще-то, это не мой ствол. Свой-то я на виду не держу, он за спиной. А этот — он мне достался на память от одного парня. Сыскной агент. Работал на Пинкертоне. Отчаянный был храбрец. Жаль, смелости в нем было больше, чем ума и терпения.

Он свесился с седла, внимательно разглядывая следы на песке.

— Здесь они долго стояли. Топтались на месте.

— Прощались, — сказал Орлов, привстав на стременах и глядя вперед. — Смотри, там следы расходятся.

Действительно, отпечатки копыт уходили в одну сторону, а фургон свернул в другую.

— Они разошлись. Разойдемся и мы, — сказал Орлов.

— Нет. На такие простенькие уловки я не поддаюсь. — Шон Прайс соскочил на землю и провел шпорой две глубокие борозды. — Всадники просто отвлекают погоню. Мы с тобой поедем за фургоном. Шериф с ребятами нас догонят.

Проехав по следам фургона, Орлов почти сразу заметил блеснувшую в пыли перламутровую пуговку. Не ускользнула она и от взгляда рейнджера. Прайс не поленился поднять ее, а потом долго и внимательно рассматривал.

— Ты еще на зуб попробуй, — посоветовал капитан.

— Да и так все ясно, — невозмутимо ответил рейнджер.

— Ну, и что тебе ясно?

— Пуговица теряется, когда перетираются нитки. А тут, смотри, нитки шелковые, крепкие. И кусок ткани. Похоже на шелк. Значит, в фургоне едет парень в белой шелковой сорочке. Я даже знаю, что он не сидит на облучке, а лежит на боковой лавке. Повернулся с боку на бок, пуговица попала в щель между досками и оторвалась. А почему человек среди бела дня лежит на лавке? Потому что не спал всю ночь. А кто не спит по ночам? Воры и бандиты. Так что, Пол, мы с тобой взяли верный след.

— Тебе бы романы писать, — протянул Орлов. — Про сыщиков и следопытов.

— А что? Каждый, кто дожил до моих лет, может написать о себе роман толщиной с хороший кирпич.

— Я бы не стал писать о себе, — сказал капитан Орлов. — Я бы лучше написал о птичках. Например, о воронах, которые любят красть блестящие штучки, а потом терять их на лету, где-нибудь посреди степи.

Шон Прайс еще раз осмотрел пуговку, хмыкнул и отправил ее в карман.

Они двинулись вдоль речки, которая лишь угадывалась под сплошной стеной камыша, бурого по краям и зеленого в середине русла. Скоро впереди над холмами показался сизый дымок, и Шон Прайс остановился. Он отстегнул значок с плаща и прицепил его на обратную сторону лацкана.

— Такие уж тут места, — пояснил он, хотя Орлов ничего и не спрашивал. — Сейчас заглянем в таверну, где собираются всякие подонки. Завидев мой значок, они язык проглотят. А мне бы хотелось их послушать. Так вот, Пол. Зайдешь, оглядишься, спросишь, как проехать к землянке Большого Тома.

— Кто это?

— Не знаю. — Шон Прайс достал из-за спины длинноствольный кольт, прокрутил барабан и засунул револьвер в кобуру под мышкой. — Но в этих местах обязательно найдется какой-нибудь свой Большой Том, или Вонючий Генри, или Черный Миллер. Ну вот, поинтересуешься насчет дороги. А дальше держись наготове. Слово за слово. Кто-то скажет, что вот, мол, только что приехали парни из шайки Джерико, может, они знают твоего Тома? Тут ты им подмигиваешь и выходишь. Они — за тобой. Ну, а я их тут приму, как полагается.

— А если их там нет?

— Там они, там. Но, конечно, перед чужаком могут и не открыться. Тогда ты просто поболтаешь с хозяином. А сам присматривайся. Выйдешь, расскажешь мне, а я уже придумаю, что делать дальше. Все ясно?

— Яснее не бывает. — Капитан Орлов развернул аппалузу и направил ее вверх по склону холма.

— Ты куда?

Орлов показал на горку валунов, венчавшую холм.

— Туда.

— Таверна в другой стороне.

— В том-то и дело. — Он оглянулся. — Не знаю, как ты, Шон, а я никогда не суюсь в незнакомую дырку. Мне надо присмотреться.

— Я думал, ты не хочешь тратить время, — сказал Прайс, направляясь за ним.

— Я и не трачу.

Таверной в Техасе называли любое заведение, где можно было пристроить свой зад на скамейку и выпить из стакана, а не из фляги. Глядя на кособокую хижину, слеplенную из веток и грязи, капитан Орлов живо вспомнил уютную таверну Шварцвальда, где, кажется, совсем недавно наслаждался свининой и пивом в компании Конрада Бертельса и ротмистра Бурко. Да, это было как будто вчера — но Конрада уже нет в живых, а ротмистр сейчас окружен совсем другой компанией...

Он увидел за хижинной фургоном, запряженный парой мулов. На такую удачу нельзя было

и надеяться. Впрочем, таверны для того и стоят на всех дорогах, чтобы в них застревали те, кому следовало бы сломя голову уносить ноги. «Потерпите немного, Сергей Андреевич, я уже рядом», — обратился Орлов к ротмистру. И усмехнулся: «Вот не ожидал, что когда-нибудь стану помогать жандарму...»

В европейских армиях жандармы занимаются охотой на мародеров и помощью похоронным командам. В России же этот род войск пошел, как у нас принято, своим путем, и стал охотиться на заговорщиков, причем не столько в армейской среде, сколько в гражданском обществе. Само слово «жандарм» быстро стало ругательством. Охраняя государя от злодеев, жандармы стояли на армейском довольствии, однако подчинялись министру внутренних дел. Причем эти «внутренние дела», как выяснилось, распространялись далеко за границы империи. Орлову еще в Гибралтаре приходилось обеспечивать проезд жандармских курьеров, а теперь вот «голубые мундиры» добрались и до самых укромных уголков Северо-Американских Штатов. Неужто и сюда протянулись нити заговора?

«Прочь иронию, — сказал себе Орлов. — Не мое дело, с каким заданием прибыл сюда ротмистр. Он русский офицер, он мой боевой товарищ, и я не моргнув глазом перебую всех, кто его сцапал. Будет им наука».

Рядом с фургоном стояли три лошади, подбирая с земли ошметки кукурузных стеблей. Капитан Орлов попытался прикинуть, сколько народу сидит в таверне. Получалось, что двух револьверов должно хватить на всех.

Накануне турецкой войны он, тогда еще поручик, несколько раз ходил за Дунай, уточняя маршруты готовящегося наступления, и однажды попал в неприятную ситуацию. Его агентом был пекарь-армянин в болгарской деревушке. Как-то Орлов прибыл к нему в крестьянской одежде, с ишаком, навьюченным двумя мешками муки. Остался переночевать, как обычно. На рассвете в пекарню ворвались башибузуки. У них были какие-то свои счета с армянами, и, узнав про несчастного пекаря, они бросили патрулирование дорог и свернули в богом забытую деревушку на перевале.

Орлов ночевал на чердаке. Услышав звуки погрома, он через щели сосчитал башибузуков. Затем свесился из люка, да и перестрелял всех четверых. После чего натянул на плечи более или менее чистый халат одного из убитых, надел косматую папаху, нацепил кривую саблю, сел на чужого коня — и в таком виде спокойно добрался до реки, где его в камышах поджидали казаки с лодкой.

«Тогда было проще, — подумал капитан. — Тогда шла война, хоть еще и не объявленная. Тогда кругом были враги. Тогда я был моложе и глупее, потому-то все и казалось простым. Мог ли я тогда поступить иначе? А ведь мог. Мог ускользнуть незаметно. И не провалить явку. Тем более, что сам хозяин-армянин благополучно смылся со всем семейством, и турки крушили всё со злости. Так что я тогда поступил глупо, безрассудно, рисковал неоправданно и совершенно напрасно гордился своим подвигом. Справедливо получил выговор от командира. Всё так. Но что делать теперь?»

План действий, предложенный Прайсом, был по-своему хорош. Рейнджер тоже не собирался соваться в «незнакомую дырку», по крайней мере, сам. А вот послать туда другого — это пожалуйста. Если тому повезет, он вернется и доложит обстановку. А не вернется — значит, надо ждать подмоги. Сколько времени понадобится шерифу, чтобы собрать отряд и придти сюда по знакам, оставленным Прайсом? Не меньше часа.

«Успею», — решил Орлов. Он еще и сам не знал, что именно успеет сделать, но ждать уже не мог.

С трех сторон таверну окружали близко подступившие камыши. Наверно, она неслучайно стояла в таком не слишком уютном месте. Подъехать к ней можно было только с дороги, что шла между холмами, и приближающегося гостя было видно издалека. А камыши предоставляли возможность скрытно покинуть таверну.

Или так же скрытно подобраться к ней.

Из таверны выскочил негритенок с пустой корзинкой, забежал в пристройку, и через

несколько минут показался оттуда, бережно прижимая корзинку к груди.

— В сарае у них курятник, — сказал Шон Прайс. — Пацаненок собрал яйца. Ты поспеешь как раз к яичнице.

— Там и без меня едоков хватает. — Орлов переложил кольт из кобуры в карман плаща. — Человек шесть или семь.

— Хозяина тоже прими в расчет.

— Обычно хозяин не вмешивается в дела гостей.

— Ты не знаешь Родригесов. Таверну держит младший брат, Эстебан. Отсидел лет семь по разным делам. Сейчас, вроде, завязал, но старая дружба не ржавеет. Старший братишка, Педро, был знаменитым взломщиком. После отсидки вернулся в город, пьет не просыхая.

— Это у него останавливался Джерико? — припомнил Орлов.

— Вот именно. Так что следи за Родригесом. И помни про его дробовик под стойкой. Я буду в камышах с той стороны, где мусорная куча. Идем?

— Идем. Только не дыши мне в затылок, — попросил капитан. — Дай мне минуты три.

— Договорились.

«Знал бы ты, каких дел можно натворить за три минуты», — подумал Орлов.

Рейнджер знал.

— За три минуты можно перебить всех, кто там сидит, добить раненых, а потом доесть за ними яичницу, — сказал он. — Надеюсь, у тебя нет таких мыслей?

— Нет, — ответил Орлов. — Ненавижу яичницу.

— Шутки в сторону, Пол, — сказал Шон Прайс. — Давай сделаем все тихо. Мы не на войне.

* * *

Капитан Орлов оставил аппалузу возле курятника. Сюда, по его расчетам, не будут залетать пули, когда в таверне начнется стрельба.

Он держал руки в карманах плаща. Кольт в правой руке, «веблей» в левой. Дверь открыл, поддев ее носком сапога.

Внутри было накурено и темно, свет едва сочился сквозь узкое окошко сквозь слои табачного дыма.

Четверо сидели в углу за столом. Оружие лежало кучей на полу.

Еще двое болтали с хозяином таверны возле плиты.

Он сразу заметил краем глаза белую сорочку и едва удержался, чтобы не повернуться к ротмистру. Тот сам догадается, что делать.

— Тебе чего, амиго? — спросил трактирщик, прерывая беседу.

— Где тут у вас... — начал Орлов, медленно разворачиваясь в сторону ротмистра. — Где тут...

Ротмистра в таверне не было. В его белой шелковой сорочке с оторванными пуговицами щеголял коренастый лохматый мексиканец.

Капитан Орлов бесшумно спустил курки и вынул руки из карманов. Протирая ладони, словно пытаясь их согреть, он еще раз огляделся. Точно. Ротмистра Бурко здесь не было.

— Что ты ищешь? — спросили из-за стола.

Орлов сдвинул шляпу и почесал затылок.

— Где тут у вас хижина дяди Тома? — спросил он.

7

— Мы не на войне, — сказал Шон Прайс.

Он солгал, чтобы немного остудить пыл нового напарника. Война шла уже много лет, и конца ей не было видно. Однако знали об этом лишь те, кто был готов принять в ней участие. Такая уж это война.

«Я пойду на войну», — сказал отцу Шон Прайс. Он уже тогда был высоким, выше своего отца — однако тот глянул на него так, что Шон сразу почувствовал себя младенцем.

«Воевать любой дурак может. Уйти легко, — сказал отец, — вернуться труднее».

«Все идут на войну, — говорил ему Шон, — чем я хуже других?»

«Мне нет дела до всех», — отвечал отец.

«Мятежники напали на нас!»

«На меня никто не нападал».

«Ты хочешь, чтобы у нас в Иллинойсе заправляли южане?»

«Мы сами приехали в Иллинойс из Вирджинии. У нас тут почти все — бывшие южане. И ничего страшного пока не случилось».

На этом спор прекращался. Не мог же Шон сказать, что ему, двадцатилетнему здоровому парню, просто хочется носить красивую военную форму. Такую же красивую, в какую нарялся сын мельника — тот уже приезжал в свой первый отпуск. Они были друзьями, и обнялись, случайно встретившись на улице, но оба чувствовали, что теперь между ними что-то оборвалось. Сын мельника, в роскошном синем мундире, шел в салун, и старые охотники уважительно отодвигались, пропуская его на лучшее место у стойки. А Шон направлялся в лавку, чтобы купить немного муки. Мука и порох, вот и все, что он брал с собой на охоту. Все остальное давал ему лес. А завтра сын мельника будет шагать среди огня и дыма разрывов с огромным знаменем в руках. А Шон будет тянуть за собой лодку по мелководью, пробираясь в верховья реки, где живут бобры... И так — всю жизнь?

Он записался добровольцем в армию северян тайком от родных, прослышав о наборе в снайперскую бригаду. Шону казалось, что стать снайпером гораздо почетнее, чем быть простым пехотинцем. Но ему пришлось проделать долгий путь, прежде чем он взял в руки карабин и надел темно-зеленый мундир бригады полковника Бердана.

Для начала его поместили в казарму для новобранцев, где он услышал странные разговоры. Все его новые товарищи рассчитывали поскорее получить свои сто долларов, полагавшиеся добровольцу федеральной армии, и при первом же удобном случае бежать на свободу, отпраздновав досрочное окончание войны у старушки Лулу. Сто долларов были весьма приличной суммой, и ради них можно было рискнуть головой.

Для Шона стало открытием, что все эти «добровольцы» записались в федеральную армию исключительно ради денег. Многие из них проделывали такой трюк не один раз. Это было, к тому же, гораздо проще и безопаснее, чем заниматься их обычным ремеслом — воровством и разбоем. После недолгих формальностей и напутственных речей новобранцев, «горящих пламенем патриотизма и рвущихся в бой», перевели в учебный лагерь. Прошло два дня, а на третий день новобранец Шон Прайс проснулся в своей палатке в гордом одиночестве.

Немолодой сержант-немец рассвирепел и приказал Прайсу убираться ко всем чертям вслед за своими дружками. Прайс так и сделал. Молча собрался и ушел, а через два дня так же молча подвел к палатке сержанта Фридрикса троих дезертиров, связанных по-индейски: руки за спиной, между ног длинная жердь, соединяющая всех троих. Сержант удивился способностям молодого добровольца и оставил его в учебном лагере, а на рукаве Прайса появилась капральская нашивка.

Почти год капрал Прайс готовил пушечное мясо к бою, время от времени отлучаясь, чтобы изловить очередную компанию дезертиров. Они всегда бежали одним и тем же путем, и он без особого труда ловил их в одном и том же месте — в притоне старой Лулу.

Пойманных дезертиров обычно распинали на багажном ящике фургона: грудью на верхнюю крышку, руки-ноги привязывались к колесам. В действующих частях несчастным, как правило, затыкали рот. Но в учебном лагере им было дозволено совершенно свободно вопить от нестерпимой боли, которая охватывала все тело уже через несколько минут. Эти душераздирающие звуки должны были воспитывать в новичках качества, присущие солдату: равнодушие к чужим страданиям и страх перед капралом...

На очередной проверке лагеря сержант похвалил Прайса перед начальством.

Начальство решило поощрить способного капрала отпуском, но Шон Прайс набрался смелости и попросил о другой награде.

«Прошу направить меня в Потомакскую армию, — заявил он. — Хочу служить среди Стрелков Соединенных Штатов²!»

«Мой юный друг, — сказала начальство, — а умеешь ли ты стрелять так, как положено Стрелку?»

«Я со ста ярдов попадал белке в глаз», скромно ответил капрал Прайс.

«Тебе придется воевать не с белками», ответило начальство, но допустило дерзкого капрала к испытаниям.

Ему дали карабин, и он выполнил положенные «десять выстрелов по десятидюймовой мишени с расстояния двести ярдов, не допустив при этом ни единого промаха», как и гласили правила набора в ряды снайперов.

Так Шон Прайс стал Стрелком, бойцом самой лучшей бригады, и получил, наконец, самое лучшее оружие — «спенсер». Этот карабин так же отличался от всех старых винтовок, как паровоз от фургона. Семизарядный трубчатый магазин вставлялся в приклад. За семь секунд можно было выпустить все патроны, потом моментально вставить новый магазин — и снова вести огонь. Дюжина метких стрелков, вооруженных «спенсерами», легко могла остановить продвижение вражеской роты. А когда стрелки научились еще и окапываться, то их дружный и слаженный огонь выкашивал целые наступающие полки.

Война оказалась совсем не такой азартной игрой, какой представляла в рассказах сержанта Фридрикса. Она состояла большей частью из бессмысленных переходов с одного места на другое, из муштры и строевых смотров, из тупоголовых командиров, которые лезли на генеральские должности ради будущей политической карьеры... Но все искупилось первым же боем. Как только Прайс оказался в деле, в пороховом дыму, среди грохота и криков, он забыл обо всем. Он видел только бурые фигурки над мушкой, и радовался, когда эти фигурки исчезали после его выстрела. Он видел лица друзей слева и справа, и делил с ними счастье, которое охватывает солдат после боя. Он убивал врагов, не считая их, и хоронил друзей, зная, что скоро придет и его час.

Боялся Шон только одного — ранения. Он не мог без содрогания проходить мимо госпиталя, откуда несло тяжелым запахом рубленого мяса. Мало кто из раненых выживал, даже если ему и успевали оказать помощь. Тяжелые пули мушкетов дробили кости и смешивали в огромных ранах человеческую плоть с обрывками одежды. Попадание в руку или ногу лечилось просто — ножовкой. А те, кто получил кусок свинца в грудь или живот, уже не нуждались в лечении. Их складывали рядком в ближнем углу госпиталя, поближе к выходу, и ждали, когда они затихнут...

Та война закончилась для капрала Прайса в сентябре 62-го года, в день, когда генерал Френч решил провести классическую штыковую атаку на позиции южан. Генералу не терпелось проявить свои выдающиеся познания в тактике, почерпнутые в академии. Но до сих пор местность не позволяла ему провести победоносное «наступление дивизии в сомкнутых колоннах с последующим развертыванием в три шеренги для фронтальной штыковой атаки». Как же счастливо светилось, наверно, лицо генерала, когда под Шарпсбергом он увидел перед собой просторное, идеально гладкое поле!

Три его бригады выстроились в три линии на ровном месте, как на гигантском плацу. Прозвучала команда «примкнуть штыки», заиграли полковые оркестры — и вся дивизия шагнула вперед с незаряженными винтовками на плечах.

Капрал Прайс шагал во второй линии. Их, опытных стрелков, поставили здесь, чтобы как-то укрепить необстрелянную молодую бригаду. Солдаты этой бригады только что прибыли из учебного центра. Они все были в белоснежных гетрах. Знамена, развевавшиеся на ветру, радовали глаз яркостью красок, еще не запыленных и не закопченных пороховым

² Стрелки Соединенных Штатов — элитное подразделение армии Севера в годы Гражданской войны

дымом. Штыки лучились на солнце, и капрал Прайс надеялся, что их слепящий блеск повлияет на меткость южан, чьи серые ряды виднелись на другом конце поля. Южане стояли неподвижно, изготовившись для стрельбы и подпуская парадные ряды поближе.

Первый залп конфедератов прозвучал, как короткий, сухой удар грома, и почти вся передняя линия повалилась, срезанная огнем. Перешагивая через убитых и раненых, дивизия продолжала медленное движение под неумолчный рокот барабанов. Южане палили из своих винтовок непрерывно, их шеренги скрылись в пороховом дыму, за которым ярко и часто сверкали вспышки выстрелов. Пули шуршали в воздухе, пролетая над головой. Прайс поймал себя на том, что идет, сильно наклонившись вперед, как против крепкого ветра. Он глянул в сторону и увидел, что его ряд поредел. Шагавший слева солдат-новичок повернул к нему посеревшее лицо и выкрикнул: «Скорей бы добраться до этих трусов, да засадить им штык в глотку!»

Полковые барабаны внезапно умолкли, и тут же тревожно заголосили трубы, заглушая пальбу. По этому сигналу солдаты, оставшиеся в строю, поспешно отступили, смыкая ряды и перестраиваясь в новые линии под огнем противника. Но Прайс не собирался больше маршировать. Он лег за убитого лейтенанта и принялся стрелять по шеренгам южан, стараясь поймать на мушку тех, у кого больше нашивок на рукавах. Его однополчане-стрелки, уцелевшие во второй линии, последовали его примеру и тоже остались на поле, вступив в перестрелку.

Однако пехотинцы генерала Френча под барабанный бой снова пошли в штыковую атаку. Они прошагали мимо лежащего Прайса, чуть не наступив на него, и заслонили противника своим сомкнутым строем. Прайс перевернулся на спину и быстро вставил новый магазин в приклад карабина. Потом подтянул к телу лейтенанта еще один труп, укрепляя свою огневую позицию, и снял с убитых коробки с магазинами. Новый залп южан, и новые завывания труб. Солдаты бежали мимо него назад, чтобы перестроиться снова, и гетры у них были уже красными из-за того, что приходилось бежать по лужам крови... Четыре раза генерал Френч посылал дивизию в штыковые атаки, словно задавшись целью завалить трупами пехоты позиции южан. Скоро все поле было устлано телами в синих мундирах.

Пятая атака не состоялась. Те, кто остался в живых, залегли за телами убитых рядом с Прайсом и зарядили свои винтовки. Напрасно хрипели трубы, созывая на предсмертное построение. Солдаты вышли из повиновения и начали воевать так, как им подсказывал инстинкт — инстинкт убийства. Им не было никакого дела до тактики своего высокообразованного генерала. Им надо было уцелеть и отомстить врагам за смерть своих товарищей. Они академий не кончали, они не знали, что наполеоновские войска своим сомкнутым строем когда-то разгромили лучшие армии Европы. Но они видели, что Спенсер³ сильнее Наполеона, и торопились поскорее перезарядить свои карабины, чтобы послать семь раскаленных гостинцев в сторону противника.

Неизвестно, сколько длился этот огневой поединок на ровном поле, но сломить отчаянное сопротивление южан здесь не удалось. Прайс был ранен дважды. Первая пуля засела в левом плече, и долго мешала прицеливаться. Вторая обожгла, скользнув по шее. Он не успел ни перевязаться, ни хотя бы зажать рану, так как потерял сознание.

Очнулся Шон от жуткого холода, и долго не мог понять, как он, живой, оказался в братской могиле. Он лежал поверх множества ледяных тел, слегка присыпанный влажной землей. «Вот и дождь прошел», — подумал он, стряхивая с лица липкие комки. — «Как бы не простыть». Подняв голову, он увидел россыпи сияющих звезд на черном небе. Стояла ясная сентябрьская ночь. До него не сразу дошло, что земля мокрая не из-за дождя, а оттого, что пропиталась кровью.

Его сапоги и карабин пропали. Шон брел босиком по лесной дороге, хватаясь за стволы деревьев. Впереди показался огонек. У костра сидели люди в оборванных солдатских

³ Кристофер Спенсер, американский оружейник, изобретатель знаменитого карабина.

мундирах — серых, синих, зеленых, красных... Это были дезертиры из обеих армий, мародеры, которые подсчитывали сегодняшнюю добычу. Прайс вышел на свет и повалился перед костром.

Эти люди не собирались его выхаживать, но и добивать не стали. Когда он снова очнулся и попросил воды, они напоили его.

«Ты откуда, земляк?»

«Из братской могилы», — ответил он.

«Обычное дело», — сказали ему дезертиры. «Никто не будет возиться с тобой, если ты не дышишь. Никто не приложит зеркальце к губам, не прижмет ухом к твоей груди, если ты весь в крови и копоту. Им проще стянуть тебя в яму да присыпать песком...»

Они долго еще говорили о том, как можно отличить живого от покойника. Один знаток из Бостона рассказал, что у них в морге от каждого покойнического стола тянулись длинные веревки к колокольчику, чтобы мнимые мертвецы, очнувшись, могли вызвать сторожа. Другой специалист с ученым видом заявил, что самый достоверный признак смерти — это трупные пятна. А лучше всего полагаться на сердечное сечение, при котором на груди делается разрез, куда просовывается палец, чтобы пощупать сердце. Но все эти мудреные способы были неизвестны солдатам из похоронных команд, поэтому из братских могил часто виднелись скрюченные пальцы тех, кто пытался выбраться наружу, теряя последние силы.

«Видишь, как бывает. Вражеские пули тебя не убили, а друзья-однополчане собственными руками отправили тебя на тот свет».

«Значит, тебе не суждено умереть ни от штыка, ни от пули, ни от удушья».

«Знаешь, друг, тебе осталось попробовать еще два способа уйти на тот свет — сгореть или утонуть».

«Да ты счастливчик, земляк. Оставайся с нами. Армия тебя уже похоронила, а ты взял и воскрес. Хороший повод начать жизнь сначала».

Прайс остался в их шайке, скитаясь вместе с ними по краям, разоренным войной.

Когда же наступили холода, он отстал от своих спасителей, раздобыл коня и двинулся на запад. В конце концов Шон оказался на другом берегу Миссисипи, где, как казалось, ждет его новая жизнь.

Здесь, на Западе, никто ни разу не спросил, как его зовут и откуда он родом. Каждый говорил о себе сам — говорил, что хотел, и сколько хотел. И, каждый раз называя себя по-новому, Шон Прайс каждый раз начинал жить сначала.

Он был «Стивом Гордоном из Чикаго», когда подрабывал бить бизонов на прокладке железной дороги. Он был «Джеком Стюартом из Мериленда», когда работал охранником на руднике.

Потом он попал в команду наемных стрелков на ранчо в Техасе. Здесь, шутки ради, он назвался Шоном Прайсом. Он уже знал, что наемники всегда скрывают правду о себе. Они совершали обман, называя себя чужим именем. Он совершил двойной обман, выдав свое имя за чужое.

Но, за кого бы он себя ни выдавал, Шон чувствовал, что занимается не своим делом. Казалось бы, какая разница для охотника, в кого стрелять? Ему надо было снабжать мясом кухню для рабочих, которые укладывали рельсы в степи. Он отъезжал на коне за ближайший холм, где паслось стадо бизонов. Выбирал того, кто стоял поближе, и стрелял ему в лоб, как раз между огромных рогов. Иногда стадо пугалось выстрела и неторопливо уходило за другой холм. Но чаще бизоны даже не замечали гибели своего собрата и продолжали щипать густую траву. Помогая рабочим разделять тушу, Шон даже подумать боялся, что бы сказал отец о такой «охоте».

Неудивительно, что на железной дороге он не задержался. Не удержала его и горнорудная компания. Гарцевать на жеребце, проезжая вслед за пролеткой управляющего по шахтерскому поселку, было несложно. Сопровождать дилижанс с деньгами — тоже.

И даже порой отстреливаться от неуклюжих грабителей — это было и легко, и

неопасно, потому что грабители были вчерашними шахтерами, которые по разным причинам бросили свое шахтерское дело. Они ловко управлялись с киркой и лопатой, но своей стрельбой могли напугать разве что жеребят. Однако охранники воспринимали их всерьез, и отвечали меткими выстрелами на беспорядочную пальбу молодцов в масках. А потом с трупов снимали маски, привязывали за ноги к лошади и волокли через весь поселок, чтобы захоронить у кладбищенского забора под крестом с табличкой «Неизвестный»... Несчастные лишались не только жизни, но и имени.

Только на ранчо в Техасе у Шона Прайса появилась работа, за которую ему не было стыдно. Хозяин ранчо никак не мог договориться о границы пастбищ с другими «мясными баронами». Его стада нуждались в охране, да и сам он не мог никуда выехать без конвоя. Шона приняли в команду, которая считалась самой сильной, и он старался быть не хуже других.

Когда в семьдесят четвертом году новый губернатор Техаса объявил набор в возрожденную службу рейнджеров, Шон Прайс записался одним из первых. С тех пор прошло больше десяти лет. Те, с кем он начинал, давно исчезли с горизонта. Кто погиб, кто нашел более спокойное занятие. Некоторые стали полицейскими или записались в армию. Шону несколько раз предлагали повышение, и он всегда отказывался. А ведь уже мог бы дослужиться до командира роты. Но ему не хотелось командовать. Оставаясь рядовым рейнджером, он не сколотил состояния. Не обзавелся семьей, не имел своего дома, и все его имущество, не считая оружия, умещалось в паре седельных сумок.

Да, он оставался рядовым на той войне, куда ушел больше двадцати лет назад.

* * *

Отправляя русского напарника в таверну, Шон Прайс не ожидал, что тот выйдет оттуда так быстро. Не прошло и минуты, как фигура в черном плаще снова показалась из-за двери и направилась к сараю, за которым стояла аппалуза.

«Вот же олух!» — разозлился Шон. — «Наверняка ничего не разузнал. Заглянул — и выскочил». Впрочем, он и не ожидал получить от этого хлеботорговца особо ценные сведения. Новички годятся лишь для того, чтобы использовать их как приманку. И на этот раз уловка сработала.

Русский не успел сесть на лошадь. Едва он взялся за лук и поймал ногой стремя, как из сарая выскочил оборванец с винчестером и навел на него винтовку. Тут же из таверны выбежали еще трое:

— Эй, мистер! Куда же ты? Поймай!

«Ловко подловили!» — подумал Прайс. — Парню ни удрать, ни отбиться. Теперь лишь бы не вздумал дергаться. Стрелять в него они не будут, чтобы не задеть лошадь. Сейчас заставят отойти, а он, если не дурак, потянет время».

Стоя в камышах, он похлопал жеребца по крупу и подтолкнул. Конь затрусил вперед, к сараю. А Шон, бесшумно раздвигая стебли, двинулся вправо, заходя в спину тем, кто напал на его напарника.

По голосам ему стало ясно, что они пьяны. Один, в белой рубашке, все время смеялся, размахивая кухонным ножом. Двое других были с дробовиками. Самым опасным казался тот, что до этого времени прятался в курятнике. Он держал винчестер у плеча, и целился в голову напарника Шона. И молчал. А это самый опасный признак.

— Послушайте, парни, — раздался спокойный голос русского. — Какого черта вы наставили на меня столько пушек? Неужели я такой страшный? Не надо меня бояться, я вам ничего не сделаю.

— Заткнись! Зачем тебе хижина дяди Тома?

— Не понял. Мне заткнуться? Или отвечать? — так же спокойно продолжал напарник.

Он едва повернул голову, и тут же выстрел из винчестера сбил с него шляпу.

— Эй, полегче, Пескарь! — заорали остальные. — Не задень кобылу!

Вместо ответа лязгнул затвор, и ствол винчестера опустился пониже.

— Гляньте, а чей это белый конь? — проговорил тот, что все время смеялся. — Вот здорово! Еще одна лошадка сама идет к нам в руки!

Тот, кого называли Пескарем, опустил винчестер, напряженно оглядываясь, и отступил за порог сарая.

— Это не лошадка, — сказал он хрипло. — Эй, ты! Откуда с тобой этот конь?

— Вы не поверите, ребята, — улыбаясь, заговорил напарник, — но если б не он, я бы вас не нашел.

Шону Прайсу понравилось, как держится русский. Не каждый способен говорить так спокойно после того, как пуля чиркнет по волосам. Он даже подумал, что этот парень, пожалуй, выкрутится и без его помощи. Но, похоже, тогда весь песок перед таверной покраснеет от крови.

— Ты угадал, Пескарь! — крикнул он из камышей. — Узнал моего Ангела. Значит, и меня знаешь. И знаешь, что делать. Я считаю до трех. Раз...

Винчестер полетел в песок, и Пескарь кинулся на землю, закрывая голову руками.

— Ложитесь, бараны! — прохрипел он. — Бросайте свои ружья и ложитесь!

— Два...

Трое оставались на ногах, оглядываясь. Тот, что был с ножом, вдруг кинулся обратно к таверне. Но Шон Прайс крикнул:

— Три! — и нажал на спуск.

Он всегда для начала бил по ногам. Этот навык дается весьма нелегко, если ты уже привык стрелять, чтобы убивать. Рука сама готова навести ствол на грудь или в голову, а ты удерживаешь ее, и посылаешь пулю в колено или даже в ступню. Шон Прайс долго обучался этому нелегкому искусству. Зато, научившись, всегда опережал любого противника — и почти всегда оставлял его в живых.

Все трое катались по песку с воплями, держась за простреленные ноги. Но Шон не спешил покидать камыши. Он навел кольт на выход из таверны и ждал.

Однако русский снова его удивил. Он выстрелил от бедра, и из узенького окна хижины вывалилась винтовка, а внутри таверны взвыл еще один раненый.

— Там еще двое, — крикнул напарник, присев за бочку с водой и держа кольт двумя руками.

— Сейчас они выйдут, — сказал Шон Прайс. — Если хотят остаться в живых, обязательно выйдут. Эй, слышите меня? Я считаю до трех...

— Выходите, бараны! — заорал Пескарь, приподняв голову и отплеываясь от песка.

— Раз...

«Если не выйдут, придется с ними возиться, — подумал Прайс. — Сейчас они запрутся, начнут отстреливаться. Да, придется ждать, когда на шум стрельбы сюда подтянется шериф. А Джерико за это время уйдет еще дальше...»

— Два! — крикнул он.

Наверно, на оставшихся внутри подействовали вопли раненых. Из проема вылетел дробовик, за ним — револьвер. А потом один за другим выбрались двое с поднятыми руками. Едва переступив порог, они кинулись на песок и, по примеру Пескаря, прикрыли головы руками.

— Проверь курятник! — приказал Прайс русскому.

Тот осторожно прильнул к щелястой стенке, всматриваясь внутрь, затем зажег спичку и просунул руку в дверной проем.

— Никого!

— Загоняй всех туда, я держу их на мушке! Оставь мне хозяина. Поговорим.

Напарник задвинул засов и подпер дверь кочергой, валявшейся рядом с кучей золы.

— Конечно, это не крепость Кончитос, но для наших друзей и такая тюрьма сойдет, — сказал он, сгребая с земли оружие.

Шон Прайс присел над хозяином таверны. Тот приподнял голову:

— Добрый день, мистер Прайс...

Остаток фразы прозвучал глухо, потому что мистер Прайс вдавил физиономию трактирщика в песок. Затем снова поднял за волосы его голову и заглянул в глаза:

— Родригес, ты меня огорчаешь. От твоих клиентов пахнет спиртным. Не помню, чтобы ты обращался за лицензией на торговлю алкогольной продукцией.

— Я... Я собирался прямо сегодня поехать за ней. Уже и деньги собрал, и поручительство...

— Заткнись и слушай. Ты арестован за нелегальную торговлю. Это первое. Второе. Если хоть одна тварь убежит из курятника до прихода шерифа, ты получишь еще срок за пособничество при побеге заключенных. И третье. Можешь заслужить амнистию, если живо все расскажешь. Джерико был здесь?

— Нет!

— Кто эти парни?

— Они подрабатывают на железной дороге!

— Врешь!

— Клянусь могилой матери! Ну, они там, конечно, появляются не каждый день. Ну, заработают пару долларов и бегут сюда, отдохнуть...

Напарник присел рядом и спросил по-испански:

— Откуда взялся ублюдок в белой сорочке?

— Это Хуан! Он из Нью-Мексико, работает у меня, помогает по хозяйству.

— Врешь! — Шон Прайс треснул его по затылку. — Твой Хуан час назад приехал сюда на фургоне!

— Что вы, сеньор! Он уже три дня не встает из-за стола! Он и на ногах еле стоит!

— Кто ему дал белую сорочку? — спросил русский.

«Что за идиотский вопрос, — поморщился Шон Прайс. — Привязался к этой рубашке...»

— Белую сорочку? Тут проезжал Пабло Гомес с ребятами, они и оставили ее. С ними был один парень, он переоделся, пока они перегружали вещи из фургона в дилижанс. А дилижанс сюда пригнал Пескарь. Ну, тот, который прятался в курятнике. Он, значит, пригнал дилижанс еще ночью, и ждал их. А они приехали на фургоне, вещи перегрузили в дилижанс и помчались прямо через камыши на южную дорогу.

— Что за дилижанс?

— Почтовый! Со знаками федеральной почты!

— Куда направились?

— Я слышал, что они торопятся в Эль-Пасо. А Пескарь, значит, тут остался, чтобы ночью фургон перегнать обратно в город. Вот. А Хуан, он тут ни при чем. Рубашка хорошая, шелковая, не выбрасывать же ее. Но он ее не украл, они сами ее выкинули, Хуан вообще чужого не возьмет, даже монетку с земли не поднимет...

— Заткнись!

Трактирщик уже втянул голову в плечи, но Прайс на этот раз удержался от подзатыльника. Ему было немного досадно оттого, что напарник своим идиотским вопросом выудил столь ценные сведения.

— Значит, тут был Пабло Гомес? Какие вещи они перегружали, ты видел?

— Ну, я особо не приглядывался. Ну, железяки какие-то. Вроде был ломик, молоток... Да, чемодан был тяжелый. Кожаная обивка, а под ней — железо.

— Почтовый кофр? — спросил русский.

— Ну да, может, и кофр, я не разбираюсь.

— Железный ящик называется кофром, — сказал Шон Прайс. — А люди, которые везут ворованные кофры в фургоне, называются грабителями. А те, кто помогает грабителям...

— Я не помогал! Они нас заставили!

— В общем, тебе трудно рассчитывать на амнистию, — сказал, вставая, Шон Прайс. —

Но шанс еще есть. Только дождись шерифа. Он, может быть, и зачтет тебе помощь в задержании преступников.

— Каких преступников?

— Тех, которые покушались на убийство моего напарника.

— Мы же не знали, что он твой напарник! Он зашел, спросил про Дядю Тома, и мы подумали, что он бандит! Мы сами хотели его скрутить и передать шерифу! Мы думали, что он из шайки Дяди Тома!

— Что еще за Дядя Том? — спросил Прайс.

— Ну, мы решили, что у нас появилась какая-то новая шайка... А зачем нам новые шайки? У нас и своих до черта! Житья от них не стало, а тут еще какой-то Дядя Том!

8

Джерико расположился со своей бандой в одном из мертвых селений, которые были разбросаны по плоскогорью на высоких берегах Рио-Гранде. Люди покинули эти края давно, после жестокого землетрясения и многолетней засухи. В развалинах домов сейчас гнездились только змеи да осы. Единственная постройка с сохранившейся крышей — католическая церковь — дала приют разбойникам.

Даже если бы пришлось устраиваться в пещере, Уолли и там смог бы наладить жизнь, не лишенную удобств и маленьких радостей. А здесь в его распоряжении были и церковные скамейки, и почти не истлевшее тряпье, и даже родник, кипящую лужицу которого он обнаружил прямо у задней стены церкви. Довольно потирая руки, Уолли принялся за благоустройство, и первым делом соорудил широкую мягкую постель для Джерико. Потом он связал из прутьев две метлы и всучил их Индусу и Канисеро, чтобы те вывели зал. А в нише на месте бывшего алтаря он устроил отличный очаг, в котором прекрасно горели обломки скамеек.

Валяясь в своей постели, Джерико с улыбкой наблюдал за хлопотами. С таким, как Уолли, не пропадешь. У черного гиганта с изуродованным лицом никогда не было собственного дома, он с детских лет бродяжничал. То шалаш, то землянка, то тюремный барак. Но в любом его жилище были уют и порядок.

В Оклахоме, к примеру, банда жила в охотничьем поселке, и землянку Уолли издалека можно было найти среди других землянок по ярко-изумрудной траве, покрывавшей ее покатую крышу: он каждое утро метлой вычищал эту траву, словно вычесывал шерсть. А все соседние крыши были бурыми от перегнивших листьев и пыли. И в Сан-Антонио, где они жили на заднем дворе табачной лавки, Уолли живо навел порядок: перед входом приспособил железный порожек, о который все входящие вычищали свои каблуки. А кто не вычищал, тот, войдя в лавку, натывался на суровый взгляд самого Уолли и сразу понимал, что совершил оплошность. Так что в лавке у них было всегда чисто и немногочисленно.

Врожденная аккуратность, эта неистребимая черта натуры, проявлялась у Уолли в самые неожиданные моменты. Например, когда кого-то из пленников надо было прикончить, он не стрелял и не резал, а предпочитал удар под затылок, чтобы ничего не запачкать кровью.

Уолли, наверно, не смог бы жить без Джерико. Он был слишком сильным и крупным, чтобы еще и соображать. Потому и не пытался что-нибудь придумать, а добросовестно выполнял все, что приказывал ему главарь.

Индус был совсем другим. Невысокий, жилистый, верткий, он успевал выпалить с десяток слов, пока Уолли только собирался открыть рот. Он и главаря своего понимал с полуслова. «Наверно, Индус все-таки навсегда останется городским белоручкой, — подумал Джерико, глядя, как тот неловко развозит метлой обломки по углам зала. — У него и книжка какая-то в барахле запрятана, только никто не видел, чтоб он ее раскрывал. Тайком, видно, читает. Скрывается, чтоб нас не обижать. Ничего, когда-нибудь и грамотеи мне будут нужны. А пока достаточно того, что он быстро соображает, никому не доверяет и стреляет с

обеих рук. Хоть и не слишком метко, зато быстро».

— Да не пыли ты так, плешивая башка! — обругал Индуса Канисеро. — Ну кто же так метет!

Канисеро, до самых глаз заросший черной шерстью, отнял у Индуса метлу и показал, какими плавными движениями надо подметать пол, чтобы не поднималась пыль. Зануда Канисеро вечно лез ко всем со своими советами. Советы эти иногда были полезными, чаще идиотскими. С ним никто не спорил, иначе обучение могло затянуться надолго. Зато он никогда не отказывал, если его просили наточить нож. Казалось бы, нехитрое дело. Но из рук Канисеро любая железка выходила острой, как бритва. Всегда у него в кармане были несколько точильных камней и флакончик масла, и если не было другого занятия, то Канисеро сидел по-портновски, держа на согнутой коленке камень, и меланхолично водил по нему клинком.

Канисеро со своими ножами, Индус со своей мозговитой головой, Уолли со своей нечеловеческой мощью — Джерико оглядел их, чувствуя, как горячей силой наливается его сердце. С ними он может свернуть горы.

Сверху, с обвалившейся площадки колокольни посыпалась пыль. Там сидел Хью Скрипач, самый зоркий из бандитов. Он и вправду был когда-то музыкантом и колесил по городам вместе с цирковым оркестром от ярмарки к ярмарке. Вот кому ничего нельзя доверить. Даже Уолли понимает, что Скрипачу лучше не давать метлу в руки, потому что он ее или сломает, или потеряет, или проиграет в карты. Его, наверно, и из оркестра вышибли за картежные долги. Хотя он и плел какие-то сказки о роковой страсти и тайном романе с женой губернатора. Пальцы у него были длинные и ловкие, но, кроме карт, ничего удержать не могли. У него и глаза были под стать пальцам, шустрые, прекрасно приспособленные для шулерства.

— Кто-то скачет! — крикнул Хью Скрипач сверху, и его голос гулко отразился от стен церковного зала. — Семь... Нет, девять всадников! Джерико, встречай гостей. К нам едет Кривой со своими ребятами!

Джерико потянулся и сел на своей постели. Кривой был неплохим стрелком, только слишком часто старался при любом удобном и неудобном случае показать свое искусство. Один глаз у него никогда не раскрывался полностью, за что он и получил свою кличку. Вот Кривой и старался всем доказать, что его полтора глаза не мешают ему стрелять лучше всех. Те насмешники, кто пытался с ним спорить, получали в ответ неотразимые аргументы сорок пятого калибра и закрывали навсегда свои здоровые глаза. Даже сейчас, подъехав к церкви, этот богохульник принялся палить по колокольне из своего шестизарядника. Пули громко завывали, отскакивая от дребезжащего колокола.

Кривой вошел под церковные своды, широко расставив руки для объятия, и Джерико пришлось с неохотой встать с постели и сделать пару шагов ему навстречу.

— Амигос, привет! — пылко воскликнул Кривой. — Джерико, как видишь, я все бросил и прилетел к тебе. Со мной самые лучшие парни. Кое-кого ты еще не знаешь. Но поверь, это ребята что надо.

— Рад, что ты здесь, — сказал Джерико. — Потому что дело предстоит непростое.

— Какое дело?

Джерико молча прошелся среди бандитов, собравшихся на церковных скамьях вдоль прохода, заглянув каждому в глаза. Они, затаив дыхание, ждали его ответа. Он поднялся на возвышение и подошел к покосившейся трибуне.

— Дети мои, — провозгласил он с трибуны, глумливо ухмыляясь, и бандиты заржали в ответ. — Посмотрите на себя. Грязные, голодные, одинокие, скитаемся мы по этой земле, гонимые и презираемые... А люди вокруг нас одеваются в чистые дорогие одежды, едят на белоснежных скатертях и спят в мягких постелях. Чем они лучше нас? Ничем. Чем же они отличаются от нас? Только тем, что у них есть деньги. Так почему бы нам тоже не обзавестись деньжатами? Тогда и нас будут уважать, и нам достанутся все радости жизни. Господь наш в великой милости своей надоумил меня вспомнить о том месте, где водятся

деньги, водятся в изобилии, и нам остается только наклониться и протянуть руку, чтобы овладеть ими. Это место называется банк. Все вы были в городах, все видели эти здания с решетками на окнах. Не думаю, что кого-нибудь из вас могли впустить в банк, так что, наверно, вам интересно будет узнать, что у него внутри. А внутри каждого банка стоит сейф.

Джерико порывисто сошел с трибуны и встал в проходе:

— Представьте, что Уолли — это сейф. Большой сейф, который весит три тонны, и его опоры врыты в землю на два метра. Перед ним, вот так, ближе ко входу, сидят два кассира. Они скрыты за решетками.

Джерико размахивал руками, рисуя в воздухе план внутреннего расположения банка.

— Вот здесь главный вход. Он с тамбуром и двойными решетками. Напротив него — двойная стена. Ну что, Кривой, что бы ты сделал с этим банком? Допустим, тебе удалось перебить охрану на входе, и ты ворвался внутрь. Ну, убил двух кассиров и управляющего. Все, в банке не осталось никого, кроме тебя. Что ты делаешь?

— А ключи у меня есть? — спросил Кривой быстро.

— Сейф отпирается тремя ключами, — торжественно сказал Джерико, — и они хранятся у троих разных клерков, и эти клерки никогда не бывают в банке одновременно. Только по специальному заказу.

— А динамит у меня есть? — Кривой сдвинул шляпу на глаза и почесал затылок. — Да... Сколько же надо динамиту, чтобы рвануть такой сейф? Пожалуй что, скорее банк развалится. Да и от меня только клочья полетят. Нет, брат, это безнадежное дело.

— Да, безнадежное, — торжественно объявил Джерико. — Потому что даже если ты каким-то чудом и откроешь этот огромный сейф, нет никакой надежды, что ты обнаружишь в нем достаточно денег.

Ропот разочарования пронесся по кругу бандитов, ловивших каждое слово своего главаря. Кривой не мог не заметить, что головорезы, которых он привел с собой, тоже не сводят глаз с Джерико. Как-то незаметно получилось, что за время этого разговора Кривой не только утратил власть над своими приспешниками, но и сам превратился в рядового участника шайки Джерико.

— Тогда мне непонятно, а ради чего ты вызвал меня с моими людьми? — резко спросил Кривой. — А? Чтобы проповеди читать? У нас были и другие дела на примете, зачем нам терять время с тобой?

— Не торопись, брат, — улыбнулся Джерико. — Всему свое время. Время задавать вопросы и время отвечать на них. Но сначала я расскажу вам небольшую притчу. Некий селянин решил разбогатеть на продаже меда и завел себе несколько ульев. Он заказал самые лучшие ульи у самого лучшего мастера. Он поставил их в самом удачном месте, и пчелы могли облететь все цветущие сады и поля в округе. Прошло время, и селянин полез в улей за медом. Но неблагодарные пчелы накинулись на него и принялись жалить. И вот, вместо того, чтобы разбогатеть, бедняга отправился на кладбище. Имеющий уши да слышит. Слышащий да разумеет. Улей — это банк, пчелы — это охранники, а мы с вами — это тот глупый селянин. Нравится вам такая притча?

Бандиты молчали, тупо уставившись на него.

— Сам вижу, что не нравится. Мы не станем уподобляться глупому селянину. Мы не полезем в улей за медом, а просто перехватим его по дороге.

— По дороге? — спросил Кривой. — Даже твой глупый селянин не стал бы отлавливать пчел по одиночке и высасывать из них мед. Ты предлагаешь нам напасть на транспорт? Но мы-то знаем, как охраняются банковские перевозки. Там и муха не подлетит к их карете, ее подстрелят, а потом скажут: «Стой, стрелять буду»...

— Да, муха не подлетит, — кивнул Джерико. — Но я и звал сюда не мух, а шершней. Злобных и беспощадных шершней. И ты привел ко мне именно таких парней, какие смогут справиться с делом.

— Я-то привел, — приосанился Кривой. — А вот ты, Джерико, меня удивляешь. Где твоя команда? Не вижу Пабло. Нет ни Черного, ни Пескаря. Как же ты собирался провернуть

большое дело без них?

— Ты прав, амиго. Без них у нас точно ничего не получится, — кивнул Джерико. — Потому что именно они должны выследить ту самую пчелу, которую мы перехватим по дороге в улей. Ту самую пчелу, которая принесет нам такие деньги, каких мы еще в жизни не видывали.

* * *

Джерико лукавил. Пескарь был отправлен за динамитом. Черный и Пабло тоже не выслеживали никакую «пчелу». Они просто караулили того парня, что умел открывать сейфы. Правда, пока еще Англичанин не показал особых способностей к такой работе. Даже не глянув на стальной чемодан, он первым делом осмотрел инструменты Родригеса, которыми Пабло разжился в городе, и заявил, что они не годятся и для открывания бутылок. Пабло сгоряча чуть не пристрелил Англичанина, но Черный схватил его за руку.

— Остынь, амиго! А ты, Англичанин, не выделяйся. Может, еще дать тебе ключи? Если ты такой крутой, каким хочешь казаться, то справишься с любым замком с помощью обычного гвоздя. А не справишься, Джерико будет очень недоволен. И тогда я тебе не завидую.

Бандит по кличке Черный был рыжим и сероглазым, с землисто-серой кожей, которая не меняла свой цвет ни от ветра, ни от солнца, ни от мыла. Кличку же он заработал своим пристрастием к негритянкам. Если где-то пропадала черная девчонка, значит, его рук дело. Никто не знал точно, сколько он их загубил, да и кто будет считать негров?

К шайке он прибил не сразу. Раньше Черный был помощником шерифа. Никто и не догадывался, что он отлучается в соседний округ, чтобы там, вдали от соседских глаз, поиграть в карты. Когда карточные долги стали слишком большими, Индус подсказал ему способ рассчитаться. Черный хорошо знал всех жителей своего округа, и несколько раз удачно навел шайку на богатых коммерсантов. Потом и сам участвовал в ограблениях, но только не в своем округе. Получив долю, возвращался домой, чтобы охранять покой земляков.

Однажды его позвали на ограбление поезда, и там Черного увидели сразу несколько соседей, ехавших куда-то, как назло, на этом самом поезде. Джерико не дал ему перестрелять их, потому что, во-первых, некогда было, а во-вторых, в таких случаях трудно быть уверенным, что никого не пропустил. Так помощник шерифа стал помощником главаря шайки.

На первой взгляд, он был таким же, как все. Но было у него несколько странностей. К примеру, он не ел мяса. По сладкому с ума сходил, в карманах вечно держал слипшийся комок леденцов, а на мясо и смотреть не мог. А еще иногда на него накатывало. Скоро все уже знали, что если Черный отвечает невпопад, непрерывно курит и отказывается от выпивки, значит, не сегодня, так завтра утром его в шайке не будет. Черный уходил в ночь на воскресенье, готовил себе укромное логово и выслеживал негритяночек по дороге в церковь, на воскресную службу. А когда они возвращались, налетал на них, хватал первую попавшуюся, кидал поперек седла и уносился прочь. Весь день, а то и два он с ней забавлялся, потом обычно топил, если река была поблизости. После этого приключения он возвращался в шайку и снова становился обычным парнем. Впрочем, не совсем обычным. Было у него одно свойство, весьма ценное — он не нуждался в сне. Днем после обеда прикорнет на часок, и всё. Ночью он обычно либо сидел у костра, либо шатался вокруг лагеря. Он был незаменимым сторожем. Немудрено, что именно ему Джерико поручил стеречь Англичанина, а заодно присматривать за Пабло.

Черный весьма гордился оказанным доверием, и держался важно, как и подобает близкому помощнику самого знаменитого бандита во всем Техасе. Его властный тон подействовал на Англичанина, и тот без пререканий принялся крутить дрель, пытаясь высверлить замок в железном чемоданчике.

— И где вы только раздобыли такое тупое сверло? — ворчал Англичанин. — Им и яблоко не просверлишь. А тут — закаленная сталь.

Они поселились в самой дальней комнатухе постоялого двора, а чемодан вскрывали в подвале. Сверло скрипело и повизгивало, и Пабло стоял на лестнице у крышки люка, следя за тем, чтобы рядом никого не было. Место было надежное, надежнее не бывает. Однако Джерико предупредил, что ни о чемоданчике, ни об Англичанине никто не должен пронюхать. И как только наверху раздавались чьи-то шаги, Пабло толкал Черного, а тот хватал за плечо Англичанина, требуя остановиться.

— Да, ребята, мы тут застряли надолго, — сказал Англичанин во время очередного перерыва. — За что вас так наказали? Сам Джерико, наверно, сейчас развлекается, а вы тут блох кормите.

— Если будешь много болтать, Джерико развлечется с тобой, — сказал Пабло Гомес.

Он сказал это равнодушно, однако слова Англичанина будто острым коготком царапнули по сердцу. Пабло давно уже замечал, что Джерико держит его наравне со всеми остальными. А ведь когда-то они считались чуть не братьями...

Сколько лет прошло? И не сосчитать.

Однако его память хранила всё. Он помнил, кажется, каждое слово. Прикрыв глаза, он будто снова увидел далекое прошлое. Вот они с Джерико сидят в его закутке на дядином ранчо и играют в покер. Мутное пойло в стаканах, самодельные карты на столе, разноцветные палочки вместо долларов. Дурачок Уолли тоже принимает участие в игре. Он не может запомнить даже названия мастей и путает пики с бубнами, но меняет свои карты с таким загадочным видом, что Пабло с Джерико еле удерживаются от смеха.

Дверь с грохотом распаивается, и на пороге появляется коротышка Харрис, помощник шерифа. «Ага, вся шайка в сборе», — говорит он с угрозой и вытаскивает револьвер. Друзья растерянно переглядываются. В чем дело? Вроде бы они ничего не натворили?

Но Харрис не шутит. «Гривс, ты пойдешь со мной», — командует коротышка. «Шериф хочет задать тебе пару вопросов».

Джерико послушно встает. Нет, тогда еще его все звали просто Фредди, Фредди Гривс. Он послушно встает. Он привык, что шериф вечно задает ему дурацкие вопросы. То одно, то другое. Что бы ни стряслось на ранчо, первым начинают трясти этого затюканного хозяйского племянничка.

Например, где он был, когда индейцы угнали молодняк, пасшийся за холмами? Или — куда делись три банки пороха со склада? И еще — почему вдруг лопнула подпруга под ковбоем, который недавно подрался с Джерико? Подпруга лопнула очень неудачно — ковбой слетел с коня прямо под копыта перепуганного стада, и от него остались одни шпоры. И если бы на обрывках сбруи нашли следы надреза, Джерико не удалось бы отвертеться от виселицы. Но следов не нашли, и Фредди Гривс только разводил руками и на все вопросы отвечал, как всегда — ничего не знаю, ничего не видел, ничего не слышал.

Но сейчас Харрис что-то очень злой, коротышка грозно размахивает револьвером, когда Уолли пытается привстать с места. «Сидеть! Не двигаться! Гривс! Подними руки и медленно выходи из-за стола!»

Какая муха укусила этого Харриса? «В картишки играешь, а там горит дом твоего родного дяди!», кричит он.

«А я и не знал, что он горит», оправдывается Джерико, выбираясь из-за стола с поднятыми руками.

«А где ты был, когда начался пожар?»

«Вот здесь и был, все могут подтвердить».

И тут Харрис отступает на шаг и спрашивает совсем другим голосом: «А откуда ты знаешь, *когда* начался пожар?»

Джерико стоит посреди своей хибарки с поднятыми руками и ничего не отвечает, только ртом хлопает, как рыба на берегу.

Теперь-то ему не отвертеться. Все знали, как нещадно гонял его старый кровосос Натан

Гривс. Все видели, как злобно Джерико смотрел вслед его лакированной коляске, когда она проносилась по дороге мимо ранчо. Все слышали, как Джерико повторял, что нет у него родственников ни в Оклахоме, ни в Техасе, нигде на белом свете, а дядя, какой же это родственник...

И теперь ему не отвертеться. Потому что никто не видел, как Пабло вчера ночью залез на высокий тополь рядом с домом Натана Гривса, перебрался по толстой ветке на крышу и густо присыпал ворованным порохом все резные карнизы и оградки. Так что, когда сегодня вечером Пабло выпустил из лука всего одну горящую стрелу, она превратила всю крышу в отличный костер.

А если кто и заметил, что пожар начался со стрелы, так все же помнят, что именно Джерико мастерил детишкам луки, шлифовал им тупые стрелы и учил целиться.

Так что теперь-то Джерико не отвертится. Теперь его наверняка упрячут за решетку. А если при пожаре кто-нибудь сгорит, то Джерико отправится прямиком на виселицу. Как было бы замечательно, если бы сгорел сам старик Натаниэль! Пламя пожара списало бы все долги Пабло, и не его одного. Пожалуй, не было на ранчо такого работника, который не задолжал бы старому Гривсу.

Но даже если старик не сгорит, Джерико все равно не отвертится, и его отправят отсюда подальше. И его хибарка освободится, и здесь будет жить Пабло. А уж он-то наведет тут порядок. Выскоблит полы, повесит занавески на окна, и вместо гвоздей в стенах тут появятся аккуратные крючки и полочки. И самое главное, Пабло не станет ворон считать и спать на ходу. У него была хорошая идея, но этот растяпа Джерико не согласился ему помочь. Теперь, когда его не будет, никто не помешает Пабло угонять из стада каждый день по одной корове и привязывать ее в укромной ложбинке, а в воскресенье спокойно перегнать маленькое стадо за речку в поселок старателей. Те ребята, говорят, тоскуют по свежему мясу и готовы расплачиваться за него золотым песком. Джерико высмеял его, когда он рассказал об этой идее, и сказал, что никакого золотого песка не бывает. Вот и пусть теперь расплачивается за свою дурость.

Нет, ему не отвертеться. Харрис держит его на мушке и медленно отступает из хибарки. «Пойдем, Гривс, пойдем. Шериф хочет тебя видеть. Очень хочет».

Джерико стоит с поднятыми руками, а коротышка Харрис отступает к порогу и смотрит на него. Смотрит, но не видит, что в дощатую стену воткнул топорик. Это старый топорик, которым забивают телят, проламывая темечко. Джерико когда-то засадил его в стенку и подвязал к топорищу веревку, на которой он сушит какие-то тряпки. Сейчас тряпок нет, веревка провисает через всю хибарку, от гвоздя в одной стенке к топорiku в другой. Джерико стоит с поднятыми руками, и топорик сам просится к нему в ладонь.

Пабло очень хотел, чтобы Харрис перестал зря болтать. О чем можно еще говорить с этим индейским выкорышом? Вот сейчас Фредди Гривс схватится за топорик, и помощник шерифа засадит в него все шесть пуль из своего кольта! И все будет кончено! Без суда, без ожидания виселицы... Ну же, Харрис, всего одно движение пальца...

Наверно, Пабло Гомес в тот момент слишком сильно желал быстрой развязки. Наверно, он зашевелился, или засопел слишком громко...

Харрис на миг поворачивается к Пабло и Уолли, застывшим с картами за столом: «Сидеть! Не двигаться! Знаю я вас, все вы заодно, голодранцы...» Хрясь! Коротышка Харрис валится на пол, а в его затылке застрял топорик...

Джерико спокойно поворачивается к друзьям. «Не пойду я ни к какому шерифу. Если есть вопросы, пускай сам приходит. Пабло, сдай карты сначала». Харрис, лежа на полу, вдруг начинает вздрагивать и стучать каблуками об пол, но быстро затихает. Пабло дрожащими руками тасует карты, а Джерико поднимает с полу револьвер, бережно протирает его об рукав, прокручивает барабан. «Пускай шериф сам приходит. Я ему отвечу. Пабло, сдавай». Джерико говорит тихим обиженным голосом, и в глазах его блестят слезы...

Пабло отвлекся от воспоминаний, заметив, что Англичанин перестал сверлить.

— Давай работай! — прикрикнул он.

— Сверло затупилось. Есть другое?

— Нет.

— Надо заточить, — спокойно сказал Англичанин. — Это может сделать кузнец или слесарь. Выпустите меня на полчаса, я схожу в мастерскую и заточу.

— Ага, так мы тебя и отпустим! — ухмыльнулся Пабло. — Не нужен нам никакой кузнец. Канисеро заточит.

— А он сумеет?

— Не сомневайся. И если ты вздумаешь хитрить, то познакомишься еще и с тем, как здорово он точит ножи. Только махнет тесаком — и твоя башка покатится.

— Если моя башка покатится, вам никогда не открыть этот кофр, — ответил Англичанин.

— Не беспокойся! Мы и не такие открывали динамитом.

— Тогда зачем вам я?

— Сейчас нам динамит нужен для другого, — сказал Пабло. И осекся. Он и сам не знал, для чего Джерико ищет динамит. «Вот, опять он что-то от меня скрывает!» — подумал Пабло с обидой.

— Я устал, — заявил Англичанин. — Сверлить вы можете и сами, место я уже наметил. Теперь надо только ручку крутить. Или вы боитесь незнакомого инструмента?

— Ничего я не боюсь, — сказал Черный и взялся за дрель.

Он вставил сверло в лунку и принялся крутить рукоятку с такой яростью, словно этот железный чемоданчик нанес ему смертельное оскорбление. Однако через полминуты оскорбление уже не казалось таким уж смертельным, а еще минуту спустя Черный готов был сам просить прощения у неприступного замка. Он вытер рукавом взмокший лоб и повернулся к Пабло. Но тот, как бы не замечая его взгляда, отвернулся к люку и приподнял крышку.

— Я лучше снаружи покараулю, — сказал он, поднимаясь по лесенке. — Если постучу сверху, не шуметь. Ясно?

Никто не ответил ему, да он и не ждал ответа. Когда крышка опустилась за ним, Черный выругался сквозь зубы:

— Хитрожопый мексиканец! Что, от работы у него яйца бы отвалились?

— Этот порода такая, — с надменной улыбкой произнес Англичанин. — Есть люди, способные к работе. Как мы с тобой. А есть такие, что могут только ломать. Твой Пабло как раз из этой породы.

— Ломать и воровать, больше он ни на что не способен, — согласился Черный. — Если по справедливости рассудить, то пускай бы он сам и открывал этот чертов сундук!

— А где Пабло его раздобыл? Почту ограбил?

— Да нет, не почту. Мы с почтарями дела не имеем, они сейчас возят больше бумажек, чем денег. Этот сундук был в багаже одного иностранца. Мы его взяли чисто, без шума. На Персиковых холмах. Они там, в Сан-Антонио, думали, что никто не осмелится напасть на дилижанс чуть ли не на городской улице. Никто бы и не осмелился. Никто кроме нас с Джерико, — гордо сказал Черный.

— Я слышал про дело на Персиковых холмах, — медленно произнес Англичанин. — Так это — твоя работа?

— Ну, по правде сказать, я тогда был в другом месте, — признался Черный. — Джерико попросил меня найти хороший фургон для дальнего перехода. Когда мы встретились, Пабло начал хвастаться, мол, это он заметил сундук, тот был спрятан под сиденьями, а он, черт лупоглазый, заметил. Ну, ты заметил, ты и открывай, верно?

— Верно, — кивнул Англичанин и забрал у него дрель. — Устал? Давай теперь я...

Так, сменяя друг друга, они мало-помалу проделали в креплении замка две дырки. Затем Англичанин принялся орудовать молотком и зубилом, а Черный навалился на чемоданчик, чтобы тот не елозил под ударами.

— Там наверно, полно деньжищ, — мечтательно протянул он, увидев, что створки

чемодана постепенно раздвигаются.

— Вряд ли. В таких кофрах обычно возят почту.

Англичанин оказался прав. Когда чемодан, наконец, распахнулся, из него вывалились плотно запечатанные пакеты. Они вскрыли их все — но ни в одном из них не было денег. Только письма. Да консервная банка с солониной, которую Черный с отвращением забросил в угол подвала.

Пабло пришел в бешенство, увидев распотрошенный чемодан и обрывки пакетов.

— Без меня! Как! Как вы посмели вскрыть без меня!

— Кто ж виноват, что тебя тут не было, — ответил Черный. — И не хватайся за пушку. Я не люблю, когда меня пугают.

Пабло еще раз перевернул гору рваной бумаги.

— Вот же рогоносцы! Не могли вложить в конверт хотя бы доллар! — Он встал, отряхивая руки. — Я уезжаю. Черный, запрешь этого типа здесь. Лестницу поднимешь, чтоб он не удрал. Еду и воду будешь подавать на веревке.

Англичанин встал, сжимая в руках тяжелый молоток:

— Ребята, Джерико сказал, что мы друзья. С друзьями так не поступают. Я вам не раб. И вы меня не купили.

— Да, мы друзья, но лучше не спорь с нами, — сказал Черный, поднимаясь вслед за Пабло.

Они вытянули лестницу и захлопнули крышку.

— На кой черт он нам нужен? — спросил Черный.

— Джерико, наверно, что-то придумал. Наверно, скоро ему понадобится открыть какой-нибудь сейф. Англичанин будет работать вместо Родригеса.

— А если он не станет работать?

— Станет. Просто от скуки, — заявил Пабло. — Знаю я таких. Не могут сидеть без дела. Порода такая.

9

Эль-Пасо по-испански значит «проход», «тропа». В этом месте, действительно, проходила удобная тропа, соединяющая южные плоскогорья с северными прериями. Здесь горы расступались, и Рио-Гранде текла широко и спокойно, не сопротивляясь людям, что пересекали ее вброд. Веками люди использовали это место не только как переход, но и как рыночную площадь, да и просто как место сбора.

На южном берегу реки люди селились с давних пор. Другой берег начали осваивать переселенцы из Штатов, когда еще земли к северу от Рио-Гранде принадлежали Мексике. Тогда никто не возражал против пришельцев. Требовалось только, чтобы они называли себя католиками и могли хоть немного изъясняться по-испански.

Но пришельцев становилось все больше и больше. Через пару десятков лет они послали к черту мексиканское правительство с его испанским языком, и объявили себя независимой республикой. К тому времени поселок скотоводов превратился в городок. Вокруг него раскинулись хлопковые плантации, на склонах гор аккуратно выстроились фруктовые сады. А когда к городку подобралась, наконец, железная дорога, Эль-Пасо в считанные месяцы превратился в густо населенный город. Рельсы соединили его с западом и востоком, протянулись на север, к богатым промышленным городам, и на юг, в Мексику. И со всех сторон в Эль-Пасо хлынули люди, товары и деньги.

Сейчас в нем насчитывалось не меньше десятка крупных банков, и все они располагались в самом центре города. Но капитан Орлов отправился на окраину Эль-Пасо. Там, среди пыльных узких улочек, раскинулась мощеная булыжником площадь. Она представляла собой треугольник, на каждой стороне которого стояло по одному зданию. Два отеля были похожи друг на друга, как дряхлый дед может быть похож на своего внука. Выстроенные явно одним и тем же архитектором, здания, как видно, попали в разные руки.

Серые обветренные стены отеля «Эльдорадо» отражались в зеркальных витринах гостиницы «Мечта Странника». Но оба этих дома казались жалкими хижинами рядом со зданием банка. Приземистое, облицованное панцирем гранитных глыб, оно больше походило на неприступную крепость, чем на учреждение, призванное обслуживать посетителей.

Управляющий банка «Морган Траст» был приветлив, но сдержан. За этой сдержанностью проглядывали очертания пирамид, сложенных из золотых слитков.

Через банк проходили деньги компаний, которые строили железные дороги, а это были очень большие деньги. Эти деньги превращались в рельсы и шпалы, вагоны и семафоры. Превращались в воду, в песок — да-да, в пустыню завозили песок — и снова в рельсы, те же самые, что были вначале, но уже втрое дороже. Эти деньги превращались в земельные участки, расположенные в зоне прокладки трассы. Причем прежние владельцы могли бы разойтись по швам от злости, узнав, в какие деньги превратились их участки после перепродажи. И снова семафоры, стрелки, водокачки, потом красивые мундиры для кондукторов (с золотыми пуговицами, судя по счетам из пошивочных мастерских), потом эскизы железнодорожных билетов, явно заказанные в ателье «Рубенс, Веласкес и Тициан», потом, наконец, какая-то часть денег превращались в билеты, в крики проводников и свистки локомотивов, в мелькание пейзажей за вагонным окном...

Из золота, которое прошло через банк, можно было сложить пирамиду до самого неба.

Неудивительно, что управляющий глядел на посетителя с высоты своей ступеньки на этой пирамиде, и сдержанно улыбался. Возможно, в глубине души его забавляла попытка частного лица вскарабкаться хотя бы на подножие этих сверкающих вершин.

Капитану Орлову пришлось поговорить с управляющим лишних пятнадцать минут, прежде чем он смог доказать основательность своих намерений. Управляющий только вежливо улыбался и объяснял, что банк работает преимущественно с крупными фирмами и правительством, а для частных вкладчиков существуют многочисленные филиалы. Орлов улыбался в ответ и отвечал, что частные вкладчики — понятие растяжимое.

Обмен улыбками тянулся до тех пор, пока Орлов не признался, что выбрал этот банк по совету барона Лансдорфа.

— Что ж, барон — редкий знаток банковской системы, — сказал управляющий.

Орлов понял, что не ошибся. До сих пор он мог только догадываться, в каком банке Семен Карлович держал свои деньги. Теперь он получил подтверждение своим догадкам.

— Я принял решение перебраться в Техас, потому что вижу здесь большие перспективы, — сказал он, и управляющий многозначительно кивнул, выражая поддержку такого намерения. — После продажи моих активов в Арканзасе я бы хотел вложить весьма значительную сумму в развитие железных дорог Эль-Пасо.

Управляющий улыбнулся:

— Наш банк работает, как правило, с очень значительными суммами.

— По всей видимости, вы уверены в своей охране, — заметил капитан. — Хотя, как известно, в такой близости от границы не может быть никаких гарантий безопасности. Вы же не можете окружить банк окопами и колючей проволокой.

— Это и не требуется.

Управляющий встал из-за стола и открыл верхние створки красивого резного шкафа у себя за спиной, где стояли на стеклянной полке сверкающие хрустальные бутылки.

— Виски? Бренди? Ликер?

— Бренди, пожалуй.

— Как только вы откроете счет в нашем банке, вам уже не придется думать о безопасности ваших денег, — сказал управляющий, наполняя широкие грушевидные рюмки. — Мы прекрасно обходимся без колючей проволоки. Если вы обратите внимание на расположение нашего персонала, то заметите, что несколько клерков сидят за отдельными столиками в разных углах.

— Я заметил. Видимо, они обслуживают тех, кто впервые приходит в банк? — спросил капитан, хотя без труда догадался об истинном назначении этих «клерков» с обветренными

лицами.

— Они обслуживают тех, кто приходит в банк с недобрыми намерениями, — тонко улыбнулся управляющий. — Это переодетые охранники, и им разрешено применять оружие по своему усмотрению. И если кто-то наставит на наших кассиров револьвер, то он вряд ли успеет изложить свои требования.

— Но существуют еще и взломщики.

— О, им нечего делать в нашем банке. Ночью внутри помещения остается вооруженный охранник, а вокруг здания дежурит патруль. Предупреждая ваше следующее предположение, напомним, что поблизости находится Форт Блисс, и армия не позволит крупной вооруженной банде даже приблизиться к городу, не говоря уже о том, чтобы напасть на банк. Времена налетов и штурмов остались в прошлом, — управляющий поднял свою рюмку. — Выпьем за наше будущее.

Капитан Орлов не стал спорить с собеседником. Отпив обжигающий глоток и глядя, как медленно сползает по стеклу рюмки прозрачный след хорошего бренди, он сказал:

— Да, штурмовать вашу крепость может только сумасшедший...

Выходя из банка, он еще раз огляделся. Стены, сложенные из грубо отесанного камня, толстые стальные прутья на окнах, двойные двери с раздвижной решеткой между ними — все убеждало клиентов банка в абсолютной неприкосновенности их сбережений.

Однако капитан слишком хорошо знал, что неприступных крепостей не бывает.

Вернувшись в отель, он застал Шона Прайса за чисткой револьверов.

— Я думаю, нам с тобой надо присмотреться к мертвым деревушкам, — сказал рейнджер, прокручивая ершик в стволе..

— К мертвым?

— Вдоль реки тянется целая полоса таких деревень. Это место даже зовут Мертвым Каньоном. После землетрясения местные ушли оттуда. А переселенцы туда не едут. Слишком близко к границе. Вот и стоят пустые дома. Ну, конечно, только те, которые уцелели. Поедем туда. Ты возьмешь на себя одну сторону каньона, а я другую. Но договоримся — все делаем тихо и быстро. Без стрельбы. Только наблюдаем, только ищем следы. Договорились?

— Кажется, я уже нашел следы, — сказал Орлов, ваясь на кровать.

Рейнджер глянул на него, но ничего не спросил.

— Как думаешь, зачем Джерико рванул в Эль-Пасо?

Шон Прайс пожал плечами, вставил барабан в рамку и прокрутил его.

Не дождавшись ответа, Орлов продолжил:

— Если только для того, чтобы перейти границу, то почему он не выбрал другое место? Тут и армия, и полиция, тут его могут просто схватить на улице, потому что он слишком хорошо всем известен. Нет, дело не в близости границы. Дело в деньгах. Он пришел сюда за деньгами.

— Джерико не грабит в городе, — сказал Прайс. — Его бизнес — налеты на дорогах.

— На дорогах много не возьмешь.

— Ему хватало. Он скромн. Скромн и осторожен. Потому и жив до сих пор.

— Я тоже когда-то был скромным, — сказал капитан Орлов, набивая трубку. — Скромным, тихим клерком, а теперь вот мотаюсь с тобой по Техасу. Может быть, и у Джерико в жизни произошло что-то такое, что заставило изменить старым привычкам. Могло такое с ним случиться?

Шон Прайс рассовал револьверы по кобурам и повесил амуницию на вешалку возле кровати.

— Пол, говори короче. Единственное событие в жизни Джерико, которое меня интересует, это его скоропостижная кончина после встречи со мной. Поэтому давай без предисловий. Что ты узнал в банке?

— Ничего особенного. Только то, что именно здесь мой шеф держал свои деньги. Он вкладывался в железные дороги. Все прочие банки появились тут недавно, а «Морган Траст»

стоял уже тогда, когда вокруг были только кактусы.

— Ну и что? При чем тут Джерико?

— Притом, что теперь об этих деньгах знаю не только я. Но еще и Джерико. Да-да, знает. Он напал на моего шефа. Затем напал на его дом. Он рылся в его бумагах. А потом поехал не куда-нибудь, а к Родригесу. Зачем? Соскучился? Или ему стал нужен взломщик? Все сходится. Я даже удивляюсь, что он так медлит.

Шон Прайс прошелся по комнате, остановился у окна, глядя в просвет между занавесками.

— Нет, — наконец, сказал он. — Он не нападет на банк. Это слишком сложно.

— Нападет, — сказал Орлов. — Потому что он не знает, насколько это сложно.

— У него никаких шансов.

— Этого он тоже не знает. Он знает только одно — там лежат деньги.

— Сколько?

— Достаточно, чтобы забыть об осторожности.

Шон Прайс круто развернулся на каблуках и направился к выходу.

— Придется идти к маршалу. Почему ты раньше мне ничего не говорил?

— Потому что не думал об этом. Я кинулся в погоню за обычными убийцами. Не было времени думать.

— Плохо, — сказал рейнджер, начищая уголок шейного платка свой значок. — Очень плохо, что ты так медленно думаешь.

* * *

Шон Прайс служил в роте «А», которая базировалась в Сан-Антонио и контролировала центральные районы Техаса. Другие зоны штата были поделены между остальными четырьмя ротами, и та, что отвечала за Эль-Пасо, имела штаб-квартиру в Мидленде. Прайс мог бы отправиться туда, если б ему была нужна поддержка. Больше того, он обязан был это сделать, потому что находился не на своей «ферме», как выражаются рейнджеры. Но он подумал: «А что я скажу парням? Что к ним удрал подонок, которого я не смог схватить у себя? Вот они повеселятся-то!». И вместо того, чтобы ехать в Мидленд, он отправился к местному маршалу. Правда, этот визит тоже потребовал от рейнджера значительных усилий, чтобы усмирить гордыню. Дело в том, что маршалом в Эль-Пасо был Даллас Стауденмайр, бывший рейнджер, который обладал на редкость отвратительным характером.

Впрочем, Прайс догадывался, что и его самого мало кто считает образцом тактичности и хороших манер. А что касается дела, то здесь к Стауденмайру никто не мог бы придаться. До него Эль-Пасо считался раем для преступников. Ни один местный маршал не продержался на своем посту больше двух месяцев. Возможно, причина была как раз в том, что все они были местными, и рано или поздно сталкивались с необходимостью накинуть узду Закона на кого-нибудь из собственной родни, или прижать кого-то из богачей. Кому охота портить себе будущее и наживать врагов?

А Даллас Стауденмайр был пришлым. Он приехал в Эль-Пасо с другого конца Техаса, чтобы найти работу в городе, где его никто не знал. Под два метра ростом, молчаливый и суровый, он понравился Совету Старейшин. Отцы города назначили его маршалом. И уже на третий день службы Даллас стал знаменитым.

Группа заключенных, бежавших из мексиканской тюрьмы, перешла границу недалеко от города. Преследовавший их отряд мексиканской полиции был обстрелян местными жителями, и, понеся потери, отступил. Местными жителями командовали крутые ребята — Кэмпбелл и Хэйс. Неизвестно, были ли они причастны к побегу. Впрочем, об этом пусть ломают голову мексиканцы. Но пока у них были другие заботы — полицейские прислали делегацию, чтобы забрать тела. Констебль, выступавший посредником и переводчиком, чем-то не понравился Кэмпбеллу, и тот затеял с ним ссору. А Хэйс вдруг выхватил револьвер и застрелил констебля.

Все на миг оцепенели. Но тут на сцене появился Стауденмайр. Без лишних вопросов он уложил Хэйса. Затем — Кэмпбелла, когда тот наклонился за упавшим револьвером. Вся их команда тут же побросала оружие. Переговоры завершились успешно, если не считать, что на местном кладбище появились три свежих могилы.

Узнав о гибели Кэмпбелла, отцы города тут же назначили новому маршалу неслыханное по тем временам жалование в сто долларов. А также торжественно вручили позолоченную трость. Дело в том, что эта парочка давно уже досаждала всему городу. Пьяницы и задиры, они даже какое-то время сами послужили маршалами, используя служебное положение, чтобы устранить конкурентов по салунно-картежному бизнесу. Вокруг них постоянно крутились какие-то темные личности, и все догадывались, что Кэмпбелл скоро станет некоронованным королем городской преступности. Так что новый маршал начал весьма и весьма успешно.

Однако не все были рады успехам Стауденмайра. Братья Мэннинг, которым принадлежали несколько лучших городских кабаков, были дружны с покойным Кэмпбеллом. И не просто дружны. Он служил им. Мэннингов подозревали в скупке краденого; ходили слухи, что у них есть ранчо, на котором держат угнанный скот; поговаривали, что все их конкуренты умирают одинаковой смертью — наравшись на пулю, выпущенную из засады. Но предъявить обвинение этим благородным джентльменам никто не мог.

Лишившись Кэмпбелла, братья Мэннинг поняли, что такой новый маршал им не нужен. И уже на следующий день наняли киллера. Тот подстерег Стауденмайра на ночной улице и выстрелил в спину. Точнее сказать, он поднял ружье, прицелился и спустил курок — причем, скорее всего, на спусковой крючок он нажимал, уже будучи мертвым. Потому что Даллас выстрелил первым. Когда тело киллера-неудачника осмотрел доктор, с его медицинскими выводами был немедленно ознакомлен весь Эль-Пасо. Новый маршал засадил в противника девять пуль, стреляя с обеих рук. Каждая рана была смертельной. Ну, наверно, не считая выстрела, который оторвал бедняге детородный орган.

Так, всего за три первых дня службы Даллас Стауденмайр завоевал себе громкую славу. Всё, что он делал потом, только добавляло блеска к сиянию этой славы. Стреляя без разговоров, он стал очищать город от подонков всех мастей. Кроме того, он вывел заключенных из тюрьмы и отправил их ремонтировать городские улицы — за что ему были благодарны и заключенные, и жители Эль-Пасо, и, особенно, местные власти, у которых, как всегда, не хватало денег на починку тротуаров и установку новых фонарей. А еще он проявил себя как непреклонный и вьедливый сборщик налогов. Он обнаружил и прикрыл несколько опиумных салонов. А также перестрелял всех бродячих собак, чем вызвал негодование общественности — видимо, потому, что к бродячим он относил и тех псов, чьи хозяева отказались платить «собачий» налог — два доллара в год.

Новости об успехах нового маршала Эль-Пасо докатились до его бывших товарищей-рейнджеров. Они поначалу радовались тому, что обзавелись надежным союзником. Но всё оказалось не так-то просто. Стауденмайр посчитал, что кое-кто из рейнджеров мидлендской роты слишком часто навещается в гости к Мэннингам, слишком долго засиживается в их кабаках. Кроме того, рейнджеры слишком часто пользуются услугами девушек бесплатно, не говоря уже о дармовой выпивке. Новый маршал сам явился в штаб-квартиру и довольно резко поговорил с командиром рейнджеров. Тот ответил не менее резко. До перестрелки, правда, не дошло, но с тех пор между Стауденмайром и рейнджерами выросла невидимая, но непреодолимая стена. С того времени Шон Прайс больше ничего не слышал о нем, ни хорошего, ни плохого, и обращаться к нему за помощью совершенно не хотел.

Но он и не ждал никакой помощи. Достаточно было бы просто кое-что разузнать.

Однако, добравшись до офиса маршала, он понял, что зря сюда пришел. Его встретил коренастый блондин с голубыми глазами и приветливой улыбкой.

— Я Уильям Миллс. Много слышал о тебе, Шон. Рад встрече.

«Интересно, где ты мог обо мне слышать», — хотел спросить Прайс, но сдержался. Он тоже много слышал о Миллсе. Фамилия была известная. Эта семья была одной из первых,

что поселились на берегу Рио-Гранде, когда еще тут правили мексиканцы. Уильям был сыном крупного землевладельца. По-видимому, тем самым сыном, которого старый Миллс отправил учиться на юриста в какой-то далекий университет, а парень записался на трехмесячные курсы, получил диплом «помощника судьи», да и вернулся в Техас. «Что ж, по крайней мере, теперь закон в Эль-Пасо находится под защитой человека, который имеет представление о законе», — подумал Прайс.

— Я тут оказался из-за Джерико, — он с ходу перешел к делу. — Гонюсь за ним от Сан-Антонио.

— Он пытается удрать за границу? — сразу посерьезнел Миллс.

— Если бы так, я бы к тебе не пришел. Не стал бы отнимать твое время. Нет, Джерико что-то затеял. У него свой интерес в Эль-Пасо. Поройся в памяти, Билл. Может, вспомнишь, есть у него тут связи?

— Могу сказать абсолютно точно. Никаких связей. Насколько мне известно, его берлога — в Оклахоме. Последний раз он упоминался в связи с ограблением где-то в Арканзасе. А перед этим — в Миссури, не так ли? Об этом писали в газетах.

— Не читаю газет, — сказал Прайс. — Разве что когда отрываю от них кусок для самокрутки. Слушай, Билл, а куда перевелся Даллас? Он еще застал время, когда тут подонки вроде Джерико ходили в полный рост. Может, он бы мне чего подсказал?

— Даллас? — Миллс потер подбородок и хмыкнул. — Ну, Шон, зря ты не читаешь газет. Далласа здесь больше нет.

— Где он?

— Жена увезла его куда-то на другой край Техаса. Кажется, в Коламбус. Да, точно, его похоронили в Коламбусе.

Прайс нахлобучил шляпу.

— Ну, тогда мне уже никто не поможет. Счастливо оставаться, Билл. Приятно было познакомиться.

— Мне тоже, Шон. Заглядывай почаще. Мои люди охотно тебе помогут.

Прайс оглянулся, стоя на пороге:

— Да, Билл, совсем забыл спросить. Кто убил Далласа?

— Почему ты думаешь, что его убили? Разве он не мог умереть от простуды? — спросил Миллс.

— Не мог. Так кто был тот парень?

— А ты сам как думаешь?

Шон Прайс не любил лишних разговоров. Но почему-то сейчас он не мог уйти просто так, не сказав ни слова о погибшем рейнджере. Да, о бывшем рейнджере, с которым они никогда не дружили и даже не встречались. Но он сказал:

— Даллас был неплохим стрелком. Он пять лет отвоевал в армии конфедератов, а это много говорит о человеке. Не дезертировал. Вынес все поражения до последнего боя — и сдался последним. Он записался в рейнджеры одновременно со мной. Мы с ним даже полгода числились в одной роте. Но не встретились. Он не имел друзей, и все же дожил почти до сорока лет. Значит, умел сам за себя постоять. Стрелял с обеих рук. Не мазал даже в темноте. Нет, его мог завалить либо очень крутой парень, либо кто-то из своих, выстрелом в спину. Я прав?

— А что, ты тоже воевал за южан?

— Нет. Потомакская армия, — сухо сказал Прайс. — Бригада полковника Бердана.

— А в нашей семье получилось «пятьдесят на пятьдесят», — все так же приветливо улыбаясь, сообщил Миллс. — Старший брат отца воевал под знаменами Союза, а младший — за Конфедерацию. А сам отец остался на ранчо, потому что воевать — не его профессия...

— Ты не ответил, — напомнил ему Прайс. — Кто убил Далласа?

— Местный житель. Строго говоря, их было двое.

— Еще бы, — кивнул Прайс. — С одним-то Стауденмайр справился бы. Кто они?

— Не киллеры, не ковбои и вообще не преступники, — Миллс помотал головой. —

Уважаемые люди. Из очень приличной семьи.

— Мэннинги? — спросил Прайс.

— Да. У Стауденмайра были очень плохие отношения с ними. Он все время подозревал, что они готовят заговор против него. Сказать по правде, в последнее время Даллас был неуправляем. Он слишком много пил. Особенно после того, как Джим Мэннинг застрелил его единственного друга, Сэма Камингса. То есть после того, как Джима оправдали. В общем, Даллас постоянно был пьяным. И всё твердил, что его хотят убить. Это была алкогольная мания преследования. Кто мог бы покушаться на него? В городе не осталось ни одного стрелка. За два года Даллас очистил Эль-Пасо от негодяев. Наверно, ему уже не в кого было стрелять, вот он и стал понемногу сходить с ума. Общественность настаивала, чтобы он помирился с Мэннингами. В сентябре они встретились в салуне Дока Мэннинга, чтобы заключить мир. И сначала все шло хорошо. Но вдруг началась драка, послышалась стрельба. Итог: двое братьев ранены, Даллас убит. Их оправдали. А я занял место Далласа. Вот так, — Миллс налил себе воды из розового графина. — Малоприятная история, как видишь.

— Всё ясно, — сказал Прайс, открывая дверь, чтобы уйти. — Даллас очистил город от негодяев. И в итоге стал последним негодяем, от которого город избавился сам.

* * *

Прайс вернулся злым и молчаливым. Быстро собрался и отправился в конюшню.

— Я поеду осматривать западную сторону каньона. За тобой — восточная, — бросил он.

Рейнджер ушел. Стоя у окна, капитан Орлов видел, как тот, сидя на белом жеребце, вел за собой вороную кобылу, и несколько фляг с водой тяжело покачивались под ее седлом. «Уходит надолго», — подумал он. «Вернется дня через три. Когда все уже будет кончено».

Площадь перед банком была пуста. Ему пришлось провести у окна весь остаток дня, и к вечеру капитан увидел, наконец, то, чего так долго ждал.

Через площадь медленно прокатился фургон с белым выгоревшим тентом, запряженный четверкой. Он свернул в боковую улочку. Через несколько минут его белый тент мелькнул в просвете другой улицы, и стало ясно, что фургон объехал вокруг банка.

Капитан Орлов насторожился. «Началось», — подумал он. И не ошибся.

Эти четверо появились одновременно, однако держались порознь. Огромный негр пристроился в тени соседнего отеля, плешивый коротышка сидел на другом углу площади, двое других прогуливались вдоль задней стены банка — их силуэты показывались то с одной его стороны, то с другой.

Как раз в это время в банке закончился рабочий день. Управляющий уехал в пролетке, запряженной парой холеных лошадей. Стоя у своего окна, капитан Орлов видел, как внутрь банка зашел охранник с дробовиком, и двери тяжело захлопнулись за ним. Начальник охраны запер входные замки, а потом пошел вокруг банка, сопровождаемый патрулем из двоих бойцов с винчестерами наперевес.

Капитан поднес к глазам свою подзорную трубу и отыскал плешивого. Тот внимательно следил за движением патруля, и губы его шевелились. Орлов, к сожалению, не умел читать по губам, но сейчас ему было ясно, что коротышка не молится и не шепчет любимое стихотворение — его губы перестали шевелиться как раз в тот момент, когда патруль свернул за угол банка.

Капитан поймал в кружок трубы лицо негра, изуродованное лиловым зигзагом шрама. Тот тоже наблюдал за патрульными, и начал отсчитывать их шаги, как только охранники зашагали вдоль западной стены банка.

Итак, подготовка к ограблению началась с расчетов. Четверка бандитов засекает время, за которое патруль описывает полный свой путь вокруг банка. Это очень важные сведения. И за один день они не могут выяснить всё.

Прежде всего Джерико надо будет узнать, за какое время на помощь к охране банка сможет подтянуться местная полиция. Еще один день нужен, чтобы скрытно разместить в городе всех участников налета, а их будет немало. Получается по меньшей мере три дня.

За три дня можно хорошо подготовиться. Капитан тоже успеет измерить все необходимые дистанции и углы. Всё могло бы разрешиться гораздо проще, если бы главарь бандитов сам прибыл на разведку. Но он слишком осторожен. Впрочем, капитан и не рассчитывал, что Джерико появится здесь во время подготовки ограбления. Главное, не упустить его, когда они начнут налет. Он обязательно будет здесь, у стен банка. «Здесь он и останется», — добавил капитан.

Он не рассчитывал на помощь местной полиции. У той своих забот хватает. Город наводнен проститутками и картежниками, и за всеми надо присматривать. Надо вовремя собрать с них дань, надо пресечь скандалы, а кое-кого надо и прижать, а то и выкинуть из города. В общем, забот полон рот, а тут какой-то рейнджер со своим Джерико...

Орлов усмехнулся, вспомнив, с каким окаменевшим лицом Прайс вернулся от маршала. Странно. Судя по всему, рейнджер далеко не первогодок. Так неужели он еще питает какие-то иллюзии?

Шериф, избранный фермерами где-нибудь в глуши — это одно, а полисмен большого города — совсем другое. В большом городе полицейские служат не жителям, а власти. Они уже не защитники слабых, нет! Они — цепные псы начальства и молчаливые покровители дорогих притонов. Вынужденный часто общаться с так называемой элитой, капитан достаточно подробно знал, кого, как и зачем выбирают в шерифы и маршалы.

Он знал, что многие полицейские выдвигаются и назначаются как раз теми достопочтенными господами, которых и призвана обезвреживать полиция.

Он знал судей, которые не могли писать без ошибок и в жизни своей не видели учебника римского права.

И еще он знал, что никогда и нигде в Америке не был отправлен на виселицу преступник, имевший хотя бы одного знакомого среди политиков и миллионеров. Вешают только нищих и незащитных.

Цивилизованное общество ужаснется, если вору отрубить руку. Ужаснется, однако негласно оправдает столь жестокую меру. Но попробуйте отрубить хотя бы мизинец скупщику краденого! В таком случае вам пришлось бы оттяпать пальцы у доброй половины цивилизованного общества.

Земли, приобретенные за бесценок — украдены. Хлопок, выращенный рабами — украден. Все это понимают, но все слишком глубоко в этом увязли, и остается только хранить приличное молчание. А борьба благородного шерифа против отъявленного негодяя — это всего лишь сюжет для газетчиков, которым платят ворованными деньгами за каждую строчку.

Нет, в схватке с бандитами капитан Орлов мог рассчитывать только на себя. Даже рейнджер, случайно ставший его союзником, не мог считаться полноценным резервом. Кто знает, как изменятся его планы? Вроде бы только что он собирался вместе с Орловым поджидать Джерико у стен банка. Однако почему-то передумал и отправился на бессмысленные поиски.

«Я бы тоже мог проехаться по этим мертвым деревьям, — подумал Орлов. — Вполне возможно, что где-то там спрячутся те, кто увез ротмистра. Но даже если я найду их — что дальше? Ситуация изменилась. Раз уж не настиг в дороге — придумай что-нибудь другое. Эх, если бы знать, зачем они его увезли. Может быть, уже давно убили, как ненужного свидетеля? Вряд ли. Они могли это сделать там же, на насыпи, где прикончили помощника шерифа. Нет, Бурко им нужен. Но для чего?»

Весь следующий день капитан скрашивал томительные часы ожидания тем, что готовил патроны. Он не знал, понадобятся ли они ему сегодня или завтра, но это занятие заставляло его сохранять спокойствие. Расставив на столе весы и коробочки с реактивами, он уже не мог ежеминутно подходить к окну и глядеть на площадь.

По всем расчетам выходило, что в ближайшие два дня Джерико может напасть на банк. Знакомый пустой фургон с белой провисающей крышей, запряженный четверкой, совершил свой привычный объезд площади вокруг банка. Но сегодня уже никто не следил за охранниками, и капитан счел это важным знаком.

Он решил снарядить «ремингтон», который использовал только в особых случаях. К этому револьверу у него было два сменных шестизарядных барабана, и капитан приготовил двенадцать пуль. Порох, составленный по собственному рецепту, был смешан заранее, с небольшим запасом — лучше сделать пару зарядов слишком сильными, чем слишком слабыми. Тщательно выверяя на аптекарских весах объем пороха, капитан засыпал его в шесть камер первого барабана. Комочки шерсти, слегка смоченные маслом, придавили порох в камерах. Теперь настала очередь пуль. Специальным рычагом капитан запрессовал их в камеры, и поверх каждой залил густое масло, запечатав барабан. Теперь заряды защищены от влаги и пыли. Костяной лопаточкой он соскоблил излишки масла с торца барабана, а потом вставил его в револьвер. Ему оставалось только установить капсюли в углубления на задней части барабана, но это он успеет сделать перед стрельбой.

Старинная система, которой придерживался капитан, была им дополнена. Новый порох был мощнее обычного. Именно поэтому капитан применял его только на таком крепком оружии, как «ремингтон». Он не знал, выдержит ли его «кольт» все эти новшества, и не хотел рисковать старым другом.

Закончив с патронами, капитан аккуратно сложил весы и реактивы в шкатулку и прошелся по номеру из угла в угол.

Четыре револьвера лежали на столе, готовые к делу. Каждый был хорош по-своему. Короткоствольный легкий «веблей» незаменим в ближнем бою. «Ремингтон» способен выбить удирающего всадника из седла на такой дистанции, когда противник уже чувствует себя в безопасности. А «кольт» и «смит-вессон» бьют с такой силой, что даже попадание в мизинец отбивает у врага желание продолжать схватку.

Он уже присмотрел на площади место, где должен будет находиться во время налета. В своих расчетах он исходил из того, что бандиты не вздумают уходить в сторону центра города. Они рванутся в одну из улочек, ведущих к садам на окраине, а оттуда — прямая дорога к холмам и оврагам пустыни. И здесь на узкой улице, капитан их встретит огнем. Придется стрелять очень быстро и точно, чтобы не дать им время для маневра. «Эх, мне бы еще одного стрелка...» — вздохнул капитан, оглядывая свой арсенал.

Но он мог рассчитывать только на себя.

10

Жить в мертвом городе так же приятно и весело, как жить на кладбище. К тому же питаться приходилось одним вяленным мясом, да пресными лепешками, которые пек Уолли. Даже костры Джерико не разрешал разводить где попало, и чтобы сварить себе кофе, приходилось всем тесниться вокруг очага, который Уолли устроил в церквушке. После нескольких дней такой жизни бандиты начали роптать. Им надоело ждать каких-то новых подкреплений. Конечно, чем крупнее отряд, тем больше он сможет увезти из банка. Но ведь и делиться придется со всеми...

Джерико и сам понимал, что пора приступать к действиям, иначе шайка его может многих недосчитаться в самый ответственный момент. Но пока у него не было самого главного — динамита. Взрывчатку должен был раздобыть Пескарь, а Пескарь куда-то пропал. Правда, Кривой привез с собой пол-ящика, однако Джерико казалось, что этого будет мало. Кроме того, не нравилось ему, что этот динамит привез Кривой. Тот и так все время высовывался. На словах-то он признавал, что Джерико здесь главный, но все время придумывал своим парням какое-нибудь новое занятие, чтобы напомнить и о своем положении. Не годится он в помощники, слишком гордый. И Джерико снова и снова остро ощущал, как ему не хватает сейчас старого Пабло.

Наверно, он нечаянно помолился об этом во сне, когда задремал после обеда, потому что внезапно его разбудил свист наблюдателя, и Хью крикнул с колокольни:

— К нам гости! Это Пабло! Вон он, скачет сюда во весь опор!

Пабло Гомес соскочил с коня и подбежал к Джерику, и тот широко распахнул объятия навстречу старому другу, словно они не виделись сто лет.

— Пабло! Как дела?

— Все отлично.

Кривой спросил, с презрительной улыбкой наблюдая за тем, как они радостно похлопывают друг друга по плечам:

— Ну что, ты выследил транспорт?

— Это не так легко, амиго. А вот вас, ребята, выследить гораздо легче. Я удивляюсь, что вы еще не навели на нашу берлогу ищеек.

— Что? — Кривой схватился за кобуру.

— Ваши кони натоптали дорогу сюда, ее только слепой не увидит. Если вам так часто приходится ездить в город, могли бы хотя бы возвращаться разными путями. И не всей толпой, а по одному.

— Нет там никаких следов! — сказал Кривой, но руку с кобуры убрал. — Это тебе с жары померещилось.

— А еще мне померещилось, что воняет дымом и дерьмом, как будто здесь свинарник, — кивнул Пабло. — Да шериф давно нашел бы вас по запаху.

Джерико живо отыскал глазами Индуса, и тот мгновенно вскочил на своего коня и вылетел со двора.

Пабло Гомеса можно было упрекнуть во многом. Например, он был трусоват и ленив, и поэтому часто отговаривал своего главаря от многих задуманных планов. Но зато Джерико был уверен — уж если Пабло согласился на какое-то дело, то это дело обязательно выгорит, и с хорошим наваром. В награбленном барахле Пабло разбирался лучше всех, даже лучше Индуса. Тот, бывало, вертит перед носом какую-то сверкающую бирюльку, слюни пускает, а Пабло глянет — и в мусор ее: стекляшка дутая. Что же до лошадей, то и здесь Пабло Гомеса не мог бы надуть ни один барышник. И самое главное — Пабло обладал удивительным чутьем на опасность.

Индус вернулся через минуту и доложил:

— Следов не так уж и много. Но лучше бы их замести. И запах тоже чувствуется.

— Засиделись мы тут, — заметил Канисеро.

— Да, пора браться за дело, — прогудел Уолли.

— Пора, — согласился Джерико. — Канисеро, Индус! Сделайте что-нибудь со следами. Пабло! Отдохни, перекуси, Уолли тебя покормит.

Они присели у очага. Пабло с жадностью набросился на похлебку, но Джерико его остановил:

— Ты ничего не рассказал. Я жду.

— Что же мне — болтать при чужих? — Пабло впился зубами в свежую лепешку. — До чего мне надоели сухари... Ну, что я могу рассказать? Пескарь ждал нас у старшего Родригеса. Дилижанс он подогнал больно приметный — с почтовыми знаками. Мы на нем домчались до Пекоса, да и бросили на берегу. До деревни добрались спокойно, встретили нас хорошо. Вот и всё.

— Англичанин открыл чемодан?

— Чемодан-то он открыл. Но... — Пабло замялся. — Там оказались только письма.

Джерико нахмурился.

— Письма?

— Одни бумажки! Клянусь могилой матери, ни доллара!

Джерико отмахнулся:

— Плевать! Я и раньше знал, что в чемодане ничего ценного. Мне надо было проверить Англичанина.

Пабло не удержался от вздоха облегчения.

— Мы заперли его в подвале. А как у вас тут дела? Я не вижу Пескаря.

— Его еще нет.

— Мог бы уже вернуться, — недовольно пробурчал Пабло, поднес ложку ко рту и вопросительно глянул на Джерико.

— Ешь, ешь. Набирайся сил.

Он круто повернулся и пошел внутрь часовни, на свою постель. Нетерпение просто выжигало его изнутри, но он спокойно повалился в овчину и застыл, глядя в сводчатый потолок. Англичанин справился с чемоданом. Значит, справится и с сейфом. Джерико не ошибся в нем. Он с первого взгляда понял, что это парень может быть полезным.

С первого взгляда? Нет, скорее, с первого слова. Как только Англичанин открыл рот, стало ясно, что он из той самой породы, какая нужна для дела. Семья Гривсов жила в Нью-Йорке, пока не подалась на Запад. И восточный говор значил для Джерико очень много. Тот, кто говорит так же, как его отец, не способен обмануть. Он способен на любую работу, если за нее платят. Способен на убийство, если оно необходимо для работы. И значит, способен стать настоящим компаньоном. В общем, тот, кто говорил по-восточному, был весьма ценным приобретением для Джерико. Жаль только, что такие люди почти никогда не встречались ему.

Он снова подумал, что пора избавляться от тех, кто его окружает. Скоро, скоро в его жизни наступят перемены. И тогда он скажет им «прощай». Прощай, тупица Уолли. Прощай, хитрюга Индус. Прощай, Пабло...

Забавно — Пабло явно боялся сообщить, что в чемодане не оказалось денег. Дурак. Что значит лишняя пара сотен по сравнению с миллионом, который предстоит достать Англичанину!

Тишина окутала двор, слышно было только как скребет ложка по оловянной миске («Пабло, — улыбнулся Джерико, — отошал в дороге») да скрипит пустая рама в проеме окна, качаясь под легким ветром.

Он незаметно задремал, и Индус осторожно потряс его за плечо:

— Джерико... Что-то не то у нас делается...

— Что? — он приподнялся на локте, кулаком протирая глаза. — Ты о чем?

— Да я о следах... Мы все сделали, как ты сказал. Заровняли, присыпали пылью, все чисто. Только вот... Канисеро нашел чужой след. Чужая лошадь.

— Где?

— На самом краю деревни. Стояла за первым домом.

— Почему ты решил, что чужая?

— Помет с овсом, — коротко сказал Индус. Ему не надо было напоминать Джерико, что их лошади давно не видели овса. — Откуда пришла, не видно. Куда ушла, тоже не видно. Но помет остался.

— Может, это Пабло наследил?

— Да нет, — Индус помотал головой. — Эта лошадь была здесь вчера. Или сегодня ночью.

— Кто дежурил ночью?

— Люди Кривого.

— Да, эти могли проспать.

Джерико потер лоб. Индус сидел на корточках рядом с его постелью, у ног хозяина, как верный пес.

— Думаешь, у нас был гость?

— Не знаю, не знаю...

— Ладно, не тяни, — раздраженно одернул его Джерико. Он терпеть не мог, когда кто-то пытался скрыть от него разные неприятные новости.

— Сам посуди, — Индус начал оправдываться, словно был в чем-то виноват: — Может быть, я понапрасну паникую. Но след чужой, это точно. Кто-то у нас был. Ночью он мог

подобраться к нам, понаблюдать, а потом незаметно уйти. Но ведь могло получиться и по-другому. Вот я и подумал, а вдруг он не успел смыться? Он же мог и остаться где-то рядом, потому что утром ему уже некуда было деваться, мы бы его увидели.

В рассуждениях Индуса сквозил страх. Если кто-то пронюхал, что в одном месте одновременно собрались полтора десятка джентльменов, находящихся в розыске, то на встречу с этими джентльменами могут отправить кавалерийский эскадрон из ближайшего форта. А Индус страшно не любил всякие скачки со стрельбой.

Джерико тоже испугался. Но он испугался не кавалерии. Это был секундный приступ страха, который тут же перешел в гнев. Где-то рядом — враг.

— Ладно, хватит болтать, — оборвал он растерянное бормотание Индуса. — Не болтать надо, а за дело браться.

— Давай поднимем людей Кривого, — с готовностью предложил Индус. — Пусть обшарят все закоулки. Они его проспали, пускай они и исправляются.

— Правильно, — сказал Джерико. — Я и сам так думал. Давай, позови ко мне Кривого, только без шума. И смотри, не назови его «Кривым» случайно. Сам знаешь, он такое не прощает.

Когда надо, Кривой мог стать послушным. Вот и сейчас он выслушал Джерико и, вместо того, чтобы спорить и защищать своих оболтусов, сказал только:

— А если он не один?

— Один, один, — уверенно сказал Индус. — Двоим тут негде спрятаться.

— В деревне и одному не спрятаться, если с лошастью.

— А он не в деревне, — догадался Джерико. — А ну, пошли наверх.

По винтовой лестнице без перил, цепляясь за стенку, они забрались на верхнюю площадку колокольни. Оттуда хорошо была видна беспорядочная россыпь белых домиков с провалившимися крышами и стенами, увитыми бурым плющом. Была видна дорога, петляющая между невысокими холмами. Джерико указал пальцем на вершущку одного из холмов.

— Там он. Видите? На всех холмах вершущки голые, а на этом — кусты. Вот он за этими кустами и прячется.

— На соседнем холме тоже кусты, — недоверчиво протянул Кривой. — И вон там тоже.

— Какие же там кусты? — Джерико отмахнулся. — Кустики, жалкие травинки, а не кусты. В таких и воробей не спрячется. Там он, там, я просто чувствую, что он там. Хью, ну-ка присмотришь, видишь что-нибудь?

— Вроде, ничего... — длинноносый Хью приложил обе ладони к бровям, всматриваясь в знойное марево.

— Спрятался так, что и не увидишь, — заключил Джерико. — Спит, наверно. Ну, мы его будить не станем, сначала свяжем. Брат, поднимай людей, только тихо. Зайдешь со своими со стороны дороги. А я его обойду.

— Зря мы торопимся, — проговорил Кривой, не сводя глаз с далекого холма. — Зря. Никуда он не денется. Если он там. Лучше последить бы за ним повнимательнее. А может, и нет никого?

— Индус! — сказал Джерико. — Ну-ка, принеси сюда это конское дерьмо, и пусть кто-нибудь расскажет нам, откуда оно появилось!

— Ладно, пошли, — нехотя сказал Кривой и первым осторожно двинулся вниз по лестнице.

Когда бандиты выехали из деревни и разделились на две группы, Кривой огляделся и спросил:

— А где Пабло? Где Уолли?

— Справимся без них, — сказал Джерико, удерживая свою разыгравшуюся кобылу. — Давай, как договорились. Окружай этот холм со стороны дороги, а я его отрежу. Если он начнет удирать, наскочит на меня.

— А если не начнет, что тогда? — оскалился Кривой, спрашивая как бы в шутку, и его бандиты засмеялись.

Но Джерико понял, что это не шутка, а насмешка, и нахмурился. Не отвечая, он поднял кобылу на дыбы и прищпорил ей бока. Лошадь обиженно заржала и помчалась, перемахнув через остатки каменной изгороди, и несколько человек отправились за Джерико.

Кобыла ему досталась молодая, глупая, но выносливая и неприхотливая. Сейчас она легко несла Джерико по степи, и серая трава под ногами сливалась в сплошную бегущую ленту. Он поднял голову и огляделся. За его спиной трусили по степи Хью, Индус и Канисеро. Уолли остался с Пабло в часовне. В таких делах от них было мало проку. Джерико и сам охотно остался бы. Он не хотел рисковать. Он чувствовал, что скоро придет конец этой беспутной жизни, скоро все будет по-другому, скоро он будет жить не в развалинах, а в настоящем дворце... осталось только вынуть деньги из сейфа. Но пока у него не было денег, не было и сейфа, а были только одни враги вокруг, и даже от друзей можно получить пулю. Так что лучше бы не рисковать.

Лучше не рисковать. Он и Кривого отправил туда, где было больше риска нарваться на выстрел. Если за ними кто-то следит из этого кустарника на холме, ему не уйти от банды, которая кольцом охватывает холм. Значит, он будет стрелять, а не убегать. Джерико останется только подождать, пока закончится перестрелка.

Он придержал лошадь, спутники нагнали его и встали в клубах поднятой пыли.

— Подождем здесь, — сказал Джерико. — Сейчас будет потеха.

— Что-то не видно там никого, — сказал Хью, вглядываясь в склон холма. — Человек еще может спрятаться, но куда он дел коня? А вон там другое дело... Вон, посмотри на соседний холм, видишь? Ну, поближе к нам, тот, про который Кривой говорил, что там тоже кусты? Видишь? С этой-то стороны там и вправду не кусты, а целая роща...

— Да вижу, вижу, — недовольно бросил Джерико.

Он уже понял свою оплошность. Кривой со своим десятком головорезов окружал пустое место. А Джерико с тремя спутниками оказался как раз в самом опасном пространстве.

Южный склон холма был густо усеян аккуратными с виду нежно-зелеными деревьями с округлыми приплюснутыми кронами и причудливо изогнутыми ветвями. До этой рощицы акаций, незаметной с колокольни, было шагов сто, и прикинув расстояние, Джерико почувствовал себя довольно неуютно. Они маячили здесь на виду. А невидимый враг скрывался за густыми ветками и мог спокойно расстрелять их сейчас из винтовки.

— Канисеро, посмотри, что в этой рощице, — небрежно произнес Джерико, словно воды попросил.

— Отсюда не видно.

— А ты поближе подберись.

— Плохо, что ветер от нас, — заметил Канисеро, не трогаясь с места. — Так бы я по запаху тебе сказал, есть там кто или нет.

И вдруг со стороны рощи послышалось ржание коня. Короткое, оборвавшееся, но совершенно отчетливое. Джерико выхватил кольт и спрятался за шею кобылы, которая вдруг тоже заржала, отвечая чужому жеребцу.

Через пару секунд сквозь густую сеть акаций метнулась длинная тень. С хрустом и треском из рощи вылетел серый конь. Всадник в длинном плаще лежал на нем, прильнув к вытянутой конской шее, чтобы ветки не сорвали его на землю.

Конь стремительно несся вниз по склону, забирая вправо. Полы длинного плаща развевались и хлопали, как крылья перепуганной курицы.

— Уйдет! — выкрикнул Хью.

— Не уйдет, там Кривой. Давайте за ним! — приказал Джерико.

Всадник в плаще скрылся за холмом, но сразу же показался снова и погнал коня в другую сторону, а из-за холма послышался дикий свист, потом хлопнул выстрел, после чего оттуда вылетели бандиты Кривого, стреляя на полном скаку.

— Всё, не уйдет! — крикнул Индус. — В кольцо его, в кольцо!

Они рассыпались в стороны, чтобы перехватить беглеца, куда бы он ни направился. А тот почему-то сбавил ход. Конь под ним захромал все заметнее, и вдруг остановился.

Беглец спрыгнул на песок. В следующий миг у коня надломились передние ноги, и он рухнул набок, а до Джерико донесся приглушенный хлопок — звук выстрела в упор.

«Смелый парень, — подумал Джерико. — Напрасно он выскочил из рощи. Наверно, он думал, что нас только четверо. Мог бы расстрелять. Пожалел нас, дурак. Застрелил коня, теперь у него есть укрытие. Надо бы и нам залечь. Вон у той кочки. На что он надеется? Мы же все равно его не выпустим. Может, где-то рядом прячутся его люди?»

Человек в длинном плаще упал за тушу коня, и Джерико заметил винтовочный ствол, который вытянулся в его сторону. Над стволом взвилось облачко дыма, и кобыла под Джерико вдруг дернулась, засеменила, вильнула в сторону. Он едва успел выдернуть ноги из стремян, как она свалилась, беспомощно мотая головой. Он упал рядом, прячась за ней, и горячая струя хлестала ему в бок из пробитой груди кобылы.

Джерико слышал, как с разных сторон гремели выстрелы, как свистели и кричали бандиты. Когда выстрелы смолкли, он поднял голову и отполз от затихшей кобылы.

— Джерико, что с тобой? — закричал Индус, подбежав к нему и помогая подняться. — Ты куда ранен?

— Ерунда, — сказал Джерико, отталкивая его.

— Можешь идти? Черт побери, я в жизни не видел, чтобы человек был в крови с головы до ног и мог сам идти!

Подскакал Кривой, он отчаянно ругался на ходу:

— Вот подонок, как он нас надул!

— Взяли его? — спросил Джерико, стаскивая окровавленную рубаху.

— Такого подонка не возьмешь! Убил Фриско, Пузатого, а потом, откуда ни возмись, появился еще один подонок! Подогнал к нему новую лошадь, и они умчались! На свежих лошадях! Мы постреляли вдогонку, но они неслись быстрее пули!

Индус подвел к Джерико свою лошадь и помог забраться в седло. Джерико не стал в этот раз отталкивать его. То, что он не участвовал в бою, могло быть оправдано только ранением. И хотя у него не было ни царапины, Джерико все же морщился, садясь на лошадь, и не спешил вытирать кровь с лица и тела.

— Уходить надо отсюда, — прошептал Индус. — Оставим Кривого тут, а сами уйдем. Он заставит кавалерию погоняться за собой, а потом снова к нам присоединится.

«Он прав, — подумал Джерико. — И в том прав, что надо уходить. И в том, что Кривым надо прикрыться. И все-таки он всего лишь мой помощник. Понимать-то он все понимает. Но решать буду я».

Кривой сам выбрал свою судьбу тогда, когда согласился помогать банде Джерико. В нужное время его люди должны были напасть на почтовый дилижанс, в котором якобы перевозили крупную партию банковских билетов. Кривой еще не успеет нажать на курок, а в ближайшем полицейском участке уже будет поднята тревога — об этом позаботится Индус. Завязался бы хороший бой. Парни Кривого были как на подбор — на каждом по несколько убийств: сдать для них означало добровольно шагнуть к виселице. Так что пальба стояла бы отменная, до последнего патрона. И никто не помешал бы Джерико разобраться с неприметным банком на окраине Эль-Пасо...

Но теперь надо было действовать по-другому.

Переодевшись, Джерико приказал всем бандитам собраться в церковном дворе.

— Пабло, за тобой увязался хвост, но это не беда, — сказал он.

— Не было хвоста! — обиженно выкрикнул Пабло Гомес. — Не думал я, что ты так меня встретишь!

— Брат, разве я в чем-то тебя обвинил? Наоборот. Эти ищейки оказали нам бесценную услугу. А сейчас слушайте, что я скажу.

Он вышел на середину двора и положил руки на пояс с патронами. Медленным

взглядом обвел всех, и все замолчали.

— Мы долго ждали, — сказал Джерико. — И вот наше время пришло. Мы сейчас же отправляемся в Эль-Пасо.

— Что нам делать в Эль-Пасо? — недовольно спросил Кривой. — Там полицейские стоят на каждом углу!

Джерико повторил громче:

— Отправляемся в Эль-Пасо. Немедленно.

— Не нравится это мне, — сказал Кривой. После боя он стал наглее. — Мои парни остались лежать в поле. Разве они не заслужили быть похороненными по-человечески?

— Похороны — это развлечение для живых, — отрезал Джерико. — Твоим парням уже все равно. Они смотрят на нас с небес и злятся, что мы тут ерундой занимаемся. Если бы ты мог их слышать, то не заикался бы насчет похорон.

— Парням все равно, а мне — нет! — Кривой побледнел от злости. — Я не люблю, когда что-то непонятно. Может, завтра, в последний момент ты опять скажешь, что надо подождать еще день? А может, отправишь нас куда-нибудь подальше?

— Понимаю, вы устали ждать, — сказал Джерико, не глядя на Кривого и обращаясь ко всем остальным. — Но теперь наше время пришло. Ищейки выследили нас? Отлично! Им удалось удрать? Превосходно! Лучшего и желать нельзя! Они направят сюда кавалерию? А нам только этого и надо. Пусть они рыщут по пустым домам и нюхают наше свежее дерьмо. Пусть ищут наши следы. А мы налетим на город! Налетим внезапно, как молния. И возьмем свой миллион долларов.

— Сколько? — переспросил кто-то.

— Да, вам не послышалось! — Джерико торжествующе поднял кулаки над головой. — Миллион долларов!

Бандиты зашумели, кто-то присвистнул, кто-то ликующе подбросил шляпу в воздух.

— Ух ты! — даже хмурый Пабло не удержался от восторженного восклицания и присел, хлопнув себя по бедрам. — Так вот зачем ты набрал такую армию!

— Непобедимую армию! — добавил Джерико и обнял за плечо Кривого. — Брат, завтра каждый из нас получит свою награду!

11

Жеребец по кличке Ангел значил для Шона Прайса гораздо больше, чем всё прочее, что еще оставалось в жизни. Застрелив его, он не сомневался, что умрет лишь минут на пять позже, чем любимый конь. И когда вдруг осознал, что бой окончен, что он остался в живых, и что под ним вороная кобыла, а Ангел остался лежать за холмами — вот тут ему стало по-настоящему больно.

— Стой! — крикнул он напарнику и натянул повод, останавливая кобылу. — Подождем их! Вот хорошее место, чтобы расстрелять погоню!

Это место было ничем не лучше и не хуже других. Но он не мог удирать от тех, кого так ненавидел.

— Шон, мы же договорились! — Русский закружился на месте, сдерживая разгоряченную аппалузу. — Всё делаем тихо и незаметно! А ты устроил сражение.

— Сколько мы выбили?

— Я — одного. Может, еще кого-то ранил, но один — это точно.

— Я тоже, — Прайс лязгнул затвором винчестера. — Значит, они потеряли двоих. Осталось девять. Пол, всего-то девять негодяев! Давай подождем их — и всё решится уже сегодня!

— Ничего не решится. Они не погнались за нами. Мы им не нужны.

Шон Прайс в ярости закричал зубами.

— Черт! Как не повезло... Постой, но ты-то как здесь оказался?

— Увидел в враге твою кобылу. Потом услышал стрельбу.

— Ты же должен был...

— Обсудим все это позже. Нет времени на споры.

Рейнджер еще раз с надеждой оглянулся, осматривая холмы, оставшиеся за спиной. Но над голыми склонами кружилась только пара канюков, да бежала, подпрыгивая на песке, стайка перекати-поля... Ни поднятой пыли, ни топота копыт, ни свиста и выстрелов. Как будто отрезало. Как и не было ничего.

— Нет времени, — повторил напарник. — Нам надо спешить. Похоже, что завтра Джерико нападет на банк. А может, и сегодня.

— Джерико здесь! Я видел его! И, может быть, он ранен. Я попал в его лошадь. Он никуда не поедет сейчас. — Шон, понемногу остывая, загнал винчестер в седельный чехол. — Нет, он не поедет в город. Он слишком осторожен. Я его спугнул. Сейчас он будет думать только о том, что надо сменить укрытие. Знаешь, что мы сделаем? Я останусь следить за бандой. А ты отправишься в Сокорро, там база местных рейнджеров. Вернешься с отрядом. Мы обложим Джерико в его логове. А если он попытается ускользнуть, я за ним присмотрю. Следи за моими знаками.

Произнеся столь длинную речь, он жадно припал к фляге с водой.

Русский посмотрел на часы и, громко захлопнув крышку, вернул их в карман.

— Через час банк закроется. Еще через два часа начнет смеркаться. Если нападение состоится сегодня, то до него осталось три часа. Мы успеем занять позиции и встретить бандитов. И положить их там всех. На месте преступления. Без присяжных, без адвокатов, без судебных издержек.

Шон Прайс с трудом оторвался от фляги и завинтил крышку.

— Положить всех? Не думал, что хлеботорговцы так кровожадны. Тебе приходилось убивать?

— Сейчас мы говорим не обо мне, а о деле.

— О деле? Мое дело — ловить преступников. Ты можешь помочь мне. Можешь послать меня к черту. Но я буду работать так, как работал всегда. Ну что, ты едешь в Сокорро?

— Нет.

— Что ж, ты не обязан мне помогать, — сказал Шон Прайс. — Ты не рейнджер.

— Ты тоже не обязан мне помогать, — сказал русский. — Джерико убил не твоих друзей, а моих. Отплатить ему — это мой долг, а не твой. Но все же я спрошу еще раз. Ты едешь в Эль-Пасо?

— Нет.

— Желаю удачи.

Напарник уехал. Он не гнал лошадь, давая той отдохнуть после скачки, и у Шона Прайса еще было время, чтобы окликнуть его. Или чтобы просто догнать. Русский что-то придумал, и в его словах был резон. Однако он всего лишь хлеботорговец.

Ему не понять рейнджера. Ему не дано в одиночку ходить на толпу вооруженных негодяев. Он просто хочет отомстить за своих друзей. Что ж, каждый имеет право на месть. Кроме тех, кто служит Закону.

Он снова подкрался к деревне, где скрывалась банда. На этот раз ему пришлось сделать изрядный крюк, чтобы зайти из-под садящегося солнца. И расположиться он смог не так удобно, как в прошлый раз. Теперь он был вынужден залечь подальше. Но и отсюда ему хорошо был виден дымок над церковным забором. Бандиты ужинали. Лошади были спрятаны в развалинах, и со стороны могло показаться, что деревушка снова вымерла.

Но Прайс знал, что Джерико сидит там.

Любой другой бандит на его месте, заметив слежку, немедленно покинул бы убежище. Но Джерико потому и оставался неуловимым, что никогда не поступал так, как любой другой бандит.

Шон дождался темноты и подобрался ближе. В деревне не раздавалось ни звука, но ветер доносил запахи, которые выдавали притаившихся бандитов. А через пролом в

церковной стене порой виднелись отсветы костерка...

На эти отсветы и глядел Шон Прайс всю ночь, борясь со сном. Когда же стало светать, он насторожился — сейчас бандиты проснутся и выставят часовых. Один из них заберется на колокольню, другой будет маячить в прорехах крыши самого крайнего сарая. Возможно, что сегодня, помня о вчерашней стычке, Джерико отправит и дозорного, чтобы тот объехал окрестности.

Но время шло, солнце поднималось все выше, а бандитов все не было видно...

Рейнджер понял, что его провели, увидев, как стайка птиц, покружившись над деревней, опустилась в церковный двор. Джерико ушел. Он оставил после себя догорающий костер. И мусор, в котором сейчас радостно копошились птицы.

До самого полудня Шон кружил по степи рядом с деревней, пытаясь найти хоть какие-то следы. Но в пыли виднелись только старые отпечатки копыт. Бандиты ушли по разлому в земле, который рассекал деревню. Ушли осторожно, тщательно заматавая следы. И только в одном месте Шон нашел на рыжей глине откоса свежую полоску, оставленную чьим-то стремением. Разлом вел к галечнику, которым было устлано пересохшее русло. Шон прошелся в одну сторону, потом в другую — ничего. И тогда он заставил себя остановиться, чтобы сварить кофе, отдохнуть и пошевелить мозгами.

Если Джерико ушел в Эль-Пасо, его там встретит русский. Встретит достойно, в этом можно не сомневаться. Конечно, было бы неплохо принять участие в этой торжественной церемонии, но Шон Прайс никогда не брался за работу, которую может выполнить кто-то другой.

Однако зачем Джерико заматавать следы, если он отправился грабить банк? О следах беспокоится тот, кто прячется. Зверь, которого вспугнули, ищет новое укрытие. Значит, надо подумать о том, где Джерико найдет себе новое логово.

Он поднялся на самый высокий холм, чтобы оглядеться, — и увидел цепочку всадников. Сердце его забилося чаще, однако скоро он разглядел, что это не те, кто ему нужен. Впрочем, и из этой встречи можно было извлечь пользу.

Патруль рейнджеров под командой капитана Джонса объезжал бандитские тропы, которыми изобилует этот приграничный район. Шон Прайс хорошо знал Джонса. Он помнил его еще с тех пор, когда они вместе служили в Сан-Антонио. Джонс за год прошел путь от рядового до сержанта, а потом перевелся в Мидленд, потому что хотел быть поближе к границе. Здесь у него не было ни одного дня без стрельбы и погонь, и здесь в рейнджеры записывались такие парни, которые не рискнули бы приблизиться к полицейскому участку где-нибудь в Хьюстоне или Далласе. Джонс стал самым молодым командиром роты во всем Техасе. Самым молодым и самым отчаянным.

— Прайс! — закричал он издали. — Ты заблудился спяну? Или решил перевестись ко мне?

— Нет. Просто решил навестить старого знакомого.

— Рад тебя видеть.

— Я тоже рад. Но приехал не к тебе.

Капитан Джонс оглядел его кобылу, и улыбка погасла на его лице.

— А где Ангел?

— Лежит где-то за холмами, — неохотно ответил Прайс.

— Значит, это ты вчера воевал тут? Слышно было даже у реки.

— Повоевал. Да не слишком удачно.

Рейнджеры окружили его, и Шон заметил среди них пару знакомых физиономий.

— Привет, Апач! Ты еще живой, Медвежонок?

— Жалко Ангела, — сказал метис по прозвищу Апач. — Он был умнее многих людей.

А верзила Медвежонок молча хлопнул его по плечу так, что Шон едва удержался в седле.

— Так за кем ты гоняешься? — спросил Джонс.

— За Джерико.

— Он покинул ваше сонное царство? Что натворил старый шакал?

— Остановил дилижанс, всех перебил. В общем, как всегда. Но сейчас я сел ему на хвост.

— Он же всегда отсиживался в Оклахоме, не так ли?

— Да. Но в этот раз подался сюда.

— За границу рвется, — прогудел Медвежонок.

— В Оклахоме, видать, его прижали. Там сейчас крутые ребята в маршалах. Один Гек Даррет чего стоит.

— А здесь что? — ревниво обернулся Джонс. — Здесь нечего опасаться?

— Здесь он знает все тропки, — сказал Апач. — Он же из местных. Его семья жила в Агуа Кальенте, пока ее не вырезали мескальерос⁴.

— Да уж, нашел, где родиться, — усмехнулся Джонс. — Чему тут удивляться? Кем еще мог стать человек, родившийся в Кальенте? Только головорезом.

— Сколько у тебя народу? — спросил Шон.

— Две группы по семь человек патрулируют границу и выходы из каньона. Моя — третья.

— Где точка сбора?

— Старая почта.

— Это хорошо, — сказал Прайс. — Если Джерико пойдет не в Мексику, а на восток, он может наткнуться на кого-нибудь из твоих ребят.

— Не сомневайся, мы его не пропустим.

— У него около дюжины всадников.

— А ты, как всегда, один.

— Как всегда.

— Что ж, если встречу Джерико, поберегу его для тебя, — сказал капитан Джонс. — За остальных не ручаюсь, но его ты получишь живым.

— Лучше вали его сразу, — сказал Шон Прайс. — Как всегда.

* * *

Капитан Орлов возвращался в город, ругая себя за то, что зря гонял лошадь. Аппалуза выдержала тяжелый переход по пустыне, перенесла долгие блуждания по развалинам, но бешеная скачка под огнем бандитов далась ей тяжелее всего. Кобыла до сих пор хрипела и замедляла шаг, все норовя остановиться. Ей был нужен отдых.

Орлов посмотрел на часы, затем на солнце, будто не доверял механическим стрелкам. «Чего ради я мчусь, как угорелый? Можно отдохнуть, — рассудил он. — Сегодня уже ничего не случится. Пока Джерико доберется до города, наступит вечер. Ему надо еще раз все осмотреть, разместить людей, да и просто прийти в себя после стычки. Нет, сегодня ничего не случится. Прайс был по-своему прав. Я вполне мог бы отправиться за подмогой. Но...»

Он не мог в этом признаться даже самому себе. Подчиняться приказам рейнджера не позволяла гордость.

В город он вернулся, когда уже стемнело. Спал, как убитый. Но проснулся с рассветом, и тут же принялся готовиться к бою. Надел чистое белье. Тщательно побрился. Разложил оружие и устроился у окна. Так прошел день.

Заскрипела дверь. Как всегда, без стука, вошла горничная с подносом. Как всегда, как бы не замечая разложенных на столе револьверов, она поставила между ними тарелку с дымящейся горкой шоколадного цвета. В номере запахло тушеным мясом и фасолью.

— Спасибо, сегодня я пообедаю позже, — сказал капитан, стоя у окна. — Унесите. Я спущусь в бар.

⁴ Мескальерос — индейцы-апачи из клана Мескаль

Горничная вернула тарелку на поднос и с видимым облегчением покинула номер.

«Зря я отказался», подумал капитан. «Ничего не изменилось бы оттого, что я поем. Довольно глупо стоять у окна и озирая пустую площадь».

Он ругал себя и высмеивал, но продолжал стоять у окна и смотреть на пустую площадь, отвлекаясь только для того, чтобы выбить трубку и снова набить ее табаком.

Капитан спустился вниз, выпил чашку кофе в баре. Прошел на конюшню и оседлал аппалузу — на всякий случай. Вернулся в свой номер и занял привычный пост у окна. Через час такого ожидания он увидел, как из банка выходят клерки. Управляющий укатил в своей роскошной коляске, а внутрь банка запустили охранника с ружьем. Тот еще стоял на пороге, когда вдруг его догнал мальчишка, перебежавший всю площадь, и передал какой-то бумажный сверток.

Орлов насторожился и поднял трубу, но тут же, усмехнувшись, опустил ее. Из свертка выглядывал край гамбургера — между двумя хлебными половинками торчала зелень. Видимо, сынишка принес ужин отцу. А отец всю ночь проведет среди сейфов с деньгами и золотом, за крепкими решетками и толстыми стенами, и единственная опасность, которая ему там угрожает, это голод. Но теперь и это не страшно. И охранник, и его начальник посмеялись, потрепав мальчишку по льяной головке.

Охранник шагнул через порог, и массивная дверь, украшенная выпуклыми заклепками величиной с яйцо, плавно затворилась за ним. Начальник охраны провернул ключ в скважине, спрятал его в нагрудном кармане, и к нему подошли двое патрульных. Они взяли свои ружья наперевес и мерным неторопливым шагом отправились в свой привычный путь вокруг здания банка.

Капитан видел этот ритуал уже несколько дней подряд, но мальчишка со свертком появился впервые. Может быть, это не случайно? Может быть, может быть...

Мысли о мальчишке и свертке моментально вылетели из головы, как только Орлов увидел в просвете между домами на дальнем конце улицы знакомый силуэт фургона. Рядом маячили два всадника. Но когда капитан поднял трубу и поймал в узкий кружок фургон, всадников рядом уже не было.

Капитан обругал себя за то, что не заметил, в какую сторону они свернули. Зато он смог разглядеть, что в фургоне сегодня какой-то груз. Двое в темных плащах и надвинутых шляпах сидели на облучке, а между ними проглядывали торцы двух толстых брусьев. Фургон медленно завернул в проезд между домами, и капитан увидел, что и сзади из него выпирают два бруса. Ему даже показалось, что это какая-то лестница, хотя он и не был в этом уверен. Так или иначе, фургон прибыл. Значит, он был прав. Все решится сегодня. Здесь и сейчас.

За сторожа можно быть спокойным. Даже если бандиты взломают двери и ворвутся в банк, он сможет долго отбиваться из-за запертых решеток, лишь бы не подставлял голову под шальную пулю. А вот патруль обречен. При внезапном нападении у патрульных нет никаких шансов уцелеть. Предупредить их... Но как?

Достаточно будет выстрелить, решил Орлов. Тогда они успеют хотя бы укрыться. Да и для бандитов неожиданный выстрел послужит хотя бы временной помехой. Особенно, если выстрел будет удачным.

Капитан осторожно поднял створку окна и положил на подоконник заряженный «ремингтон». Быстро вставил капсюли, приготовив револьвер к бою, и перешел к соседнему окну. Бесшумно открыл его и подвинул стол к окну. Две подушки, обернутые одеялом, легли на стол, а поверх этого бруствера капитан положил винчестер. Он будет стрелять из глубины комнаты. От старого плана придется отказаться. Бегать по площади, меняя позиции, слишком рискованно.

Он рассчитывал, что сможет отсюда опознать главаря и уложить его как можно раньше. Оставшись без руководства, бандиты предпочтут удрать, а не биться. Но многие останутся лежать на улице. Орлов надеялся, что сумеет поговорить с ранеными. Надеялся, что они помогут ему найти ротмистра.

А если не помогут? Что тогда?
Ответ был прост, и состоял из двух слов.
Продолжать поиск.

* * *

Ротмистр Бурко еще раз осмотрел инструменты. Два молотка, один полегче, другой необычно тяжелый. Похоже, свинцовый. В темноте не разглядеть. Что еще? Изогнутый лом. Три стальных клина. Воронка с гибкой насадкой. Пара железяк непонятного назначения. По всей видимости, это отмычки. Дрель. Два сверла. Жестяной цилиндр, вроде шприца, с узким носиком. Пахнет порохом. «Наверно, через него в замочную скважину вдувают порох, — догадался ротмистр. — Чтобы взорвать дверцу изнутри. Итак, что мы имеем? Полный набор для взлома сейфов. И ни намек на консервный ключ».

Он снова повертел в руках консервную банку. Ее приятная тяжесть наводила на мысли о том, как долго можно было бы наслаждаться холодной солониной. Но, увы, ротмистр ясно осознавал, что в курьерском кофре не перевозят мясные консервы. Скорее всего, банку к почте присовокупил граф Орлов. Подчиненные генерала Обручева все как один помешаны на секретности. Встречаясь в коридорах Генерального Штаба, они могли сердечно обняться, могли поспрашивать о здоровье ближайших родственников и наскоро обменяться последними светскими сплетнями — и при этом ни слова, ни полслова о том, где побывали и куда направляются. У ротмистра было особое отношение к генштабистам. В свое время перед ним встал выбор — переводиться к Обручеву либо в Отдельный Корпус⁵. Он выбрал жандармский мундир, потому что знал, что через год станет полковником — карьерная лестница в этом ведомстве была гораздо круче и шире, чем во всех других...

Наверно, банку можно открыть с помощью лома и молотка. Но Бурко всегда искал наиболее изящное решение. Нашел он его и на этот раз. Прижав стальной клин к запаянному краю банки, он принялся водить его туда-сюда, понемногу соскребая оловянный шов.

Судя по тяжести, содержимое банки представляли отнюдь не бумаги. Или — не только бумаги. С бумагами ротмистр уже разобрался: вся корреспонденция барона Лансдорфа была изодрана в микроскопические клочки и тщательно зарыта в разных углах подвала. Конечно, было бы гораздо лучше сохранить эти письма и, после определенных приключений, доставить их по адресу — но такое геройство может встретиться только в авантурных романах. Ротмистр мог рисковать собой, но не имел права подвергнуть опасности тайную переписку.

Наверху загремели шаги, и крышка люка со скрипом откинулась, впуская в подвал лучи света. Кто-то, ворча по-испански, опустил на веревке дурно пахнущее пустое ведро. Затем на пол упала бутылка, сделанная из тыквы, и черствая лепешка. Все это сопровождалось непрерывной руганью. Ротмистр не знал испанского, но ругань — она понятна на любом языке.

Отряхнув лепешку от пыли и откупорив бутылку, ротмистр приступил к трапезе. Хорошо, что бандиты заставили его сменить только рубашку, на их взгляд слишком приметную. В кармане брюк Бурко сохранил носовой платок. И теперь, слегка смочив его водой, он смог вытереть руки перед едой. Вкус кукурузной лепешки напомнил ему о детстве. Хуторок в запорожской степи. Баштаны, усеянные полосатыми блестящими арбузами. Сверкающая вода родника. Ручеек, бегущий в тенистой дубовой роще.

Он сознательно вызывал в памяти милые сердцу картинки прошлого, потому что от хорошего настроения улучшается пищеварение. Большинство недугов имеет своим источником именно дурное расположение духа. Переиначивая латинскую мудрость, ротмистр мог бы заявить, что у здорового духа — здоровое тело.

⁵ Отдельный Корпус жандармов — подразделение политического сыска в России

А тело ему сейчас нужно здоровое, крепкое, выносливое. Его телу предстоят серьезные испытания.

Молоток, лом, клинья — все это было прекрасным оружием, и он диву давался той беспечности, с которой бандиты оставили ему инструменты. Он бы давно мог избавиться от конвоиров — но что ожидало его наверху? Не зная броду, не суйся в воду.

Жаль, что он не понимал по-испански. Прислушиваясь к голосам, можно было бы многое выяснить. Прежде всего — где он сейчас находится.

Орлов собирался отправить его через Новый Орлеан. Возможно, капитан счел этот маршрут самым коротким. Но ротмистр выбрал бы иное направление. Теперь, когда нельзя было рассчитывать на чье-либо содействие, таким направлением мог быть только курс на Нью-Йорк. Да, придется снова пересечь полстраны, на этот раз не в спальном вагоне, а кочуя от одного товарняка к другому. Придется воровать продукты по дороге и спать, зарывшись в сено, полное кусачих блох. Но когда-нибудь кончается любая дорога. Кончится и та, что еще не началась. Ротмистр дойдет до скромного дома на Фултон-стрит, где находится конспиративная квартира зарубежного сыскного бюро. Он дойдет — и сразу же начнет составлять отчет. Его не сможет отвлечь ни горячая ванна, ни аппетитные запахи ресторанной кухни, нет, он даже не переоденется, сразу потребует перо и бумагу и усядется за стол. И не встанет, пока не поставит в отчете последнюю точку. Вот каким будет возвращение ротмистра.

Перекусив, он заставил себя минут десять полежать на боку, как советовал ему знакомый медик. И только после этого встал и снова принялся за консервную банку.

В темноте он не различал, как быстро двигается дело. Но скоро оловянный шов истончился настолько, что пальцы уже нащупывали растущую щель. И вот, наконец, он смог запустить в нее отмычку, поддел, потянул — и ему на колени вывалился тяжелый сверток.

Револьвер. Патроны. Три конверта. Бурко очень хотел бы ознакомиться с их содержимым, но, во-первых, в подвале было слишком темно, а во-вторых, в письмах графа Орлова могло содержаться что-то личное. Да, начальство ротмистра было бы счастливо заполучить эти конверты — однако они были безжалостно истреблены и зарыты.

Револьвер же был разобран и тщательно вычищен от смазки. Пять патронов беззвучно погрузились в каморы барабана, еще пять, объединенные картонным кольцом, ротмистр отправил к себе в карман. Он не удивился, обнаружив револьвер. И почти не обрадовался, получив оружие. Даже наоборот, немного посетовал, что придется нести лишнюю тяжесть. Лучше бы раздобыть еще бутылку воды...

Он вспомнил, что где-то на полу валяется веревка, которой были обмотаны инструменты. Отыскав ее, отрубил подходящий кусок и пропустил через кольцо на рукоятке револьвера. Теперь оружие можно было повесить на шею и спрятать под рубашой.

Револьвер оказался весьма удобным. Это была бескурковая модель. Обычный кольт не сунешь в карман, а если и сунешь, то потом замучаешься вытаскивать — то курок, то мушка, то края барабана будут цепляться за одежду. А этот — этот гладкий, словно обкатанный прибоем морской голыш. Все его детали закруглены, и в руке он лежит чрезвычайно ловко. Ротмистр подумал, что именно такое оружие следовало бы иметь при себе, когда приходится действовать в гражданском платье.

Он знал, что граф Орлов едва ли не с каждой почтой переправляет в Штаб нечто подобное — то чертежи винтовочного затвора, то рецептуру новых сортов пороха, а однажды передал кусок пушечного ствола, который был им обнаружен на месте неудачного испытания нового орудия. Эти послания стали притчей во языцех не только в Генштабе, но и при дворе. Многие усматривали в настойчивости Орлова не служебное рвение, а плохо скрытый намек на одну давнюю историю, которая приключилась еще тогда, когда тот, кого сейчас именуют Александром Третьим, назывался Александром Александровичем, великим князем и наследником.

Офицеры, командированные в Соединенные Штаты заказать ружья для русской армии, вернулись с несколькими образцами. Выслушав отчет, Александр Александрович принялся

жестко критиковать их выбор. Капитан Гуниус осмелился возразить. Наследник вспылil и оборвал его, однако Гуниус все же продолжил речь. Тут Александр Александрович пришел в настоящее бешенство и обругал офицера скверными словами. Для русского уха слова эти не содержали ничего оскорбительного, однако Гуниус был швед, представитель древнего дворянского рода. Гордый варяг немедленно покинул аудиенцию и послал цесаревичу письмо с требованием извинений. Он также прибавил, что, если через двадцать четыре часа извинения не будет, то он застрелится. То был своеобразный вызов на дуэль. Цесаревич не извинился. И офицер сдержал свое слово. Александр Второй весьма рассердился на своего сына и, в качестве наказания, приказал цесаревичу идти за гробом капитана вплоть до могилы. Этот страшный урок не излечил Александра Александровича от романовской надменности и запальчивости, но навсегда остался в памяти. Помнили об этом и придворные, и офицеры Генштаба. Так что очередной экземпляр американского оружия мог расцениваться как очередной привет от Гуниуса. «Вот ведь как удачно получилось, Павел Григорьевич, — мысленно обратился ротмистр к Орлову. — Посылочка ваша до адресата не дошла. И револьвер послужит мне, вместо того чтобы дать лишний повод для злопыхателей».

Немного поупражнявшись с револьвером и подогнав длину веревки поудобнее, ротмистр перешел к следующему пункту своего плана.

То место, где из щели между потолком и стеной пробивался свет, он заметил с первых же минут заточения. Подвал представлял собой обычную яму, на дно которой были уложены плоские камни, а покатые стены до сих пор хранили на себе следы кирки. С помощью лома ротмистр живо вырубил в сухой глине несколько ступеней и подобрался кверху. Здесь он действовал осторожнее. Пригодились отмычки, ими он расширил щель. Пришлось отступить, чтобы расширить и углубить ступени. Снова поднявшись, Бурко прильнул разгоряченным лицом к щели, и прохладный воздух ободрил его.

Так, вцепившись в стену, он провисел на ней довольно долго, наблюдая за тем узким уголком внешнего мира, что был ему доступен. И этот уголок ему понравился. Потому что щель выходила не во двор, а на улицу. И теперь оставалось только дожидаться темноты, чтобы выбраться наружу...

Он снова представил, как сядет за стол и возьмется за отчет. Командировка, хоть и оказалась весьма краткосрочной, позволила составить целостное впечатление о настроениях и связях в среде русской эмиграции — в частности, в среде бывших военных. Да, именно так он обозначит главное содержание своей работы.

Правда, в приватной беседе глава департамента намекнул, что особый интерес привлекает к себе фигура графа Орлова. Но ротмистр Бурко предпочел не выделять капитана — тот все еще числился в строю, его прошения об отставке даже не рассматривались, и вообще никто не мог бы с определенностью сказать, что граф хочет остаться в Америке. Его намерения, в частности, и предстояло выяснить ротмистру во время подготовки к охоте. Поскольку эта часть плана осталась невыполненной, то и жгучий интерес к персоне Орлова придется оставить неутоленным.

Итак, речь пойдет о категории отставников, о тех, кто после службы государевой перебрался за океан. Что ж, ничего предосудительного. К социалистическим идеям они были равнодушны, с беглыми заговорщиками не общались, как не общались и с официальными представителями России. Поселившись в Америке, русские офицеры сохраняли верность привычкам — например, ходили в церковь, если таковая имелась поблизости. Это ровным счетом ничего не говорило об их благонадежности. Достаточно вспомнить квартиры террористов в Петербурге, увешанные образами. Однако сам факт посещения храма можно использовать.

Он уже знал, с какой фразы начнет заключительный, самый важный пункт своего отчета.

«Докладывая о вышеизложенном, считаю своим долгом присовокупить, что

представляется целесообразным обеспечить взаимодействие с отдельными священнослужителями города Нью-Йорка, где имеется устойчивая община, и где отмечены частые появления эмиссаров революционного подполья»...

«В данный момент я сам в подполье», — подумал ротмистр Бурко и, отбросив преждевременные размышления, стал собираться в дорогу.

Больше всего он опасался, что хозяева постоянного двора проявят ненужную гуманность и заглянут в подвал, чтобы еще раз покормить затворника. Будет довольно трудно скрыть от них кучки свежей глины, выросшие вдоль стены. Да и ступеньки уже превратились в лестницу, которая вела вверх, и достаточно было обрушить свод, чтобы под стеной сарая появился не слишком широкий, но все-таки выход. Таких приготовлений к побегу не заметил бы разве слепой. А ведь в подвал еще мог спуститься один из бандитов...

Эта мысль заставила ротмистра усерднее работать ломиком, расширяя проход.

«Если меня застанут за таким занятием, не станем тратить время на разговоры, — решил он. — Мои глаза привыкли к темноте, а бандит, пока проморгается, успеет получить ломиком в лоб — и весь разговор. Лишь бы они не явились все сразу. И лишь бы ночь была безлунной. И лишь бы никто не околачивался на улице возле забора...»

Самыми трудными оказались последние часы. Согнувшись в три погибели, Бурко спиной упирался в свод подкопа, чтобы тот не рухнул раньше времени. Его глаза следили за кусочком неба, виднеющимся между крышами соседних домов. Небо было сначала пепельно-серым, потом — лиловым, краски сгущались быстро, но оставались прозрачными, а это означало, что на улице царят сумерки, в то время как для побега требовалась настоящая беспросветная темнота.

Неизвестно, сколько еще прождал бы ротмистр, если бы свод вдруг не рассыпался сам собой.

Бурко, не стряхивая с себя песок, медленно, на четвереньках, двинулся вдоль забора. Он надеялся, что так его еще можно в темноте принять за собаку. Бурко даже голову приподнял, и едва не засопел по-собачьи. К счастью, его усилия были излишними. На улице не нашлось зрителей, которые могли бы оценить его дар перевоплощения. И, добравшись до угла, ротмистр отряхнулся, встал на ноги и зашагал, держась поближе к забору.

Уйти удалось недалеко. Едва миновав ворота, через которые он пару дней назад въезжал на фургоне, Бурко услышал торопливые шаги. И застыл, прижавшись к теплым камням забора.

Шаги были странными. Жесткий цокот подкованных каблуков сопровождался дребезжанием шпор. Значит, шел мужчина. Однако к его твердым шагам примешивался какой-то посторонний звук. Идущий словно пошлепывал ладонью по чему-то мягкому.

«Он не один! — догадался Бурко. — Рядом кто-то семенит. Так стучат по пыли босые пятки ...»

— Мистер, мистер, мистер... — прозвучал сдавленный тонкий голосок.

— Молчи, сука, а то башку отрежу!

Ротмистр узнал голос Черного. И тут же два силуэта проплыли мимо него, едва различимые в темноте. Блеснуло лезвие ножа, приставленное к горлу девчонки. Второй рукой Черный держал ее за волосы, ведя рядом с собой.

Они прошли так близко, что Бурко ощутил мерзкий запах застарелого пота, исходивший от бандита.

«Куда он ее уводит? Зачем? Ну, зачем — это понятно. Но куда? В укромное местечко? Решил повеселиться? Ты у меня, тварь, повеселишься...»

Им овладела леденящая ярость. Бурко знал за собой этот недостаток — поддаваться ярости. Припадок мог длиться несколько секунд, но эти секунды оставались в памяти черным холодным провалом. Придя в себя, он изумлялся собственным словам и поступкам. Но тут уж ничего не поделаешь. Сей порок был у него в крови. Последний раз, впрочем, нечто подобное ротмистр Бурко испытал весьма и весьма давно — во время конной атаки

под Адрианополем⁶.

Но сейчас под ним не было коня, и в руке его не было сабли, и не мелькали впереди вспышки вражеских выстрелов — нет, была лишь ночь, и был жалобный голос, исчезающий в этой ночи.

Бурко порадовался тому, что бос. Его ступни бесшумно несли его по дороге вслед за Черным. А тот дошел до окраины поселка и остановился у колодца.

— Это сухой колодец? — спросил он.

— Он пересох давно. Мистер, мистер, мистер...

— Нет в нем воды, точно? Сюда никто не ходит?

— Нет, мистер, мистер, мистер...

— Молчи, сука!

Бурко припал к земле, почувствовав, что сейчас Черный оглянется. Тот повертел головой и потащил девчонку за одинокий дом.

Бурко пригнулся и тоже кинулся к дому, обходя его с другой стороны. Его расчет оказался точен. Когда Черный зашел за дом, ротмистр уже ждал его там.

Несильный удар в нос заставил бандита остановиться. Он застыл на секунду, парализованный неожиданной болью. Удушающий захват, рывок плечом...

Под локтевым сгибом мерзко хрустнули шейные позвонки, и Черный вмиг обмяк. Ротмистр опустил вздрагивающее тело на землю и зажал слюнявый рот — бывает, что умирающий орет громче живых.

«Топ-топ-топ» — послышалось за домом. Девчонка удрала. Бурко подумал, что она, возможно, могла бы убежать и без его помощи. Вон какая шустрая, уже и не слышно ее.

Нет, такие, как Черный, не выпускают жертву. Почему он притащил ее к колодцу? Потому что собирался убить и сбросить туда. Колодец должен был превратиться в могилу... Что ж, так тому и быть. Он обыскал труп, и был крайне разочарован: бандит вышел на ночную прогулку без оружия. Тело Черного глухо ударилось о пересохшее дно, и долго еще сыпались на него струйки песка.

«Пора уходить», — подумал ротмистр. Но тут где-то рядом зазвучали голоса, и он снова кинулся за дом.

— Подождем его здесь, — сказал кто-то, появившись на дороге.

Следом из темноты показались еще несколько силуэтов.

— Откуда ты знаешь, что Джерико приедет сегодня?

— Я не знаю, что он приедет сегодня. Но я знаю, что если он приедет, а мы его не встретим, то он всем нам отстрелит яйца.

— Мы четвертую ночь не спим.

— Можешь уходить.

Они еще долго препирались и ворчали, сидя на земле возле колодца и попыхивая самокрутками.

«Это не местные, — догадался Бурко. — Говорят по-английски, собираются встречать Джерико. Да, они наверняка из его банды. Как и Черный. Только квартируют в частных домах, а не на постоялом дворе. И что теперь? Будут торчать тут до рассвета? Мимо них не проскочишь даже в темноте, а при свете дня — тем более. Придется ждать следующей ночи».

Ротмистр отодвинул гнилые доски, которыми было забито окно, и залез в дом. Никто не станет искать его в заброшенном жилище. По крайней мере, до утра. Да и утром тоже. Обнаружат подкоп, поднимут шум, кинутся в погоню... Нет, не кинутся. Кому он нужен? Мексиканцам, хозяевам постоялого двора, где его держали? Плевать им на беглеца. За ним должен был приглядывать Черный. А тому уже все равно.

⁶ Адрианополь — город в Турции, до которого дошли казачьи части во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Ротмистр Бурко знал, что перед сном следует думать о чем-то приятном и возвышенном. Для того и нужна человеку ночная молитва, чтобы успокоить дух, смирить неутоленные желания, отбросить расчеты и планы...

Он вдруг хлопнул себя по лбу и выругался шепотом. Узелок, где он хранил флягу с водой и половину черствой лепешки, остался там, в подвале! Как же он теперь отправится в путь, не имея никаких припасов?

«А вот так и отправлюсь, налегке», — сказал он себе, насмешкой преодолевая уныние.

Еще одно небольшое усилие воли — и ротмистр перестал думать о том, что только что убил человека. В его жизни были времена, когда ему приходилось убивать и больше, чем одного подонка за вечер. Но даже тогда он не терял способности к спокойному и глубокому сну.

12

Всю ночь Джерико готовил свое оружие: лук и стрелы. Возможно, его наставники апачи жестоко высмеяли бы тот лук, который он изготовил из можжевельной ветки. Эту ветку надо было долго выбирать, причем подходящий можжевельник рос только на одном склоне горы. Ветка должна была своей формой и размером точно совпадать с луком, который из нее получится. Ее надо было срезать, получив на то разрешение можжевельника. Натереть золой и оставить сушиться, выпуклой стороной кверху. А когда после многих других приготовлений на эту ветку можно будет натянуть тетиву, то выпуклая сторона окажется внутри лука и станет вогнутой стороной. В этом был один из самых важных секретов силы индейских луков.

У Джерико не было времени бродить по склонам гор в поисках подходящего дерева, и он использовал первое попавшееся. У него не было времени на длительную сушку лука, но Джерико и не собирался с ним охотиться или воевать всю жизнь. Такой лук нужен был только на несколько минут, поэтому он особо и не заботился о его долговечности и прочности.

Тетива из крученой сыромятной кожи, многократно вымоченная в проточной воде и отшлифованная мягким камнем, была почти такая же, как у апачей, только Джерико не стал ее пропитывать воском и жиром. Она нужна ему только на один день, и не понадобится больше никогда. Никогда в жизни он больше не будет стрелять из лука. Всё в его жизни будет по-другому... Но петли на концах тетивы он все-таки сделал по всем правилам, чтобы они не соскочили с концов лука в самый неподходящий момент.

Конечно, больше всего пришлось повозиться со стрелами, он потратил на них всю последнюю ночь. Для древка стрелы требовалось плотное и сухое дерево. Канисеро додумался расщепить распятие, висевшее на стене церкви. Он же и шлифовал стрелы, доводя их до идеальной гладкости, и поминутно проводил древком по собственному горлу, чтобы чувствительной кожей найти незаметные заусенцы. Для наконечников Канисеро пожертвовал три своих ножа — самых тонких. Он отломил от них концы лезвий, обточил каждый конец до нужной ширины и вставил в щель на древке.

Оперение Джерико поначалу делал сам. Пришлось использовать перья вороны, и ему никак не удавалось подобрать для каждой стрелы четыре одинаковых пера. Уже к утру он все же уговорил сам себя, что стрелам этим не понадобится лететь на сто пятьдесят шагов, так что не стоит так уж возиться с оперением. Но Канисеро увидел, что он прикручивает к последней стреле разные перья, и принялся ворчать: и лук не просушен, и тетива из обрезка лассо, и стрелы черт знает из какого дерева, так еще и перья в разные стороны смотрят. «Так нельзя, брат, — сказал он. — Для себя же делаешь, не для врага. Иди лучше спать». Непрерывно ворча и покачивая головой, он отнял у Джерико все три стрелы и принялся доводить их до ума, время от времени вороша тушку убитой вороны в поисках нужного пера.

Благодаря Канисеро стрелы летели по идеальной прямой, и тетива не била по пальцам. И даже ушко каждой стрелы, куда вкладывается тетива, Канисеро успел заботливо

отшлифовать и натереть воском.

Вот теперь все было готово, и Джерико был уверен в успехе. Он откинул крышку часов и глянул на циферблат. Минутная стрелка лежала на тройке. До Эль-Пасо надо добраться раньше, чем стрелка доберется до девятки. Когда же стрелка коснется двойки, пара нищих встанет на пути патрульных, а Канисеро подкрадется к ним сзади.

Они подъехали к городу и разделились. Кривой со своими отправился по одной улице, Пабло с остальными — по другой, а Джерико пересел в фургон и повел его по третьей. Никто не обращал внимания на всадников, горожане прятались от вечернего зноя под тенью веранд.

Фургон остановился в назначенном, точно рассчитанном месте. Из него выбрались двое оборванцев — один был слепой, другой горбатый. Горбун, спотыкаясь на каждом шагу, вел за собой слепого. Они зашли за здание банка, и там горбун споткнулся так, что слепой повалился на землю. Еле-еле поднявшись, он принялся мутузить своего поводыря сучковатой клюкой, громко проклиная его нерадивость.

Проходившие мимо свары патрульные остановились. Один из них, посмеиваясь, перехватил занесенную клюку и попытался оттащить злобного слепца от беспомощно сжавшегося горбуна. Но слепец неожиданно сам прижался к патрульному — и тут же отпрянул, а патрульный запрокинул голову назад так, что шляпа свалилась за спину, а из разреза на горле ударил яркий красный фонтан.

Горбун, распрямившись, насадил второго патрульного на длинный кинжал, вонзив его под грудину. Острие клинка вылезло из спины убитого, и горбун уперся ему коленом в живот, чтобы вытянуть кинжал из раны.

Оба патрульных упали один поперек другого. А рядом лежал их начальник, которому загнал стрелу под лопатку сам Джерико, выстрелив в него из фургона.

В тишине булькала кровь, хлещущая из ран. Увалень Уолли, с неожиданной для его комплекции ловкостью, подбежал к стене банка и одним ударом отбил изрядный кусок гранитной облицовки. Еще удар — и Хью уже опускает в пролом динамитные патроны.

Индус поджег шнур. Бандиты забежали за фургон, и раздался взрыв.

Кислый дым и белесая пыль еще плотной стеной стояли в воздухе, а Джерико уже ворвался в банк. Он увидел прямо перед собой изумленное лицо сторожа. Тот держал в одной руке кусок хлеба, а в другой ружье. Джерико выстрелил ему в лицо, и сторож рухнул среди обломков.

В хранилище стояли несколько сейфов. Но Джерико сразу узнал тот, который был ему нужен.

— Вот этот! — показал он, и Уолли накинуд на сейф лассо, и попытался потянуть.

Но стальной шкаф стоял, как прибитый. Он был слишком тяжел даже для Уолли. Вот почему Джерико набрал столько народу для такого простого дела.

Они накинули на сейф сразу несколько лассо и потянули всей оравой. Шкаф дрогнул, наклонился и грохнулся на пол, одним концом все-таки угодив на доски, смазанные маслом. Доски вместе с грузом затащили в фургон, Пабло хлестнул лошадей — а Джерико открыл свои часы. Минутная стрелка все еще стояла на тройке.

Ему казалось, что они возятся целый час, а стрелка даже не сдвинулась с места!

Четверка лошадей несла, обезумев от хлыста. Всадники, оглашая улицу диким криком и свистом, пронесли мимо последних домов и помчались по пыльной дороге, а потом свернули и рассыпались беспорядочной стаей, взлетев на холм и скатившись с него, и город остался далеко позади.

Джерико скакал сзади фургона. Он опасался, что взрыв мог повредить сейф, и тот распадется от тряски, усеяв пустыню разлетающимися долларами.

Его опасения были напрасны. Сейф прекрасно перенес и взрыв, и бешеную скачку по кочкам пустыни. И когда, остановившись для короткого отдыха, бандиты стали осматривать бесценный трофей, обнаружилось, что даже полировка на темно-медовых стенках почти не поцарапана.

— Как же мы его откроем? — Индус почесал плешь. — И не подступишься... Просто ухватиться не за что!

Действительно, на сейфе не было ни рукояток, ни штурвалов — только три аккуратных отверстия рядом с почти незаметной, не шире волоса, щелью между дверцей и рамой.

— Дорогая штучка, — заметил Кривой, пнув сапогом дверцу с причудливым орнаментом.

— Внутри она еще дороже, — ухмыльнулся Пабло Гомес. — До чего же тяжелый сундук! Я знаю, что там внутри. Таким тяжелым бывает только золото.

— Сколько же выйдет на каждого, когда мы поделим? — спросил кто-то.

— Хватит на всю жизнь!

— Да! И что это будет за жизнь...

— Не будет никакой жизни, если станем терять время, — сказал Джерико.

Бандиты встрепнулись, стряхивая благостное оцепенение. Еще бы, в мечтах они уже тратили свои денежки! Но голос Джерико вернул их из притонов Мемфиса в знойную пустыню, и они все разом вспомнили, что денег у них еще нет, зато где-то поблизости носятся крайне обозленные хозяева этого сейфа.

— Все дороги перекрыты, и с фургоном нам не проскочить, — сказал Кривой. — Надо уходить в каньон. Переждем там.

— В каньон? Да все только и ждут, что мы туда подадимся. Там легко попасть в засаду, — ответил Джерико. — В каньон легко войти, да выйти будет трудно. Нет, мы уйдем туда, где нас никто не станет искать.

— Нас не ищут только в раю, — мрачно сказал Индус.

— А мы и поедem в рай, — засмеялся Джерико. — Рай земной. Это место называется Агуа Кальенте.

— Не нравится мне это, — сказал Кривой. — Я не понимаю, мы будем уходить через границу или нет? Что-то мне непонятно, Джерико. Сначала ты говорил, что мы нападem на транспорт, но мы отправились брать банк. Сначала ты говорил, что мы уйдем за границу. А теперь уводишь нас совсем в другую сторону. Мне это не нравится.

— Не торопись брат, — сказал Джерико. — Нельзя делать то, чего от тебя все ждут. Конечно, мы убежим в Мексику, но не сейчас. Они ждут нас на границе, а мы их обманем еще раз.

— Но зачем тащиться в Кальенте, в эту глухомань, в эту вонючую дыру? — раздраженно спросил Кривой.

— Ты полегче, брат, — холодно предупредил его Джерико. — Все-таки это моя родина.

Он еще раз оглядел свое войско, и остался доволен — никто не роптал, все смотрели на него, ожидая приказа.

— Обрубим хвосты и ляжем на дно, — сказал он. — Я всегда так делаю. И всегда побеждаю. Мы победим наших врагов и сегодня.

12-а

Над площадью царил безмятежная тишина. Несколько пестрых кур расклевывали конские яблоки в пыли у банковского крыльца. Одинокaя мужская фигура тащилась по площади, прикрывая глаза от низкого солнца. Это был работник отеля, который нес корзину с бельем. Его длинная тень наконец слилась с тенью дома, и коротышка опустил ладонь. Промаякала скрипучая дверь, впуская его внутрь, и снова на площади не осталось никого, кроме кур.

«Никого. Странно, — подумал капитан. — А где же патрульные? Они давно уже должны были выйти из-за банка...»

Резкий удар сотряс пол под его ногами, и страшной силы грохот обрушился на сонную площадь.

За банком взметнулась белая стена пыли и дыма.

— Задняя стена! — Орлов в гневе ударил кулаком по раме окна. — Они взорвали заднюю стену!

Он схватил винчестер и кинулся из номера — по длинному коридору, по узкой лестнице, через бар, расталкивая зевак, столпившихся на крыльце...

Ему казалось, что он бежит медленно, как во сне.

Едва он оказался на площади, как где-то рядом ударили выстрелы. Капитан присел за барьер коновязи, поводя стволом по сторонам. Но площадь оставалась пустой.

Загрохотали, удаляясь, колеса фургона. Щелкал бич, кто-то свистел, гремели подкованные копыта — но все это было где-то на соседних улицах, а на площади не было ни души.

Капитан осторожно выглянул из-за укрытия, выждал немного и кинулся через площадь, с каждым шагом ожидая выстрела. Но в тишине раздавались только его собственные шаги.

Он забежал за угол банка и увидел лежащего на земле начальника патруля. Из его спины торчала стрела с черным оперением. Дальше, у другого угла, в красной луже лежали двое патрульных. Их тела были засыпаны белой пылью и обломками, но капитан успел разглядеть, что у одного из них рассечено горло, да так, что голова откинулась назад под прямым углом.

Он замер, прислушиваясь. Где-то далеко, за последними домами, стучали, удаляясь, конские копыта, часто повизгивали колесные оси фургона.

Капитан заглянул за угол, держа винчестер наготове, а потом перешагнул через груды камней и вошел в пролом.

Все было густо засыпано слоем известки и лохматыми обломками самана, и только одно место осталось относительно чистым. Квадрат на полу четко сохранил очертания сейфа, похищенного бандитами.

Он присел и посмотрел на следы сбоку. Теперь ему всё стало ясно. Бандиты знали, что задняя стена сложена из саманного кубика. Ведь этот банк был основан в те годы, когда саман тут был единственным строительным материалом. Гранитный фасад мог отпугнуть только тех, кто ничего не знал об уязвимом тыле. Но Джерико, как видно, нелегко было обмануть.

Проломив стену, бандиты не стали тратить время на то, чтобы вскрыть сейф. Они подтащили его к выдвижному трапу, смазанному маслом, (два параллельных отпечатка толстых брусьев и пятна масла на краях пролома) и на трапе затащили в фургон.

«С таким грузом им не уйти от погони, — подумал капитан. — Они будут привязаны к дороге, потому что, свернув, тяжелый фургон может завязнуть в песке. И лошади у них тоже не железные, выдохнутся через полчаса скачки. Если погоня отправится немедленно, у нас есть шанс...»

Но, выйдя из банка, Орлов не увидел никого, кто мог бы отправиться в погоню. Толпа зевак сгрудилась над трупами. Появился даже фотограф, а полицейских все не было. Прошло не менее двадцати минут, прежде чем на площади, наконец, появились два всадника с оружием. Орлов шагнул к ним навстречу.

— Охранники убиты, все четверо, — сказал он. — Взят один сейф. Его увезли на фургоне в направлении к югу.

— Ты кто такой? — раздраженно спросил парень с сержантским шевроном на рукаве куртки.

— Я приехал сюда с Шоном Прайсом.

— Ага. А где сам Шон?

— Он ушел по следу, — соврал Орлов. Впрочем, если и соврал, то самую малость. — Почему вас так мало?

— Сейчас подтянутся остальные. Кто-то заклинил ворота конюшни, их теперь приходится снимать с петель.

— Кто-то? — Орлов не удивился: этот Джерико весьма основательно подготовился к делу.

Капитан понял, что у него есть время, чтобы собраться в дорогу, которая, как видно, будет долгой — настигнуть грабителей удастся не скоро. Скоро начнет смеркаться, ночевать придется в поле, все утро уйдет на поиски следа, а за это время Джерико уйдет еще дальше. У преследователей есть только одно преимущество — они двигаются налегке, а бандиты везут тяжеленный сейф.

В состав отряда, отправляющегося в погоню, записались, кроме троих полицейских, шестеро горожан. Последним в списке значился Пол Орлов из Арканзаса.

— Напоминаю, что с этого часа вам начисляется жалованье, как ополченцам, — сказал сержант. — Три доллара в сутки. Это не значит, что мы должны растягивать удовольствие. Городской Совет ожидает, что мы вернемся через несколько дней. Банк выплатит нам премию, если мы вернем похищенное. Кто будет ранен, получит бесплатную медицинскую помощь. Так, что еще? Да, если вы кого-то убьете, дело не будет рассматриваться в суде. Степень вины определит маршал, и не было еще случая, чтобы он признал виновным кого-то из ополченцев. Так что стреляйте смело, без лишних слов. И не промахивайтесь, потому что вам придется тратить собственные патроны, а не казенные. Надеюсь, все запаслись водой? Тогда — вперед!

«Все это можно было сказать и в пути», — подумал Орлов, представив, сколько еще времени выиграл Джерико, пока сержант произносил свою речь.

* * *

Следы тяжелого фургона были глубокими и четкими, и ясно виднелись даже под многочисленными отпечатками копыт.

— Они хотят перевалить через холмы, — крикнул сержант. — Отсидаются в каньоне, а ночью попытаются перейти реку.

— В Мексику рвутся!

— Давайте перехватим их у брода! — предложил кто-то.

— Устроим засаду!

— Нет, у реки их встретят рейнджеры, — сказал сержант. — Наше дело — сесть им на пятки и гнать, пока у них лошади не начнут падать от усталости. Живее, парни, прибавим ходу!

Он привстал на стременах, оглядываясь, и энергично махнул рукой, и кто-то в ответ лихо засвистел — но ходу никто не прибавил, и отряд продолжал двигаться по дороге неспешной рысью.

Орлов скакал чуть в стороне, на него сносило пыль, но он считал, что это не слишком большое неудобство. Снайпер, прятаящийся где-то впереди, выберет для себя наиболее четко видимую цель. Например, сержанта. Или вон того щеголя в белой шляпе. Снайперу все равно, в кого стрелять, лишь бы не промазать. Лишь бы первым же выстрелом заставить погоню остановиться. Снайпер был где-то рядом, Орлов в этом не сомневался.

До сих пор все действия Джерико выдавали в нем человека неглупого, и было бы странно, если б он не позаботился о том, чтобы отсечь преследование. Когда дорога начала извиваться по склону каменистого холма, Орлов достал винчестер и положил его поперек седла. Его примеру последовали и спутники, а сержант достал кольт и скакал, держа револьвер в опущенной руке.

Все сразу посерьезнели и примолкли. Эти люди, как видно, не в первый раз участвовали в деле. Все они знали друг друга, и на прибывшего к отряду чудака из Арканзаса поглядывали как на салагу.

Орлов не обижался на них. Он уважал людей, способных за считанные минуты превратиться из мирных обывателей в воинов. За годы жизни в Штатах он понял, что такое превращение — в крови почти любого американца. В конце концов, они именно *завоевали* свою землю. Не выкупили у аборигенов, не заняли безлюдное пространство, а присвоили силой, с помощью оружия, принеся в жертву множество жизней. Да, воинственность у них в

крови, и цивилизация еще не скоро вытравит из них привычку мгновенно становиться в строй, как только прозвучит сигнал тревоги.

Кем были эти ополченцы пару часов назад? Щеголь в белой шляпе, похоже, парикмахер — из нагрудного кармана сюртука выглядывает кончик расчески, и поблескивают колечки ножниц. А вот эти двое работают в большом магазине — они в одинаковых костюмах, а по дороге радовались, что увильнули от разгрузки прибывшего фургона с товаром. Пожилой дядька со старинной винтовкой системы Генри будто только что встал из-за обеденного стола, в его бороде белеют крошки. Да, все они обычные горожане. «Интересно, почему среди нас нет ни одного охранника банка? — подумал Орлов. — Патрульные погибли, а где же их сменщики?»

Он сам нашел ответ, вспомнив о выстрелах, раздавшихся после взрыва. Скорее всего, бандиты устроили засаду и расстреляли тех, кто кинулся к банку...

Его размышления были прерваны возгласом:

— Вон они!

Над гребнем холма отчетливо прорисовались силуэты двоих всадников. Они торопливо петляли среди валунов и сухих деревьев.

— Эй! Стоять! — заорал сержант и выстрелил в воздух.

— За ними! — в один голос закричали почти все.

И только капитан Орлов ничего не кричал. Он нагнал сержанта и схватил его коня за повод.

— Фургон не мог перевалить через камни, сержант.

— Зато мы сможем!

Орлов не выпустил повод.

— Кто сказал, что эти двое грабили банк? Кто-нибудь видел их на площади?

— Не время рассуждать! У нас в Техасе всё делается быстро!

— Так давайте быстрее скакать по следам фургона. На склоне мы потеряем кучу времени, а эти парни могут оказаться просто ковбоями.

— Просто ковбоями? А почему они от нас удирают? — сержант ударил его по руке и прищипорил коня. — За мной, парни!

Отряд рассыпался в цепь и стал подниматься к верхушке холма, за которой скрылись всадники. Их лошади спотыкались, подковы скрежетали на валунах. Аппалуза Орлова легко шагала там, где другие лошади останавливались, и скоро капитан невольно оказался впереди всех.

Он увидел, что обратная сторона холма рассечена длинным широким оврагом, куда и скрылась пара убежавших всадников. Орлов остановился.

— Вперед, вперед! — прокричал сержант, объезжая его.

— Там может быть засада, — сказал Орлов.

— Их всего двое! У вас в Арканзасе умеют считать хотя бы до двух?

Спутники сержанта весело рассмеялись, подстегивая лошадей, и плотной колонной поспешили вниз по склону, один за другим скрываясь в кустарнике, прикрывавшем вход в овраг.

Капитан же направил аппалузу в другую сторону. Он решил спуститься правее оврага. Склон был усеян плоскими камнями, которые могли скрывать под собой осыпь. Орлов отпустил поводья, и чуткая лошадь сама выбирала путь. Она была уже на середине склона, когда в овраге загрохотали первые выстрелы.

Орлов спрыгнул на камни и потянул узду книзу, заставляя лошадь опуститься на колени, а затем и лечь. Сам же, схватив винчестер и сумку с патронами, чуть не кубарем покатился к оврагу.

Он перебежал по его краю, раздвигая ветви кустов и всматриваясь вниз. Огонь велся плотно и слаженно, без пауз для перезарядки. «Грамотно бьют, — подумал он. — С двух сторон. Залегли наверху и расстреливают. Если сержант не дурак, он повернет назад. Прорываться некуда».

Несколько всадников уже неслись обратно, за ними скакала лошадь без седока.

— Там кто-то остался! Кто-то остался!

— Потом заберем! Им уже не помочь!

Мимо Орлова, залегшего в кустах, промчались трое. Четвертый едва держался в седле и, не добравшись до выхода из оврага, все-таки рухнул с лошади. Никто даже не оглянулся, и скоро силуэты уцелевших ополченцев нырнули за гребень холма.

В наступившей тишине коротко простонал раненый. Орлов хотел сползти к нему, но откуда-то ударил выстрел, и пуля срубила ветку прямо возле головы ополченца. Тот дернулся всем телом и тяжело выдохнул. «Готов», — подумал капитан. Ему не было видно, куда попал невидимый стрелок, в шею или в грудь. Но было ясно, что стреляли сверху вниз. С противоположного обрыва. Как раз напротив того места, где скрывался Орлов.

Он подался назад и навел винчестер, пряча ствол среди ветвей.

Ожидание длилось недолго. В глубине оврага хлопнули три револьверных выстрела. Победители добивали побежденных. Затем послышался шелест песка, захрустели ветки под сапогами, и Орлов увидел двоих. Они шли, беспечно опустив винчестеры.

— Удачно поохотились, — сказал один, наклоняясь над убитым.

— Некогда возиться, Пабло, — жалобно простонал второй. — Дело сделано, хвосты обрублены. Поехали.

«Их не могло быть только двое, — подумал капитан, преодолевая искушение уложить мародеров на месте. — Их придется отпустить. А жаль. Поговорить бы с этим Пабло. Как звали того бандита, что привез Бурко к Родригесам? Кажется, Пабло. Или Панчо? Педро Гомес? Старею, память дырявая. Надо меньше курить. И заучивать стихи на немецком. Или на турецком, потому что я его почти не знаю. Черт побери, где я тут найду турецкие стихи? А вдруг это тот самый Педро или Пабло?...»

— Поехали, Джерико не будет ждать.

— Я вас догоню, — сказал тот, кого звали Пабло, обыскивая убитого. — Вдруг за ними ехали еще какие-нибудь олухи. Так я их задержу. А потом догоню вас.

— Смотри, не заблудись. Уже темнеет, а мы не оставим следов.

— Мне не нужны следы, чтобы найти Джерико. Скажи ему, чтоб не беспокоился за меня.

— По-моему, его беспокоит только то, что нас слишком много. Кому охота делиться со всеми? И если кто-то из нас пропадет по пути, он будет только рад.

— Зря ты так. Джерико не обижает своих. Иди, а то опоздаешь к дележу, — насмешливо сказал Пабло, снимая с убитого ополченца оружейный пояс.

Он перекинул трофейный патронташ через плечо и зашагал вверх, к выходу из оврага. Однако, как только шаги его товарища затихли, остановился, прислушался и вернулся к трупу. На этот раз он занялся мародерством более основательно. Первым делом стянул сапоги: когда ноги окоченеют, обувь не снять. Затем перевернул тело набок и вытряхнул его из куртки. Воротник рубашки оказался залит кровью, и Пабло брезгливо морщился, снимая с шеи убитого цепочку с медальоном. Открыв медальон, он долго всматривался в личико, скрывавшееся под золотой крышкой. Он так увлекся разглядыванием, что и не заметил, как Орлов подкрался сзади. Но когда ствол коснулся его затылка, бандит даже не вздрогнул. Он застыл и выронил медальон.

— Ты можешь пожить еще немного, Пабло Гомес, — сказал капитан по-испански. — А можешь умереть прямо сейчас. Что выбираешь?

«Если сейчас он закричит, что я его с кем-то спутал, брошу курить», — подумал Орлов.

Но бандит не закричал, а только громко сглотнул.

— Если сеньор позволит, я бы еще пожил...

* * *

Может, в сейфе и вправду хранился миллион долларов, да только их еще предстояло

оттуда вынуть. А это — долгая история. Миллион, конечно, штука хорошая, но Пабло Гомес никогда не гнушался лишний раз наклониться за монеткой, блеснувшей под ногами. А в кошельках убитых ополченцев таких монеток было немало.

— Добейте раненых! — приказал Кривой, и его шайка умчалась, догоняя фургон.

А Пабло и Хью Скрипач спустились в овраг. Хью кривился и отворачивался, когда Пабло приставлял раненым револьвер ко лбу. Он аж позеленел, и шатало его, как пьяного. «То-то же, — злорадно думал Пабло. — Одно дело палить из-за кустов, и совсем другое — стрелнуть в упор. А ты бы еще попробовал пырнуть живого человека ножом! Да куда тебе, белоручке...»

Немудрено, что Хью смылся при первой возможности. Оставшись в одиночестве, Пабло даже порадоваться как следует не успел. Тут же появилась какая-то сволочь.

— Значит, не хочешь умирать, Пабло Гомес? — спросил тот, кто давил на его затылок холодным дулом.

— Никто не хочет, сеньор.

— Да, никто. Те парни, что лежат в овраге, они ведь тоже не хотели. Как ты думаешь, что сделают с тобой добропорядочные жители Эль-Пасо? У убитых наверняка остались друзья, а то и братья. Если я сдам тебя маршалу, что тебя ждет? Не уверен, что ты дойдешь до виселицы.

Пабло сразу вспомнил, как жители Сан-Хуана штурмом взяли полицейский участок, чтобы вытащить оттуда и сжечь живьем несчастного ковбоя, который по пьянке подстрелил кого-то из местных. Он даже вспомнил тот мерзкий запах, которым провоняли все улицы городка, когда толпа волочила еще тлеющее тело убийцы по песку.

Добропорядочные жители Эль-Пасо мало чем отличаются от подонков из Сан-Хуана. Может, они не станут бузить, а просто сунут маршалу лишнюю десятку, чтобы тот отвернулся...

Пабло Гомес зябко повел плечами. Ему не хотелось на костер. Однако он тут же сообразил, что никакой костер ему не грозит. Незнакомец не собирается его прикончить. Больше того, он и маршалу его не выдаст. Иначе не затеял бы разговор. Похоже, этому подонку что-то нужно от Пабло. А раз ему что-то нужно, значит, можно и поторговаться.

— Воля ваша, сеньор, а только я ни в чем таком не замешан, — смиренно проговорил Пабло Гомес. — Это все Кривой и его шайка. Это они стреляли. А я только хотел посмотреть, нельзя ли чем помочь раненым.

— Вижу, как ты им помогаешь. Позволь и мне тебе помочь.

Каблук у незнакомца был словно чугунный — получив удар между лопаток, Пабло взвыл и повалился мордой в песок. Он боялся лишний раз шевельнуться, пока тугая веревка обвивала его горло и локти. А потом стальная рука ухватила его за волосы и рывком подняла на ноги.

— Где твоя лошадь?

— Там, — Пабло осторожно мотнул головой, и петля впилась под кадык.

— Пошли.

Со связанными сзади руками было очень трудно взбираться по текучему песку обрыва. Пабло несколько раз упал, а незнакомец стоял наверху и даже не подумал помочь. Помог он ему только тогда, когда отыскиали лошадей — схватил, как мешок с дерьмом и бросил поперек седла.

— Куда ехать?

— Я не знаю, куда вам нужно, сеньор...

— Туда же, куда и тебе. Кажется, ты собирался догнать Джерико?

«Он рехнулся, — подумал Пабло. — Он хочет найти Джерико. Наверно, рассчитывает получить за него большие деньги. И ни с кем не делиться. Что ж, сеньор, я окажу вам огромную услугу. Я попрошу Джерико, чтобы он не убил вас сразу же, а доверил это мне. И уж тогда-то я тебе, сволочь, все припомню: и эту петлю, и каждый пинок. Всё вам зачтется, сеньор!»

— Спускайтесь к дороге, по ней налево, а там я покажу, — прохрипел он.

Но незнакомец не спешил. Он перегрузил на свою лошадь сумки, в которые Пабло складывал то, что успел снять с убитых. Затем неторопливо набил трубку и прилег на песок.

— Я не могу так висеть, — пожаловался Пабло. — Кровь к голове приливает, аж в ушах звенит. Если я умру, вам никто не покажет дорогу к Джерико.

— От тебя и живого-то не много проку, — ответил незнакомец. — Джерико уехал из города на фургоне, так? Следы фургона остались за холмом, так? А ты меня отправляешь совсем в другую сторону, так? Спрашивается, зачем мне такой проводник? Я и сам могу найти Джерико по следам.

Вывернув голову так, чтобы петля чуть слабее впивалась в горло, Пабло сказал:

— Я хотел показать короткий путь. Фургон свернет с дороги, но следы останутся. Потому что там мы приготовили второй фургон, и по его следам вы, сеньор, доберетесь как раз до границы. А Джерико сейчас едет совсем в другую сторону, по старым солончакам, они тверды как гранит, и на них не остается следов. Вам его не найти.

— Второй фургон? Тот самый, который ты украл в Сан-Антонио? И на котором приехал к Родригесам?

«Он всё знает, всё! — ужаснулся Пабло Гомес. — Он знает мое имя, знает про Родригесов! Вот дьявол!»

— Нет, сеньор, что вы! Тот армейский «катерпиллер» мы купили на конном рынке, купили честно, за сто долларов!

— А где сейчас те парни, что были с тобой?

— Ждут в деревне.

— Как их зовут?

— Там Черный и еще один, мы зовем его Англичанином. Но он не наш. Джерико подобрал его по пути сюда.

— Значит, Англичанин?

— Ну, говор у него такой, как у англичан.

— Англичанин...

Незнакомец продолжал спокойно курить, глядя на закат. Когда солнце, наконец, коснулось холмов и расплылось в сияющий овал, он выбил трубку и поднялся на ноги. Порывшись в сумке Гомеса, он вытянул оттуда сложенную белую шляпу. Расправил ее, полюбовался — и вдруг отшвырнул в сторону. Пролетев по дуге, шляпа опустилась на кусты.

— Ну, показывай свой короткий путь.

Спускаясь по склону, этот гад выбросил из сумки еще и бумажник. А когда двигались по дороге, оставил в пыли сержантские часы, которые так нравились Пабло. В общем, пока добрались до солончаков, сумка, набитая трофеями, изрядно похудела.

«Метит путь, сволочь, — думал Пабло. — Хочет навести своих дружков на Джерико? Да нет, просто обозначает для себя обратную дорогу. И не знает, болван, что обратной дороги у него не будет»...

В сгустившейся темноте белое поле солончаков выглядело еще страшнее, чем днем. При свете солнца в мареве на горизонте можно было разглядеть далекие холмы, покрытые кустами, а то и зеленой травой. Жизнь, хоть и далекая, но все же виднелась впереди и давала надежду. А сейчас, под звездным небом, вокруг были только мертвые поля, все в рубцах разломов и трещин, а за ними — чернота, небытие...

— Здесь нельзя останавливаться, — сказал Пабло, заметив, что лошади пошли медленнее. — Присядешь отдохнуть — и уже не вспомнишь, в какую сторону шел. Не останавливайтесь, сеньор, а то пропадем тут...

— Пока на небе светят звезды, заблудиться невозможно, — слышался ненавистный спокойный голос.

Почти всю ночь они шли через солончаки, и на рассвете остановились в камышах. Здесь Пабло наконец-то почувствовал под ногами землю и смог выпрямиться. Но голова

закружилась, ноги подогнулись, и он свалился в колючки.

Незнакомец за шиворот подтащил его к луже. Зачерпнул в пригоршню воду, понюхал, лизнул ладонь.

— Пресная, — сказал он. — Только не выпей все сразу. Я вернусь нескоро. А кроме меня, никто не подаст тебе воды.

— Стойте, сеньор! — Пабло задержался, пытаясь повернуться в его сторону. — Не ходите туда! Вас убьют, тогда и мне конец!

— Ты же не знаешь, куда я иду.

— Там, впереди, река. Вы пойдете вдоль нее, другой дороги нет. И вас убьют. Как убивают любого, кто приближается к Агуа Кальенте с этой стороны.

— Как ты сказал? Агуа Кальенте?

— Да, это деревня, где сейчас прячется Джерико. В нее можно войти, только спустившись с гор. Потому что все, кто приходит с реки — это враги. Так уж там заведено, в этой проклятой деревне. Каждый мужчина обязан отстоять день в засаде. Все, что добудет, достается ему. Но удачные дни — большая редкость. В Кальенте мало кто заглядывает. Только те, кто впервые в этих краях. Не ходите туда, сеньор.

— С гор, говоришь? — Незнакомец из-под руки оглядел горы, уже согретые первыми лучами солнца. Потом достал из сумки лепешку и бросил ее на песок рядом с Пабло. — Я немного задержусь. Но ты не умрешь от голода или жажды. Если заметишь змею, постарайся не дергаться. А если услышишь людей, притворись мертвым. Не вздумай звать их на помощь. Потому что они, скорее всего, помогут тебе примерно так же, как ты помогал раненым. До встречи, Пабло Гомес.

14

Капитану Орлову приходилось бывать в поселках, жители которых стреляли по любому приближающемуся всаднику. Обычно выстрел не приносил никакого вреда — по крайней мере, первый. И обычно одного выстрела было вполне достаточно, чтобы странник выбрал иную дорогу. Таковы были строгие правила этикета в краях, где люди выискивали золотые песчинки в гальке и глине, и где этих песчинок всегда было слишком мало.

Но здесь никто не охотился за золотом. Золото приходило сюда само. Монеты и украшения, одежда и оружие, конская сбруя или хотя бы пачка галет — все это приходило сюда само, потому что эта деревня была местом встреч грабителей и скупщиков краденого.

Капитан знал множество воровских рынков. В Коффивилле торговали угнанным скотом, в Тексаркане заключали сделки по ворованному лесу, насчет крупных партий хлопка можно было договориться под Шривпортом. Орлов, естественно, ничего не покупал, его интересовали цены и конъюнктура. Толкаясь среди маклеров, он и услышал про славное местечко Кальенте, что на юге Техаса. «Если тебя ограбили в дороге, и отняли дедушкины часы, которыми ты так дорожил — не отчаивайся. Поезжай в Кальенте. Там ты выкупишь свои часы, и останешься доволен, особенно, если сумеешь оттуда вернуться».

Да, жители этой деревни имели все основания опасаться чужаков. И капитан Орлов не удивился бы, услышав свист пули над головой. Но Пабло его не обманул. Побродив по горам и спустившись к деревне, капитан вошел в нее живым и невредимым. Потому что с гор сюда спускались только свои.

Вот и крайний дом. «Здесь можно будет укрыться», — подумал капитан. Дом давно покинут жильцами, судя по провалам в заборе. Выбеленная слепая стена, обращенная к дороге. Два забитых окна со стороны улицы, дощатая дверь, заколоченная крест-накрест двумя жердями. Напротив него — каменный колодец с остатками навеса, с воротом, на котором сбилась в одно кольцо истлевшая веревка, и с жесткой щетиной высохшей травы вокруг него.

Впереди, на узкой улице между каменными заборами возились в пыли двое детишек. Заслышав цокот копыт, они подняли головы, с любопытством глядя на пятнистую лошадку.

В заборе со скрипом отворилась калитка, оттуда вынырнула женщина в длинном черном платье. Она подхватила детишек за руки и быстро увела их. Калитка плотно захлопнулась за ней, и на улице не осталось никого.

«Агуа Кальенте, Горячая Вода. Наверно, где-то поблизости есть горячие источники. А может быть, у них тут текут целые реки текилы. Вон сколько агавы по обочинам», — думал Орлов.

Он вел аппалузу по пустой улице, и окна в домах хлопали закрывающимися ставнями. Иногда за забором слышалось предупреждающее ворчание собак — им было лень лаять на жару.

Улица свернула вправо, и Орлов увидел впереди таверну с крытой верандой и парой пустых столиков под навесом. На другой стороне улицы высилась конюшня с крутой крышей, сохранившей следы зеленой краски. Дверь таверны со скрипом отворилась, и на пороге появился пузатый мексиканец в черном сомбреро. Патронные ленты крест-накрест пересекали его грудь, а на поясе висели две кобуры.

Звения шпорами, мексиканец спустился с крыльца и остановился под навесом, не спуская глаз с пришельца. Он стоял, засунув большие пальцы за пояс, и под тенью шляпы поблескивали его прищуренные глаза.

Капитан Орлов остановился перед конюшней и заглянул внутрь через широкие ворота. Застоявшийся запах сена, кожи и лошадей напомнил ему, что он давно уже не отдыхал, да и аппалузе не мешало хотя бы на пару часов избавиться от седла. Все стойла были свободны, лишь в самом дальнем стояла вороная кобыла.

Из открытой боковой двери конюшни выглянул еще один мексиканец — с длинными стоячими усами.

— Буэнас диас, — приветствовал его капитан, полагая, что это хозяин конюшни. — Найдется место для моей лошади?

— Если лошадь смиренная, то ей всегда найдется место, — неприветливо пробурчал Длинный Ус. — Ставь рядом с черной.

Орлов завел аппалузу внутрь, краем глаза следя за воинственным толстяком на крыльце таверны. Тот тоже следил за ним. Как только капитан повернулся к нему, из-под сомбреро вылетел длинный плевок и раздался хриплый голос:

— Какой хозяин, такая и лошадь. А только смотрю я, лошадь мирная, а хозяин обвешан оружием.

— Привычка такая, — спокойно ответил Орлов.

— Привычка? Так и спишь, с винтовкой в обнимку?

Капитан не счел нужным поддерживать беседу и принялся снимать седло. Лошадь его и в самом деле была спокойной, но сейчас она неприязненно косилась в угол стойла. Орлов подумал, что там могла притаиться и змея, скрываясь от жары. Он вынул из чехла карабин и стволом поворошил слежавшуюся траву. В траве зашуршало, и из стойла выскочила бурая крыса с длинным голым хвостом. Аппалуза попыталась наступить на нее, но крыса юркнула между досками, метнулась на улицу и вприпрыжку побежала вдоль стены конюшни.

— Не люблю я этих тварей! — прорычал воинственный мексиканец и схватился за кольт.

Но Орлов первым нажал на спуск карабина. Крыса подпрыгнула на полметра вверх, шлепнулась на землю и понеслась еще быстрее, но уже без хвоста.

— Ну и стрелок, — мексиканец снова сплюнул, продемонстрировав удивительную дальноточность. Его револьвер, описав немыслимый вентель, вернулся в кобуру. — Тебе не мешало бы поучиться. Это ж надо — с трех шагов не попасть по крысе!

Орлов спокойно вложил винчестер в чехол, похлопал лошадь по загривку и вышел из конюшни.

— Крыса не сделала нам ничего плохого, — заметил он. — За что же ее убивать? А без хвоста ей будет даже легче.

— Какого хвоста?

— Да вон того, — капитан навел кольт и выстрелил. У самого порога конюшни в облачке пыли разлетелись в стороны две половинки крысиного хвоста.

Он повернулся к собеседнику. Только чтобы убедиться, что тот его правильно понял. Но собеседника на крыльце уже не было. Значит, он все понял даже более правильно, чем рассчитывал капитан.

— Э, хватит вам палить, сеньор! — попросил хозяин конюшни. — Или вы такой же любитель стрельбы, как наш Санчо? У него патронов много, весь подвал забит, вот он и пристаёт ко всем.

— Это может плохо кончиться.

— Да нет, он не задира. Санчо — спорщик. Считает себя самым лучшим стрелком по эту сторону Рио-Гранде. Ну, и затевает пари с любым, кто проходит мимо. Стреляют по бутылкам, по игральным картам, да по всему стреляют.

— И что, он всегда выигрывает?

— Это как посчитать, — усмехнулся Длинный Ус. — Патроны-то они тратят, а он им тут же новые предлагает, по дешевке. Так торговля и движется. Да меня это не касается, но вот лошади... Ваша-то индейская лошадка спокойная, но вороная может испугаться.

— Не испугается. Она привыкла слышать выстрелы, — заявил Орлов, потому что он уже узнал эту кобылу по седой полоске на горле.

Это была лошадь Шона Прайса.

Сам рейнджер со скучающим видом сидел в таверне за пустым столом. Орлов, подойдя к стойке, проговорил, глядя в другую сторону:

— Ну и дыра...

— Ну что вы, сеньор, это отнюдь не захолустье, — звучным голосом лектора сказал Шон Прайс, как только у стойки появился человек в сером фартуке поверх клетчатой рубашки. — Еще при испанцах тут была старинная почтовая станция, здесь проходила очень оживленная дорога, и по праздникам тут работала ярмарка. В шестидесятые годы, во время Реконструкции, переселенцы с Восточного побережья останавливались в Кальенте перед тем, как отправиться строить свои фермы. Одно время, говорят, в округе процветали скотоводы. Но все изменила железная дорога. Она отрезала Кальенте от пастбищ. И постепенно переселенцы отсюда убрались, а остались только аборигены. Эй, любезный, вы там не забыли, что я заказывал бобы?

Орлов оглядел заведение. Дощатые столы, за которыми давно уже не сидели пьяные ковбои. Пыльные бутылки на полках бара, по которым давно уже никто не запускал табуреткой. Белые пришли, белые ушли. Мексиканцы остались. Белые ушли дальше на запад. Они уйдут и с запада. А мексиканцы останутся. Мексиканцам нечего искать в этой жизни. Они привыкли принимать ее такой, какой получили. А белым переселенцам все не сидится на месте. Все им надо искать чего-то...

Таверна еще хранила следы белого человека. По крайней мере, о вкусах прежних обитателей Кальенте наглядно свидетельствовали прищипленные к стенам пожелтевшие картинки из почтовых каталогов с рекламой корсетов. Вряд ли эти суровые люди нуждались в корсетах. Гораздо больше нуждались они в счастливых обладательницах этих корсетов фирмы «Триумф».

Он оперся локтями о стойку и сказал:

— Амиго, я видел во дворе куриный помет. Но не заметил даже цыпленка. Вы попрятали всех кур перед моим приходом?

— Куры и сами прячутся перед приходом чужаков, — ухмыльнулся хозяин таверны. — Знают, чем это для них может кончиться. Но у меня как раз поспели бобы. И есть окорок. Если все это запить текилой, ты перестанешь мечтать о курице.

— Сколько надо прожить тут, чтобы куры перестали от меня прятаться?

— Зависит от толщины твоего кошелька. Ну, так что? Бобы, окорок, текила?

— И стакан воды для начала, — попросил Орлов и сел за дальний стол спиной к Прайсу.

* * *

Шон Прайс дождался, наконец, давно обещанных бобов. Он тщательно протер вилку своим носовым платком и приступил к трапезе.

Чтобы правильно приготовить тушеные бобы, их надо предварительно замочить хотя бы на пару часов. Это не отражается на их вкусе, но избавляет едока от малоприятных последствий. Впрочем, наверно, здесь не обращали внимания на такие пустяки, как вздутие живота. Ладно, с этим еще можно смириться. А вот отсутствие красного вина, которое следовало добавить при тушении, было весьма ощутимо. И морковь здесь резали крупной соломкой, а Шон привык, чтобы горку бобов украшали сверху полупрозрачные янтарные монетки тушеной моркови.

Зато местный кулинар не поскупился на копченый шпик, лук и перец. Особенно на перец. Шон Прайс с наслаждением отпил ледяной воды из запотевшего стакана.

Русский тоже пил воду и с завистью поглядывал на тарелку Шона. Когда же и ему принесли еду, он справился с ней быстрее, чем Прайс, и первым вышел из таверны.

Присев на корточки в тени забора, он принялся набивать трубку. Шон Прайс бросил монету на стол и тоже вышел.

— Не угостишь табачком, земляк?

Русский кинул ему кисет. Прайс присел рядом, сворачивая самокрутку.

— Как ты нашел это место? — спросил он негромко.

— Нанял проводника. А ты?

— А мне проводник не нужен.

— Они взяли сейф.

— Я так и понял.

Русский поднес горящую спичку:

— Я пометил дорогу. Может быть, через пару дней сюда придут рейнджеры.

— Если и придут, то не сюда. Они сообразят, что надо обложить деревню и ждать в засадах, — сказал Шон Прайс. — Рано или поздно банда уйдет отсюда. Тогда ее и возьмут.

— Что ты намерен делать?

— Дождусь темноты и смоюсь. А ты?

— А я еще тут побуду. Но зачем ждать темноты?

— Днем тебя далеко не отпустят. Кальенте — это Кальенте.

Шон Прайс встал, растирая затекшее колено, и сказал чуть громче:

— Я остановился тут, в таверне.

— А я устроюсь на постоялом дворе.

— Если захочешь перекинуться в картишки, приходи. Здесь ты не найдешь других партнеров.

Он поднялся в свою комнатку и устроился у окна, отодвинув грязную занавеску так, чтобы можно было незаметно наблюдать за подходами к таверне.

До Агуа Кальенте Шон Прайс добрался в начале ночи, и здесь его ждала награда — он едва не столкнулся с бандой, которая вошла в поселок чуть раньше него. Бандитов встречал кто-то из местных. Шон двигался за кавалькадой, держась на приличном расстоянии. Когда же вся орава свернула за конюшню, на улице остался стоять какой-то хмырь с винтовкой. Шону пришлось остановиться у таверны и заночевать тут.

Он видел, что с фургоном в поселок вошли не меньше дюжины всадников. В темноте нельзя было разглядеть лиц. Сколько он ни вслушивался, в доносящихся фразах не было ни имен, ни кличек. Но Шон чувствовал, что попал на верный след. Чтобы убедиться в этом, надо просто дождаться рассвета. Сам Джерико слишком осторожен, чтобы шататься по улицам. Но его люди не усидят на месте. Кто-нибудь обязательно заглянет сюда, на окраину. Шон был уверен, что сможет опознать хотя бы одного из бандитов — а где один, там и все остальные...

Он с досадой вспомнил, как точно так же был уверен, что сможет проследить за самим Джерико. Возможно, если бы он сразу отправился в Эль-Пасо, всё вышло бы иначе.

Да он бы и отправился, если бы не гордость. Рейнджер не мог признать свою ошибку в споре с каким-то хлеботорговцем. И теперь его разбирала злость — русский снова его обскакал!

Чего ему надо здесь? Неужели он не понимает, что залез в берлогу к медведю? Хорошо, если медведь спит — а если проснется?

Нет, Джерико опаснее медведя. Поступки зверя можно предвидеть. Зверь охотится, когда голоден, и спит, когда насытится. Джерико ненасытен. И непредсказуем. Кстати, кто сказал, что он находится здесь? Разве не мог он оторваться от банды и затаиться где-нибудь по дороге?

«Нет, не мог, — усмехнулся Шон Прайс. — Он не мог оторваться от сейфа, под завязку набитого деньгами. И не уйдет отсюда, пока не погрузит свои руки в эти деньги. У меня есть время, чтобы его найти. Хорошо, что русский тоже нашел сюда дорогу. Вдвоем мы справимся быстрее».

Шон спустился в таверну.

— Где тут можно разжиться кое-каким барахлишком? — спросил он у хозяина.

— Если у тебя в кармане бренчат монеты, смело стучи в любые ворота и говори, чего тебе надо. Тебе не придется уйти слишком далеко в своих поисках. Кстати, чего тебе надо?

— Патроны «сорок четыре на тридцать», пару коробок.

— У меня есть немного, но не в коробках, а россыпью. И вперемешку с другими калибрами. Будешь выбирать? Или пройдешься по улице?

Шон предпочитал покупать патроны в коробках. Те, что предлагал ему трактирщик, наверняка сменили уже не один патронташ, да и хранились черт знает в каких условиях. Но если их много, то всегда можно выбрать те, что хотя бы на вид понадежнее. Это лучше, чем бродить по деревне.

— Показывай свои россыпи, — сказал он.

Недолго поторговавшись, он заполнил пустые ячейки в оружейном поясе и набил патронами карманы сюртука. Теперь Шон чувствовал себя спокойнее.

Трактирщик тоже был весьма доволен сделкой. Расправив мятую банкноту, он спрятал ее под фартук и спросил:

— Что-нибудь еще? Ты не смотри, что моя лавочка работает без вывески. Главное, что работает. А вывески — они хороши только в городе. Сам прикинь, кому понравится, если я напишу на своем доме: «Патроны, порох, динамит». Соседи вмиг разбегутся, верно?

— А что, есть и динамит?

— Бывает. Если заказать. Тебе надо?

— Я уже заказал в другом месте, — солидно сказал Прайс, чтобы прекратить разговор.

Но трактирщик не унимался.

— Порох имеется отличный. Будешь брать?

— Не сейчас.

— Понимаю. Хочешь посмотреть у других? Боишься переплатить? Имей в виду, у меня товар не залеживается.

Трактирщик задвинул мешок с патронами под стойку и вышел навстречу новому посетителю.

Шон Прайс отвернулся к стене, сосредоточенно разглядывая рекламу корсетов. Ему достаточно было одного беглого взгляда, чтобы опознать вошедшего. То был Индус из шайки Джерико.

Генри «Индус» Бланк когда-то разыскивался всего лишь за подделку векселя. Кто бы узнал сейчас невзрачного беглого клерка в этом плешивом головорезе? Годы, проведенные в шайке, пополнили его список преступлений. Те, кто выжил в ограбленных дилижансах, в один голос заявляли, что Индус — первейший помощник самого Джерико — лично расстреливает пленников. Сейчас за Бланком числилось по меньшей мере семь убийств

первой степени, не говоря о грабежах.

«Заманить бы его к себе в комнату, — подумал Шон Прайс. — Скрутить и провести допрос по всем правилам».

Если бы они были не в Кальенте, а в любой другой деревне, он бы именно так и поступил. Но здесь было бандитское царство. И, арестовав Индуса, Прайс не ушел бы отсюда живым.

— Привет, Генри! — трактирщик сиял так, будто встретил родного брата после сорокалетней разлуки.

Индус цыкнул на него и мотнул головой, отзывая в угол таверны. Там они пошептались о чем-то, и бандит ушел, сердито отпихнув ногой скамейку.

— Не состоялась сделка? — насмешливо спросил Шон Прайс.

— Не беда. Видал? — в голосе трактирщика звучала неподдельная гордость. — Со всего Техаса люди едут сюда, если им что-то нужно. Генри мой давний клиент. Он живет в Сан-Антонио, а как понадобился динамит, так живо про Кальенте вспомнил!

— Ему нужен динамит? Что ж, я могу ему помочь, — спокойно сказал Прайс, сам удивляясь своим словам. — Один парень должен привезти мне динамит. Он — надежный поставщик. Я могу свести его с твоим Генри.

— Сведи его со мной, я куплю не торгуясь!

— Ага, а потом перепродашь вдвое дороже.

— Ну и что? Ты все равно не останешься внакладе! К тому же Генри не станет иметь дело с чужаками. Нет, амиго, без меня ты не продашь ему даже пустую гильзу!

Трактирщик, размахивая руками, принялся убеждать Прайса в выгоды своего предложения, но рейнджер уже не слышал его. У него появился шанс выйти на самого Джерико. А такой шанс бывает раз в жизни.

* * *

Он постучал сначала кулаком, потом ногой.

— Чего надо? — послышалось из-за закрытых высоких ворот.

— Примите на постой!

— Иди дальше.

Капитан Орлов оглядел улицу и снова забарабанил по воротам.

Загремела цепь, и створка отодвинулась ровно настолько, чтобы в ней показался блестящий черный глаз. А под ним Орлов увидел дуло сорок пятого калибра.

— Чего шумишь?

— Это постоянный двор? — спросил он.

— Смотря для кого.

— Я друг Пабло Гомеса.

— Не знаю никакого Пабло Гомеса. Иди дальше.

Ворота снова захлопнулись, и снова загремела цепь, которую наматывали на засов.

— Тысяча чертей! По-твоему, я должен ночевать под забором?

— За поворотом — дом с дырявой крышей. Там живет Бланкита. Она пускает к себе таких, как ты.

Увидев хозяйку дома с дырявой крышей, Орлов по достоинству оценил тонкий юмор, скрытый в этой кличке, «Бланкита»⁷ — перед ним стояла пожилая негритянка.

— Добрый день, сеньора. Мне бы переночевать...

Он спросил на испанском, но она ответила по-английски:

— Деньги есть? Или расплатишься товаром?

Деньги у него были. Но капитан знал, что здесь их лучше не показывать, и сказал,

⁷ Бланкита — примерно то же, что Белоснежка

раскрывая сумку:

— Смотри, какой костюмчик! А в придачу — башмаки.

Одежда, купленная для ротмистра Бурко, понравилась негритянке. Она расправила смятый сюртук, посмотрела его на свет и удовлетворенно хмыкнула:

— Да тут бирка! Я ожидала вместо нее увидеть дырку от пули. А вещь-то неношенная. Что ж, мистер, можешь ночевать у меня неделю. Есть будешь то же самое, что и я. Не понравится, катись в таверну.

— Понравится, я не привередливый.

— Тогда заходи.

Она провела его в угловую комнату, запертую на висячий замок.

— Сюда я пускаю только приличных гостей. Для мексиканцев и ковбоев всегда найдется место на постоялом дворе.

— Да? — Орлов оглядел уютную комнату с распятием на одной стене и ружьем на другой. — А вот меня туда не пустили.

— Сегодня туда никого не пустят. Там что-то стряслось. Внучка прибежала оттуда ночью, едва живая от страха, до сих пор трясется.

— Что рассказывает?

— Ничего. А я и не спрашиваю. — Негритянка пожала плечами. — Как тебя называть?

— Я Пол.

— А я — тетушка Анита. Где ты оставил лошадь, в конюшне?

— В конюшне.

— Сейчас же иди за ней. Поставишь у меня во дворе, целее будет. Считай, что эти башмаки я возьму за прокорм. — Она поднесла ботинки к носу и понюхала их. — Давно не видала я таких новеньких вещей.

Орлов показал на ружье:

— Для красоты висит?

— Не заряженное. Но на ночь я дам тебе патронов, чтоб ты спал спокойнее.

— Я не жалуюсь на бессонницу, — сказал он, ставя у изголовья свой винчестер.

— Значит, спишь крепко? Тогда заряди мой дробовик заранее, чтобы не метаться спросонок. — Она подняла и снова опустила нижнюю створку окна. — Открывается легко, сам видишь. Не разбей, стекол у меня больше нет. И если захочешь пострелять, не хватайся за винчестер. Ночью нет ничего лучше картечи, уж ты поверь старухе. А сейчас шагай за лошадью, пока ее там не накормили какой-нибудь отравой.

Он с легким сердцем оставил в комнате свои сумки. Таких старушек Орлов часто встречал, скитаясь по Западу. В самом диком захолустье они ухитрялись создавать вокруг себя оазисы уюта, надежности, спокойствия. Он не сомневался, что к его возвращению кровать будет застлана чистым бельем, а на столе появится кувшин со свежей водой, и завтрак будет вкусным, хоть и немудреным...

Подходя к конюшне, он услышал выстрелы и остановился. Нет, это не бой, не перестрелка. Каждый револьверный хлопок сопровождался возгласами — кто-то смеялся, а кто-то ругался. Орлов вышел из-за угла и, протолкавшись сквозь редкую толпу, увидел своего недавнего знакомого — пузатого мексиканца в сомбреро. Он крутил на пальце револьвер и шипел, посылая небесам проклятия.

Рядом с ним стоял, перезаряжая кольт и посмеиваясь, человек, сначала показавшийся капитану одноглазым. Когда тот поднял голову и смахнул грязную челку со лба, оказалось, что второй глаз у него на месте, только все время прищурен.

— Еще! — потребовал кривой, повернувшись к таверне.

Трактирщик сошел с крыльца, вытирая пустую бутылку фартуком.

— Эта — последняя, — проворчал он. — Сегодня я не продал еще ни одной бутылки вина. Вы бы, парни, сначала выпили, а потом соревновались. А то как-то нехорошо получается...

— Я сам знаю, когда пить, а когда стрелять, — оборвал его кривой. — Ты знай кидай.

Проигравший рассчитается за все.

— Кидай повыше! — сердито добавил мексиканец.

— Ну, как хотите...

Трактирщик вздохнул, в последний раз тоскливо оглядел бутылку и подбросил ее в воздух. Она взлетела, кувыряясь и поблескивая. Два выстрела прогремели почти одновременно, и дождь осколков посыпался на землю.

— Я! — радостно выкрикнул кривой.

— Нет, я! — захохотал мексиканец. — В этот раз я тебя опередил!

— Вранье! Все видели, что я попал первым!

— Сам ты врешь!

Кривой вдруг перестал улыбаться и спросил холодно:

— Мне это слышалось? Ты сказал, что я вру?

— Ты первый сказал! — насупился мексиканец.

Немногочисленные зрители притихли и как-то сразу стали расступаться, прижимаясь к стенам и забору. В воздухе пахло порохом, но только теперь все вспомнили, что это запах смерти. Трактирщик, пятясь к таверне, с мольбой глянул на капитана Орлова, который стоял возле конюшни, наблюдая за происходящим. Спор мог закончиться весьма печально, особенно для трактирщика — после дуэли проигравший не станет покупать вино.

— Есть простой способ выявить победителя, — сказал Орлов, и спорщики повернулись к нему. — Встаньте друг против друга, и пусть бутылку подбросят в воздух между вами. На чью сторону упадут осколки, тот и проиграл.

— Неглупо, — сказал кто-то у него за спиной.

Он оглянулся и увидел невысокого смуглого мужчину в замшевой куртке. Тот улыбнулся, сверкнув мелкими зубами, и добавил:

— Ты, друг, сам это придумал?

— Нет, друг, — улыбнулся Орлов в ответ. — Я слышал, что примерно так решают споры апачи.

— Индейцы не такие идиоты, чтобы тратить патроны попусту. Но ты прав. Только они не стреляют, а кидаются дубинками.

— Не собираюсь кидаться дубинками, — процедил сквозь зубы Кривой. — Я не краснокожий. И если кто-то называет меня лжецом, я отвечаю ему пулей.

— Твое право. Но я ничего такого не слышал. Кто-нибудь слышал? — Смуглый встал между спорщиками и быстро оглядел поредевшую толпу. — Вот, никто не слышал. Давайте решим наш спор, джентльмены, приготовьте ваши стволы, я сам кину бутылку между вами. Эй, вина мне, да самого лучшего!

— Сию минуту, сеньор Джерико!

Трактирщик метнулся к буфету, а капитан Орлов шагнул назад и прижался спиной к дощатой стене конюшни, чтобы унять дрожь. Его просто затрясло, едва он понял, с кем так дружески беседовал только что.

Капитану некогда было разбираться в той мешанине эмоций, которые нахлынули на него, однако все же самым острым и четким было чувство радости. Не гнев, что было бы понятно. Не страх, что еще понятнее. Нет, сильнее всего он чувствовал именно радость.

Не зря он сюда рвался, не зря. Вот он, враг — рукой можно дотянуться. Нет для солдата большей радости, чем, наконец, увидеть врага, который так долго оставался невидимым. Увидеть, чтобы убить.

Да он бы и убил его сразу, и положил бы всех, кто был рядом, не задумываясь. На это ушло бы несколько мгновений. А потом — вот стоит чей-то оседланный конь, вот дорога, и ищи ветра в поле! Ему показалось, что где-то рядом прозвучал глуховатый голос барона, и Конрад добавил что-то насмешливое, и баронесса с дочкой стояли рядом с ними и смотрели на капитана, который уже был готов пристрелить их убийцу. Они были для него самыми близкими людьми на этой земле — но какой-то подонок убил их. Так почему он еще не казнен?

«Успеется», — сказал себе капитан Орлов, продолжая улыбаться. Он скрестил руки на груди, чтобы невзначай не схватиться за кольт. Успеется. Всему свое время. Сначала надо вытащить ротмистра, который где-то здесь, рядом. Похоже, что на постоялом дворе. За высоким забором можно было спрятать не один фургон, и не одного пленника мог приютить подвал...

— Готовы? — спросил Джерико.

Кривой и мексиканец стояли на дороге, в десяти шагах, и не сводили глаз с пыльной бутылки в руках Джерико. А тот зубами выдернул пробку и, задрав голову, плеснул алую струю себе в горло.

— Кислятина, — поморщился Джерико и вытер губы рукавом. — Так вы готовы? Э, нет, стволы вниз! В землю, я сказал!

Спорщики нехотя опустили револьверы.

— А теперь...

Джерико пригнулся так, что бутылка почти коснулась земли, а потом резко распрямился, вскинув руку. Роняя крупные капли, бутылка взлетела выше крыши. Прогрели выстрелы, и она взорвалась в воздухе, и алые струи хлынули вниз.

Кто-то засвистел, а кто-то ахнул. Кривой обтер вино с лица и стряхнул стеклянные осколки с головы. Потом обвел толпу тяжелым взглядом и спросил:

— Кто еще хочет поспорить?

Мексиканец лежал в пыли, и на его белой сорочке тоже расплывалось красное пятно. Но это была кровь, а не вино.

Односельчане окружили неудачливого спорщика — и тут же отпрянули, крестясь и бормоча.

— Убит, — выдохнули все разом.

— Вот так, — улыбнулся Джерико, обнимая Кривого за плечо. — А если бы вы кидались дубинками, этот бедняга остался бы в живых. Нет, что ни говори, а апачи все же не дураки.

15

Джерико хорошо знал апачей. Слишком хорошо.

Фредди Гривсу было десять лет, когда индейцы напали на ферму, где жила его семья. Перестрелка была короткой, работники и родственники, метавшиеся по двору, очень скоро затихли в разных углах, а из их спин торчали стрелы с лохматым оперением. Такая же стрела пробила грудь его матери. Ей повезло — она умерла сразу и не досталась индейцам.

Нападение не было неожиданным. О бандах апачей в то лето говорили чуть не каждый день, и мужчины не расставались с оружием. Даже у Фредди был свой пистолет — тяжелый, заряжавшийся с дула. Отец научил его стрелять, и порой они вместе выходили в степь, чтобы подбить пару куропаток. Да, Фредди умел стрелять, но когда напали апачи, он как-то забыл о своем умении. Он забился в собачью конуру, и все видел оттуда. На его глазах раненого отца связали и подвесили головой вниз на задранной оглобле фургона, а под ним развели костер. Самого Фредди выволокли из конуры, связали и бросили в мешок. Апачи сожгли ферму, уведя с собой волов, мулов, овец, и унося в мешке белого мальчишку.

Он думал, что они его съедят.

Но белый мальчишка был нужен для другого. В клане Мескальеро не хватало мужчин. Молодые индейцы, найдя себе жену из другого клана, уходили в семью жены. А пойманный чужак, если доживет до зрелости, останется в семье, женится на девушке из семьи, а потом еще и пособит ей нарожать новых воинов для семьи.

Так Фредди Гривс превратился в Джерико.

Семь лет он жил в племени, в горном хвойном лесу. Ему тяжело давались многие навыки, естественные для апачей. Например, он так и не стал хорошим следопытом. У него не хватало терпения ощупывать взглядом каждый клочок земли, чтобы увидеть след. И даже

когда он видел примятые травинки или пятно на камне, или волосок на коре, он думал, что это просто травинка, пятно, волосок, и не понимал, что это и есть след. Наездник из него тоже не получился, но в этом он был настоящий апач, потому что они с лошадьми не ладили. Конину апачи любили даже больше мяса мулов, но наездники они были никудышные. Зато он живо освоил стрельбу из лука и не промахивался ни по взлетающей утке, ни по белке среди ветвей.

А еще, как настоящий апач, Джерико стал азартным игроком. Вот здесь он даже превзошел своих воспитателей. У каждого мужчины был свой кожаный мешочек с мечеными палочками, которые служили им для несложной, но захватывающей игры: двое одновременно вытаскивали, не глядя, по палочке из своего мешка, и чья метка была *главнее*, тот и забирал обе палочки. Тот, кто проиграл весь мешочек, мог выкупить его обратно, отдав победителю что-нибудь из своего имущества. Такой мешочек завелся и у Джерико, когда его признали взрослым — по волосам на лобке. Но тупо вытаскивать палочки ему быстро надоело, и он полюбил другую игру.

Участники становились на разных краях поляны, между ними в землю неглубоко вбивалась длинная жердочка, а у ног каждого соперника лежала дубинка. По сигналу надо было метнуть дубинку так, чтобы жердочка свалилась в сторону противника.

В этой игре Джерико был непобедим, потому что у него были свои секреты. Апачи с простодушной хитростью клали дубинку перед собой, чтобы в момент броска оказаться ближе к мишени. А Джерико, наоборот, стоял чуть впереди своей дубинки — наклонившись за ней, он уже не тратил время на замах. А второй секрет был в том, что он не напрягался, ожидая сигнала. Он лишь следил за противником. И как только тот делал первое движение, все тело Джерико просто взрывалось в броске. И оставалось лишь не промахнуться.

Ему иногда приходила в голову мысль о побеге из племени, но это было слишком сложно и опасно, да и что ему было делать среди белых? В конце концов белые всё сделали за него. Ему было семнадцать, когда в племя забрел торговец и рассказал, что в стране белых идет война, многие ранчо остались без хозяев, стада разбредаются, а опустевшие дома заносит песком. Молодые апачи загорелись желанием посетить эти края, пока там еще не все разворовали команчи и кайова. Старики были против, но молодежь имела право на вольную охоту.

Джерико вместе со сверстниками пересек Рио-Гранде, и там их радужные планы рухнули раньше, чем зашло солнце. Оказывается, о войне здесь никто и не слышал, и на каждом ранчо хватало вооруженных мужчин. Пара неудачных налетов, потерянные друзья, первое ранение, второе... Когда у самой реки отступающие индейцы натолкнулись на отряд рейнджеров, Джерико свалился с коня и прикинулся мертвым. Бой откатился за холмы, а Джерико отполз в заросли ивняка. Он догадался украсть одежду на первой попавшейся ферме и забраться подальше от границы. Ковбои, перегонявшие стадо на север, приняли его в свою команду, и он дошел с ними до Оклахомы, а там сбежал.

За семь лет он не забыл адрес, по которому жил один из братьев его отца — Оклахома, поселок у моста через Симаррон. Дядя принял его как ни в чем ни бывало и тут же отправил на ранчо, забивать телят. С тех пор руки Джерико не отмыть от крови.

Там, на дядином ранчо, началась у него новая жизнь. Никто не признавал его своим. Для белых он был «индейцем», они смеялись над его акцентом и привычками. Только самые несмышлениши-карапузы играли с ним, и он делал для них луки со стрелами и запускал змеев. Но дети постарше уже чурались его. Сопливые мальчишки смеялись над тем, как он держится в седле. Ни одна шлюха не соглашалась даже посидеть рядом с ним на лавочке. Для ковбоев-мексиканцев он был «гринго», к тому же безродным. Потомки испанских грандов очень ценили родословную, а Джерико не был даже хозяйским выблядком.

Но он терпел все. Он умел терпеть, притворяясь, что ничего не слышит, не замечает, не понимает. Иногда он вспоминал свою прошлую жизнь, особенно когда мимо него, смеясь, проходили женщины. Их голоса, их запах, колыхание юбок — все это заставляло его возвращаться мыслями в *свое племя*. Он думал, что, если бы не покинул клан Мескальеро,

сейчас у него уже была бы своя женщина. И странное дело, он почти никогда не вспоминал о гибели своих родителей, а если и вспоминал, то без боли и страха. Он словно забыл о том, что их убили индейцы. И ему даже стало казаться, что не индейцы, а дядя Натаниэль виновен в их гибели. Почему он не пригласил брата к себе, в мирную Оклахому, когда тот решил перебраться из Нью-Йорка в дикий край апачей? А отец и не поехал бы к нему, сам себе отвечал Джерико. Отец не захотел жить под одной крышей со своим братцем, потому что братец был кровосос и живоглот, скряга и хапуга.

Десять лет Джерико исправно гнул спину на свою родню, пока в дядином доме не случился страшный пожар. Кто-то сказал, что приبلудного племянничка видели возле дома за минуту до того, как полыхнуло пламя. Помощник шерифа нашел его в сарайчике при бойне, где Джерико жил все эти десять лет. Он играл в карты с двумя другими резниками, Пабло и Уолли. Помощник шерифа неправильно повел себя, и Джерико вспылел. Его топорик рассек помощнику шерифа череп пополам. Пабло подсказал, что ранчо придется поджечь. А Уолли знал дорогу к одной надежной деревушке. Там нашлись отчаянные парни, которые быстро признали Джерико за главаря и которым, как и ему, не хотелось прозябать в нищете...

Им казалось, что вырваться из нищеты легко, надо только набраться смелости и отнять деньги у богачеев. Да только ничего из этого не вышло. Ему иногда было стыдно вспоминать всё, что он творил раньше. Кровь, крики, мольбы о пощаде — что осталось после всего этого? Кто-то ворует миллионы и живет припеваючи, а кто-то всю жизнь не сможет отмыться от крови, и при этом останется нищим, сколько бы золота ни пронеслось через его руки.

Богачи остаются богачами, даже если их убивают. Поначалу Джерико не мог понять, почему Уолли, хладнокровный Уолли, срывал одежду с убитых. Бандиты все равно не забирали это тряпье с собой. Скупщики краденого получали от Джерико только украшения, а с одеждой не стоило возиться. Но Уолли срывал эти сюртуки английского сукна, эти глянцевого шелковые сорочки, — срывал, потому что ему невыносимо было видеть, что убитый хоть в чем-то сохраняет превосходство над ним.

И все-таки даже без одежды труп богача оставался трупом богача. Сдирать с них ненавистную белую гладкую кожу Уолли не мог, и его продолжало терзать унижительное бессилие перед устоявшимся порядком вещей.

«Ну и что? Что осталось у меня после стольких лет беспутной опасной жизни?» — спрашивал себя Джерико. Ничего не осталось, кроме нескольких верных друзей да старого кольта.

«Надо жить по-другому, — думал он иногда. — Надо хапнуть побольше денег и не растратить их сразу же. Их надо пустить в оборот. Такое сейчас время. Время процветания и роста. Все только об этом и говорят. Все делают деньги, но для начала их надо найти, эти самые деньги. Найти, или отнять, или украсть. А как иначе? Ведь деньги не растут на дереве и не водятся в речке, и сколько ни копайся в земле, денег там не найдешь».

Он мечтал о Нью-Йорке. Джерико никогда там не был, но в памяти сохранились рассказы отца об этом чудесном городе. Семья Гривсов почему-то не смогла там прижиться. Наверно, просто не хватало денег. Но Фредди Гривс — он другой. Он сможет покорить Нью-Йорк...

В мечтах ему рисовалось что-то в южном стиле.

У него будет огромный дом. Особняк с высокой чугунной оградой. В окнах будут цветные стекла, как в католическом соборе в Мемфисе. Две дюжины негров будут сдвигать каждую пылинку с ковров и роскошной мебели. Повар-француз будет каждый день готовить ему новые блюда. Красавица жена — дочь графа или банкира — будет мыть ему ноги перед сном. Раз в день он будет в шикарной карете объезжать свои плантации, и негры будут кланяться ему, как в старое время.

И вот теперь эти мечты должны исполниться. Деньги лежат рядом, за железной дверцей....

Но тот, кто должен был открыть для него эту дверцу — исчез.

Хозяин притона заикался от страха и растерянно оглядывался, будто надеялся заметить беглеца среди хлама, которым был завален двор. «Не иначе как ночью, — все приговаривал он. — Днем-то мы за ним присматривали, глаз не сводили, а ночью его ваши люди караулили, сеньор, ваши люди, а не мы, ночью...»

Джерико глянул на него так, что тот замолчал на полуслове и посерел лицом, чуя близкую гибель.

Уолли уже замахнулся дубинкой, но Джерико его остановил. Хозяин притона, конечно, провинился, но какой прок от его смерти? Кого непременно следовало бы казнить, так это Черного. Пусть только появится, пусть только вернется из отлучки...

Но Черный не появился наутро, и стало ясно, что он спрятался где-то в деревне: его лошадь, его оружие и его вещи остались на месте.

— Мы найдем его, — заверил Индус. — Просто пройдемся по Кальенте, и даже спрашивать ничего не будем. Жители сами подскажут, у кого он залег.

— Нет, — сказал Джерико. — Поспрашивать все-таки придется. Пройдите по всем дворам и спросите, нет ли у кого-нибудь динамита. Нам нужен динамит, чтобы открыть сейф.

— Не знаю, не знаю, — протянул Индус. — Хочешь взорвать? А если деньги загорятся? Такое иногда случается.

— Все не сгорят, — не очень уверенно ответил Джерико. — Их там много, успеем погасить. К тому же там лежат монеты. Золотые монеты, которым не страшен огонь.

— Не знаю, не знаю. Мы никогда этого не делали. Ни я, ни Канисеро, никто из нас не знает, как взламывать сейфы.

— А я знаю, — отрезал Джерико.

Банда разошлась по деревне с тем, чтобы примерно через час собраться возле таверны на окраине. Сам Джерико не заходил в чужие дворы, он просто ждал в тени забора, пока туда заглянут Индус или Хью. Так они потратили не меньше часа — и ничего не нашли. Ни Черного, ни динамита.

Настроение у Джерико ухудшалось с каждой минутой. И даже если бы динамит нашелся, это не принесло бы ему радости. Потому что Джерико никогда еще не вскрывал сейфы с помощью взрывчатки. Да он вообще никогда не вскрывал сейфы. Однажды в Миссури, лет шесть назад, они перехватили почтовый дилижанс, но вместо обычных мешков и сундуков там оказался здоровенный железный ящик. Целый месяц дилижанс отстаивался в пещере, пока Индус не разыскал братьев Родригесов. Те привезли с собой гору инструментов, и возились с сейфом несколько дней, и весь каньон провонял едкой кислотой, которую они подливали под сверло. Да, работенка была нудная и тяжелая. А в довершение всего оказалась и напрасной, потому что внутри сейфа лежали не бриллианты, не золотые монеты, и даже не банкноты. Нет, там лежали какие-то дурацкие акции!

Но сейчас — другое дело. Сейчас Джерико точно знал, что в захваченном сейфе находятся деньги, которыми железнодорожная компания должна была расплатиться с рабочими. А рабочим никто не платит акциями, чеками или крупными банкнотами. Нет, работяги предпочитают золотишко. Золотой доллар занимает так мало места в кармане, и так много можно на него купить! Нет ничего удобнее золотого доллара.

Было дело, Джерико намучился с крупными банкнотами. Хапнул он тогда около десяти тысяч на дороге между Далласом и Мак-Кинли, и все ликовали, пересчитывая добычу — все, кроме Индуса. Плешивый черт сразу сказал, что с этими бумажками никуда не сунешься. Мало того, что на них не было подписи президента банка, так они еще и упакованы были в пронумерованные пачки. Ладно, подпись подделать любой дурак сможет. Но и любой продавец уже завтра, увидев новенькую бумажку, заглянет в список номеров, который принесли ему из полиции — и готово! Сколько ребят погорело на таких мелочах! Джерико, конечно, не стал торопиться и разменял все десять тысяч постепенно. Правда, для этого ему пришлось сменить несколько штатов — начал в Канзасе, закончил в Орегоне, вот так-то...

Вспоминая об этих делах, Джерико не успокоился, а только разозлился еще больше. Впрочем, он продолжал улыбаться и держался уверенно. Глядя со стороны, никто бы не подумал, что сейчас он готов любого на куски разорвать.

Немного полегчало лишь после того, как Кривой уложил пузатого задиру. В любой другой день Джерико не позволил бы какому-то выскочке убить земляка — а ведь пузатый Санчо был ему, как ни ряди, земляком, чуть ли не родичем. Да, в любой другой день он бы нашел способ уладить дело. Но только не сегодня. Подбрасывая бутылку в воздух, он видел, что Кривой даже не глянул на нее, а смотрит только на Санчо, а бедный пузан так увлекся соревнованием, что и не заметил опасности...

Кстати, Санчо-то выстрелил первым. Все же он был неплохим стрелком. Почти таким же быстрым, как Джерико. А Кривой выстрелил чуть позже, хотя ему и не пришлось поднимать револьвер так высоко, как это сделал Санчо. И спор закончился так же, как кончались все споры, в клоторых принимал участие Кривой...

Джерико оглядел толпу — и она растаяла под его взглядом. Все разбежались, только трактирщик остался стоять над трупом.

— Позаботься о бедном Санчо, — сказал Джерико, бросая ему монету. — Кажется, у него остались дети?

— Три девчонки, — хозяин таверны перекрестился и ловко поймал еще одну монету, брошенную Кривым. — Не волнуйтесь, сеньоры, мы похороним его честь по чести.

— Ты же слышал, как он назвал меня вруном? — сказал Кривой. — Он же знал, что за такие слова придется отвечать? Ведь так?

— Так, сеньор, так, — трактирщик угодливо закивал, а потом оглянулся и добавил, понизив голос: — Если сеньору Джерико будет угодно выслушать мою глупую речь, то, может быть, он избежит большой беды. А может быть, мои слова окажутся вздором, и тогда я заранее приношу извинения за беспокойство. Но все же давайте отойдем вот сюда, чтобы нас не видели...

* * *

Войдя в конюшню, капитан увидел, что его аппалуза так и стоит перед пустой кормушкой. Он сдвинул загородку стойла и взял лошадь за повод.

— Уезжаешь? — спросил хозяин конюшни. — Так быстро?

— Да нет. Просто нашел другое место для своей лошади. Более спокойное.

— У нас тут везде одинаково спокойно, — сказал Длинный Ус.

Капитан кивнул в сторону выхода, где через дверной проем виднелись ноги лежащего в песке толстяка:

— Он, наверно, тоже так думал.

— Санчо доигрался. Но знаешь, друг, у нас так не делается. Ты поставил лошадь ко мне, значит, должен за нее заплатить.

Орлову не хотелось спорить, и он молча швырнул ему десятицентовую монетку. Набросил седло, а седельные сумки перекинул через плечо.

— Погоди, друг, — сказал Длинный Ус, стоя посреди прохода.

— Что еще?

— Ты ведь раньше к нам не заглядывал? Я тебя впервые вижу.

— Я тебя — тоже. Ну и что?

— А то, что чужие к нам не приходят. Только свои. Или знакомые. Ты к кому приехал?

Орлова сначала удивила перемена в тоне, каким заговорил Длинный Ус. Но он быстро сообразил, в чем причина таких метаморфоз. Эта причина звалась Джерико. Джерико с приспешниками не ушел с площади. Кучка бандитов толкалась за конюшней, окружив трактирщика. Они негромко переговаривались, и капитану хотелось удалиться отсюда раньше, чем бандиты его заметят. А вот Длинный Ус, как видно, рассчитывал на их поддержку.

— Друг, тебе лучше не знать, к кому я приехал, и зачем, — сказал капитан с улыбкой. — *Потому что во mnogой мудрости много печали, и кто умножает познания, умножает скорбь*.

Слова из Экклезиаста Орлов произнес на латыни, надеясь, что Длинный Ус поймет его, как истинный католик. Но результат вышел вовсе неожиданным.

— Кто это тут мессу служит? — раздался голос Джерико.

Капитан оглянулся и увидел главаря бандитов, стоящего в проеме боковой двери. Джерико ухмылялся, но глаза его оставались настороженными.

— Может быть, отслужишь панихиду по новопреставленному рабу божьему, что так неудачно подставился под шальную пулю? Ну, что? Если знаешь заупокойную молитву, можешь неплохо устроиться. Будешь нарасхват. Тут люди частенько уходят в могилу, так и не услышав доброго слова, ни при жизни, ни после смерти. Ну, что?

«Да он пьян, — подумал капитан. — Напился, и теперь ищет развлечений. Мне не уйти. Некуда деваться. Что ж, пусть все идет так, как идет. Простите, ротмистр, но в наши планы вмешалась непреодолимая сила»...

— Увы, — сказал он. — Я не священник, и не знаю ни одной молитвы.

— По-твоему, я глухой? Я собственными ушами слышал, как ты чесал по латыни.

Орлов засмеялся и поправил седельную сумку на плече — так, чтобы она прикрыла его руку, которая уже легла на кобуру. «Задирается? Ему нужен новый поединок? К вашим услугам, сударь. Вот только правила буду устанавливать я», — подумал он и сказал:

— Да есть у меня один знакомый, бывший монах. От него-то я и нахватался разных забавных выражений.

— Он хочет смыться, — сказал хозяин конюшни. — Что-то тут нечисто, сеньор Джерико. Только-только приехал, и уже хочет смыться.

— С чего ты взял? — удивился Орлов. — Я не уеду, пока не завершу свои дела.

Джерико подошел ближе и встал, загородив проход:

— Сначала ты поможешь мне завершить мои дела, а потом займешься своими. Поможешь мне, друг?

«Если он и пьян, то не от вина, — подумал капитан, не уловив запаха перегара. — Возможно, его развезло при виде крови. Зрелище смерти опьяняет многих».

— Почему бы не помочь доброму человеку, — кивнул Орлов.

— Да, я добрый человек. Особенно сегодня, — Джерико продолжал улыбаться. — Другой на моем месте вел бы себя иначе. Жизнь посылает нам испытания, и не всякий способен с ними справиться. Многие впадают в озлобленность или в уныние. Но только не я.

Он замолчал, пристально глядя капитану в глаза. Орлов кивнул:

— Весьма похвально.

Улыбка вдруг слетела с губ Джерико, и он заговорил жестко и отрывисто.

— Сейчас ты пойдешь с моими друзьями. В таверну. Поднимешься на галерею. Постучишь в угловую комнату. Там меня ждет один парень. Скажешь ему, чтобы он спустился.

— Мне случалось выполнять и более трудные поручения, — сказал Орлов. — Но таких непонятных дел мне еще не поручали.

— Что тебе непонятно?

— Парень ждет тебя, а иду к нему я. Рядом с тобой друзья, а ты посылаешь меня. Все это меня, признаться, немного удивляет.

— Ты удивишься еще больше, когда постучишь в дверь, — пообещал Джерико. — А я удивлюсь, если ты вернешься живым.

— Что?

— Я пошутил. — Джерико расхохотался. — Иди, друг.

Орлов почувствовал, что за спиной вырастает какая-то громада. Тяжелая лапа опустилась на его плечо. Чернокожий гигант с изуродованным лицом подтолкнул капитана к выходу. Орлов узнал его. Это был тот самый верзила, что несколько раз появлялся в Эль-

Пасо перед банком, когда бандиты занимались разведкой. «Да, вблизи мальчонка оказался еще крупнее, чем можно было разглядеть издали», — подумал Орлов.

Окруженный бандитами, он вошел в таверну, и негр подтолкнул его к лестнице.

— Не задерживайся там, — сказал плешивый, махнув револьвером.

— Постараюсь.

Капитан быстро зашагал по ступеням, радуясь тому, что они не отняли у него оружие. Это могло означать, что они ему доверяют. Или просто не опасаются. И то, и другое было с их стороны непростительной глупостью.

Еще не дойдя до двери, он уже точно знал, чем займется в ближайшие полчаса. И был уверен, что рейнджер поймет его с полуслова.

— Хорошо, что ты пришел, — сказал Шон Прайс. — Есть дело, как раз для тебя.

— Кажется, это дело для нас двоих, — ответил Орлов. — Там, внизу, Джерико. Он зовет тебя.

Рейнджер подошел к окну и глянул поверх занавески.

— Пусто, — спокойно сказал он. — Разбежались, гады. Ага, кто-то уже лезет на крышу конюшни. Наверно, он считается у них снайпером. Так ты говоришь, Джерико зовет меня? Он назвал мое имя?

— Нет.

— Хорошо. Значит, у нас куча времени. — Прайс отвернулся от окна и снял со стены винчестер. — Слушай и не перебивай.

— Погоди, Шон...

— Не перебивай! Ты найдешь путь к реке?

— Да.

— Там, где она идет вдоль дороги, стоит заброшенная почтовая станция. Скажешь Джерико, что тебя ждет груз. Этот груз — динамит. Как только Джерико услышит про динамит, он забудет обо всем. Он отпустит тебя, и ты поедешь на станцию. А там...

— Он не отпустит меня, — перебил его Орлов. — Не отпустит, даже если поверит. Он отправит меня на станцию под конвоем, и если там не будет динамита...

— Просил же не перебивать! — возмутился Прайс. — Можешь ты хотя бы раз меня послушаться? Да, Джерико может и не отпустить тебя. Это я тоже предусмотрел. И, скорее всего, так и будет. Я даже думаю, что он сам отправится с тобой. И тогда ты сможешь с ним почитаться. Ты ведь этого хотел?

— Плевать мне на Джерико, — сказал Орлов. — Я тебя не оставлю. Вдвоем мы отобьемся.

— Может быть, — согласился рейнджер, доставая патроны из кармана и укладывая их на подоконник. — Может быть, мы завалим улицы Кальенте трупами. А Джерико будет стоять в сторонке и радоваться. Чем больше мы убьем, тем выше его доля при дележке. Он просто мечтает, чтобы вся добыча принадлежала ему одному. И за что ты его так любишь?

Орлов вытер взмокший лоб рукавом.

— Черт возьми, Шон! Но...

— Никаких «но». То-то я смотрю, они попрятались... — Прайс убрал со стола кувшин с водой и, подумав, поставил его в угол на пол. — Вода мне пригодится. Иногда стакан воды дороже, чем ящик патронов. Знать бы, кто меня сдал... Трактирщик? Ну да, больше некому. Как у него глазки-то бегали... Ладно, это всё ерунда. Слушай дальше. Так вот, постарайся привести его к этой станции.

— И что там? Действительно динамит?

— Вроде того. Там точка сбора патрулей. Рейнджеры капитана Джонса. Запомнил? Когда начнется дело, не мельтеши, укройся где-нибудь. А когда все кончится, зови капитана Джонса. Скажешь ему, что ты от меня. И останешься жив. Джонс не берет пленных.

— Тебе придется держаться, пока я не вернусь, — сказал Орлов, отдавая ему свою флягу с водой.

— За воду спасибо. Обо мне не беспокойся. Если бы хотели убить, подстерегли бы на

улице. Я им нужен для чего-то. — Прайс сдвинул с места сундук, стоявший возле двери. — Отлично. Этим я прикрою вход, а столом загорожу окно. Иди, а то они перестанут тебе доверять.

— Дать тебе еще револьвер?

— Не надо. Не обижайся, но я не доверяю чужому оружию.

— Я тоже, — сказал Орлов. — Держись, Шон.

— До встречи, Пол.

* * *

Спускаясь по лестнице, Орлов заметил, что внизу его ждал только плешивый бандит, остальные куда-то скрылись.

— Ты все ему сказал?

— Да. Всё.

— А он?

Орлов пожал плечами.

— Ничего.

— Это как?

— Вот так. Ничего не ответил.

Плешивый глядел на него недоверчиво.

— Тогда что ты там делал так долго?

— Раза три или четыре повторил ему одно и то же. А он молчит и смотрит в окно, будто не слышит.

— Язык проглотил со страху, — заключил бандит. — Вот не думал, что среди рейнджеров попадают такие трусы.

— Он рейнджер? — удивился Орлов. — Я думал, у них серебряные значки на груди.

— Значок снять нетрудно. Но след от него остался на лацкане, вот тут, — плешивый ткнул себя пальцем в ключицу. — Да. Очень ясный след. Потому что этот парень носил свой значок много лет. Это рейнджер. Старый рейнджер, а со стариками невозможно договориться по-хорошему. Да. Тебе очень повезло, что он не пристрелил тебя на месте.

Капитан Орлов растянул губы в улыбке:

— Так вот почему Джерико послал меня, а не тебя!

— А ты догадливый, — засмеялся в ответ плешивый. — Соображаешь, только слишком медленно. Ладно, иди отсюда. Здесь сейчас будет жарко.

16

Он вернулся в конюшню и вывел свою кобылу. Улочка и небольшая площадь были пусты, и только тело Санчо по-прежнему лежало в луже крови. «Попрятались», — подумал Орлов, услышав приглушенные голоса за углом.

Не оборачиваясь, он прошел мимо трупа. Аппалуза испуганно фыркнула, почуяв кровь, и капитан потрепал ее по холке, чтобы успокоить.

— Эй, друг, — послышался из-за конюшни голос Джерико. — Не торопись. В деревне всегда такая скука, никаких развлечений. Побудь с нами, не пожалеешь. Тут будет на что посмотреть.

— Я не развлекаться приехал. — Орлов медленно обернулся, цепким взглядом засекая места, где укрывались бандиты. — У меня встреча назначена. Боюсь, что из-за ваших развлечений моя сделка сорвется.

«Двое за забором, трое за соседним домом, чья-то тень тянется из-за угла. Остальных не видно. Но их тут не больше десятка. Эх, как не хочется уезжать! Может быть, все же остаться? И в нужный момент напасть с тыла...»

Он быстро отказался от удалых затей, увидев, как через улицу перебегают

вооруженные крестьяне. Их было человек семь или восемь. Не так и много. Но капитану стало ясно, что такие же группы местных жителей расположились и на соседней улице, и за конюшней, и вообще везде, откуда можно было бы стрелять по окнам угловой комнаты под крышей таверны. Наверно, всё мужское население Агуа Кальенте достало припрятанные винтовки и собралось под знамена сеньора Джерико.

Словно догадавшись о его подсчетах, Джерико прокричал, не показываясь из-за угла:

— Эй, рейнджер! У тебя три ствола и сотня патронов, половина из которых никуда не годится! А у меня тридцать восемь стволов, и все они нацелены на тебя! Как ты думаешь, сколько времени я потрачу, чтобы в списке твоей роты освободилась одна строчка?

В тишине было слышно только поскрипывание досок — один из бандитов полз по крыше конюшни, подбираясь к самому верху.

— Может, он глухой? — спросил кто-то.

— Нет. Он гордый, — сказал Джерико. — Мы недостойны великой чести слышать его голос. Эй, Скрипач, поговори-ка с ним на другом языке!

С крыши ударила винтовка. В угловом окне разбилось стекло, и одновременно с осколками оттуда вылетела почти невидимая струйка дыма. Ответный выстрел слился с грохотом винтовки, и наверняка многие даже не расслышали его. И тогда для них было непонятно, почему это вдруг по крыше покатилося тело Скрипача, который так неудачно выполнил приказ главаря. Оно прокатилось по крутому скату и грохнулось на землю. Недалеко от трупя Санчо.

— Ах, так! — гневно воскликнул Джерико, и сразу несколько револьверов загремели из-за конюшни.

Но капитану Орлову было недосуг следить за перестрелкой. Он уводил лошадь все дальше по улице, и у него над головой пролетали щепки, выбитые пулями из дощатых стен.

— Остановите его! — крикнул кто-то.

Из-за забора выскочили четверо молодцов. Один схватился за поводья, а трое вцепились в Орлова и прижали к забору.

— Спокойно, друг! Никуда ты не пойдешь, пока мы не закончим.

Он не сопротивлялся. Или почти не сопротивлялся. Только высвободил руки и достал из кармана кисет, трубку и спички. А нападавшие, поднявшись с земли, в гневе нацелили на него свои ружья.

— Я никуда не иду, — сказал им Орлов, сосредоточенно набивая трубочку. — Покурю, пока вы развлекаетесь.

Ему и в самом деле незачем было уходить. Ему следовало дожждаться, когда Джерико сам подойдет к нему, сам с ним заговорит — и услышит волшебное слово «динамит». Это была самая сложная часть дела — ждать, пока зверь схватит приманку. Дальше будет легче. Они поедут вместе, и Орлов выведет шайку под огонь рейнджеров. Будет бой, и все погибнут. Превосходно.

Пальба на площади становилась все плотнее. Хлопки револьверов перемежались с гулким уханьем дробовиков, и картечь барабанила по каменным заборам, отскочив от стен таверны.

— Рыжий! Рыжий! Эй, парни! Он убил Рыжего!

«Это только начало, — злорадно подумал Орлов. — Вы еще даже не попытались пойти на штурм, а уже лишились двоих. А стоит только кому-то высунуть нос из-за угла...»

— Стой, Луис, стой!

— А-а-а!

Возле конюшни в пыли катался кто-то из бандитов, истошно вопя и держась за колено.

«Вот-вот», — продолжал злорадствовать капитан.

И вдруг огонь прекратился.

Послышался треск и грохот, из разбитого окна повалили клубы пыли.

— Да что же это делается! — горестно воскликнул трактирщик.

— Ничего особенного, — сказал Джерико. — Это малыш Уолли прошел сквозь стены.

Капитан Орлов сжал трубку в кулаке так, что она хрустнула.

Через несколько минут кучка бандитов выволокла Прайса из таверны. Они бросили его на песок. Рейнджер не шевелился.

Негр-великан гордо потряс над головой захваченным винчестером и патронташем. А плешистый разжал кулак, и на ладони сверкнула серебряная звездочка в круге:

— В кармане прятал, подонок! Мы его взяли, Джерико! Мы его схватили! Как будем казнить этого подонка?

— Все бы тебе казнить, Индус, все бы тебе убивать, — проговорил Джерико, подходя к рейнджеру. Носком сапога он перевернул его на спину и наклонился, разглядывая лицо. — Нет, этого я не встречал.

«Потому и жив до сих пор», — подумал капитан Орлов, с досадой изучая трещину на черенке трубки.

Раненый бандит, валяющийся на земле, продолжал вопить и завывать, страдая от боли в простреленном колене.

— Прощай, Луис, — сказал Джерико и выстрелил ему в голову.

В наступившей тишине отчетливо прозвучал голос Кривого:

— Мне это не нравится. Нельзя убивать своих. Нельзя оставлять жизнь врагам.

Джерико вытряхнул из барабана пустые гильзы и перезарядил револьвер.

— Ты прав, брат, — сказал он. — Кто убивает своих, тот предатель. Но тот, кто избавляет друга от мучений, совершает благое дело. А что касается врагов, то я отвечу тебе так. У меня их нет. Нет ни одного живого врага. Потому что я убил их всех.

— Убей и этого! — Кривой пнул рейнджера, лежавшего у его ног.

— Этого? Разве он враг мне? — Джерико пожал плечами. — Он не сделал мне ничего дурного. Он защищался. Он вел себя как настоящий мужчина. Нет, брат. Он не враг. Индус, отдай мне значок. Уолли, Канисеро! Припрячьте его в подвале. Да свяжите покрепче, чтобы не получилось, как в прошлый раз...

Слушая их перебранку, капитан Орлов думал о том, что они с Прайсом недооценивали главаря бандитов. Джерико втянул их в игру, в которой мог заглядывать на несколько шагов вперед, а им приходилось только отвечать на его неожиданные ходы.

Великан Уолли взвалил Прайса на плечо. Руки рейнджера безвольно болтались у негра за спиной. Орлов затаился и выпустил целое облако дыма, когда бандиты проходили мимо него. Он опустил лицо, чтобы не выдать своих чувств. Однако успел разглядеть, как бандиты свернули в сторону постоянного двора. «Значит, в подвале у них тюрьма, — подумал он. — Значит, и Бурко там же. Превосходно. Если я войду в деревню с рейнджерами, можно будет стрелять без опаски, своих не зацепишь. А если не войду? Что ж, знаем мы ваши мексиканские подвалы. Одной ночи хватит для отличного подкопа. Превосходно».

— Этот тоже был с ним! — выкрикнул хозяин конюшни, показывая пальцем на Орлова. — Они и лошадей рядом поставили! И приехали вместе!

Капитан выбил трубку о забор и спрятал ее в карман. Огляделся, поправил шляпу и шагнул вперед, как бы не замечая стволов, упирающихся ему под ребра.

— Меня предупреждали, что если приедешь в Кальенте верхом, то уйдешь пешком, — сказал он с усмешкой. — Но Пабло Гомес обещал, что со мной такого не случится. А теперь скажите мне, ребята, кто-нибудь из вас знает Пабло Гомеса? Можно ли было верить его словам? Или я доверился пустобреху? Сыну шлюхи, который не отвечает за свои слова?

Дробовик, что упирался ему в спину, дрогнул, и капитан услышал скрип взведенного курка.

— Не смей так говорить о Пабло! — сказал Джерико. — Откуда ты его знаешь?

— Разве я сказал, что знаю его? Чтобы узнать человека, нужно время. А мы с ним виделись несколько минут. Я предложил товар, он назвал место, куда его доставить, и мы разошлись. Вот и все.

— Товар? Какой товар?

— Тот, который был ему нужен.

— Вот наглец! — сказал Кривой, подойдя ближе и в упор разглядывая Орлова. — Знаешь, как мы поступаем с такими наглецами? Мы им отстреливаем яйца.

Джерико тоже приблизился и похлопал Кривого по плечу.

— Не горячись, брат. Деловой человек не станет трепаться на каждом углу о своих делах. Если Пабло с ним о чем-то договорился, то это касается только их двоих. — Он улыбнулся Орлову. — Я тебя раскусил, друг. Я раскусил тебя с первого слова, как только ты сказал про апачей. Значит, ты ждешь тут моего друга Пабло? Тогда тебе не мешает знать: он делает только то, что я ему прикажу. И если он заказал товар, то это товар для меня. Где вы встретились?

— В одном укромном местечке, — ответил Орлов. И, увидев, как злобно прищурился Джерико, добавил: — Это довольно далеко отсюда. Вряд ли тут кто-нибудь слышал о таверне Родригеса, что недалеко от Форта Кончитос. Но именно там мы встретились с Пабло.

— Когда?

— Несколько дней назад. Он уехал на дилижансе со знаками федеральной почты. Но это меня не касается. Куда он уехал, зачем ему динамит — это не мое дело. Мое дело — доставить товар и получить за него деньги.

— Динамит?

Орлов, изображая крайнее смущение, почесал подбородок и промолчал.

Джерико, не сводя с него пристального взгляда, махнул рукой. Орлов почувствовал, что стволы перестали давить на него.

— Убирайтесь все! — приказал главарь. — Что, нет других дел? Мертвых закопать! Индус! Собери людей, пусть начинают чинить то, что наломал Уолли.

Он поднялся по ступеням веранды и, не оборачиваясь, бросил:

— Давай потолкуем, друг.

Орлов понял, что эти слова относятся к нему и, отодвинув плечом Кривого, направился следом.

Джерико уселся за стол. Орлов, не дожидаясь приглашения, сел напротив.

— Так ты знаком с Родригесом?

— Нет. Я просто заглянул к нему по дороге. Я в тех краях недавно, а он всех знает. Я подумал, что он подскажет мне, к кому обратиться. Он и подсказал.

Джерико поднял палец:

— Значит, ты искал покупателя, и Эстебан свел тебя с Пабло, так?

— Какой еще Эстебан?

— Так зовут Родригеса.

— Ну, мы с ним не знакомились, — сказал Орлов. — Но ты всё понял верно.

— А что ты делаешь в тех краях?

— Вкалываю на железной дороге. Взрывником. Сам знаешь, как платят работягам. Гроши. А если еще и в карты не везет... — Капитан снова полез в карман за кисетом и трубкой. — В общем, каждый ищет, где подработать. А у меня как раз накопились лишние ящики. Вот я и подумал, что они только место в палатке занимают, и пора бы от них избавиться.

Он закурил, ожидая новых вопросов. Но Джерико молчал, разглядывая его руки.

— Ты не похож на работягу, — сказал он, наконец.

— Ну да. У меня работа тонкая. Ответственная работа. С кайлом или тачкой корячиться — это не для меня.

— Сколько заказал Пабло?

— Он сказал: вези всё, на месте рассчитаемся.

— Ты привез?

Капитан Орлов кивнул.

— Пабло здесь нет, — сказал Джерико. — Но я с тобой рассчитаюсь. Сколько ты хочешь?

— Две сотни. По сотне за ящик.

— Идет.

Джерико с преувеличенной торжественностью протянул ему руку, и капитан Орлов, помедлив, пожал ее.

— Где ящики?

— В надежном месте. — Капитан добавил с обидой в голосе: — В таком месте, где у человека не отнимают лошадь только потому, что видят его впервые.

— Ты знал, куда едешь, — усмехнулся Джерико. — Что ж, я отправлю с тобой ребят. Деньги будут у них. Отдашь им ящики, они заплатят.

«Как же, заплатят они», — подумал Орлов, вставая из-за стола.

— Через полчаса выезжаем, — сказал он.

— Сядь, солдат, разговор не окончен, — Джерико показал пальцем на скамейку. — Ты же — армейский? Служил? Ладно, не выкручивайся, я тебя насквозь вижу. «Через полчаса выезжаем!» Так мог сказать только тот, кто привык командовать. Ты офицер? Ясно, бывший офицер. Почему уволился? Проиграл полковую кассу? Застрелил на дуэли сослуживца? Я повидал вашего брата, и у всех примерно одна и та же история. Ты не подумай, я не стану допытываться. Твоя жизнь — это твоя жизнь, и только твоя. А моя жизнь — она не только моя, и потому чуть важнее твоей. Потому что от меня зависят другие люди. Много людей. Они живут только потому, что я того хочу. Хочу — живут, не захочу — сдохнут.

Он замолчал, надменно улыбаясь и откинув голову.

— Ты это к чему? — не сядясь, спросил Орлов.

— Сядь!

Он присел на край соседнего стола.

Тогда Джерико вскочил и тоже уселся на стол, поставив ноги на скамейку.

— Да, ты офицер. Не любишь подчиняться? Мы, вроде, ровесники. Значит, ты, наверно, полковник? Я же видел, как ты идешь под пулями. Для тебя пули — как мелкий дождик. Не боишься смерти? Не боишься, знаю. Я тебя раскусил, солдат. Воевал с апачами? Наверно, и команчей погонял по каньонам, да? Было дело?

Капитан Орлов задумчиво разглядывал потолочную балку.

— Что молчишь? Отвечай!

— Что я могу ответить? Ты тут, как я погляжу, самый главный. Наверно, твои помощники тебе никогда не возражают. Да их и нет у тебя, помощников. Ты всё решаешь сам. Ты же всех насквозь видишь. Если я скажу, что никогда не был полковником и не воевал с апачами, ты мне просто не поверишь. Ты же лучше меня все знаешь. Ты же меня раскусил.

— Прав был Кривой, прав, — засмеялся Джерико. — Таких наглецов, как ты, я еще не видел. Ты хоть понимаешь, что твоя жизнь на волоске висит?

— Ты сам сказал, что моя жизнь ничего не значит, — равнодушно ответил Орлов. — И это — чистая правда. Если меня не станет, никто не огорчится. А мне уже будет все равно. Ну так что? Мне ехать за товаром? Или тебе просто нужен был повод для разговора?

— Мне нужен товар. Но и разговор был нужен. — Джерико соскочил со стола и хлопнул Орлова по плечу. — Отправляешься через час. До темноты обернешься?

— Зачем? — недовольно спросил Орлов. — Я не собираюсь возвращаться. Отдам ящики, получу деньги, и — счастливо оставаться.

— Не спорь, друг. Никогда не спорь со мной. Просто потому, что я вижу немного дальше, чем все вы, даже самые умные. И я вижу, что ты вернешься. Вернешься и станешь мне помогать. Мы сработаемся. И ты получишь новое звание. Мы станем звать тебя Полковником. Иди, собирайся. Ребята будут ждать тебя у старого колодца на околице.

подготовкой к бою. К бою, который, быть может, никогда не состоится. Или к бою, где солдат падет в первое же мгновение. Не важно. Бой — вот ради чего живет воин.

Капитан Орлов предполагал, что именно так жили древние воины — легионеры Цезаря, степняки Чингисхана и викинги Рюрика. Его же армейская служба была переполнена множеством бесполезных и бессмысленных занятий. А ведь Орлов состоял в элите. Служить при Генштабе — это совсем не то, что в гвардейском полку или же в линейных частях. Но и здесь он видел то же, что и в самом захудалом гарнизоне: муштра и лизоблюдство, круговерть бумаг и предписаний, интриги, сплетни и пьяный разгул... Оказавшись за кордоном, он вырвался из-под гнета рутины. Однако зараза бессмысленности, как выяснилось, перекинулась и на него.

Он это понял, когда поймал себя на том, что снова и снова пытается составить план действий. Чем еще занимаются командиры на всех уровнях? Либо составляют планы, либо рапортуют об их исполнении. При этом ни один план никогда и нигде не был исполнен так, как предписывалось. Планы составляются при одной ситуации, а выполняются — при другой. Невольно приспосабливаешься, а значит — отступаешь от плана. В таком случае победный рапорт есть ложь. А составление плана — лишь бессмысленная попытка предсказать будущее.

«Вот Джерико, к примеру, никаких планов не составляет, — думал Орлов. — Действует интуитивно? Возможно. В этом его сила. Он непредсказуем. Он не идет натоптаннами тропами, где может спрятаться засада. А мы рассчитываем, что он будет двигаться только по тем дорогам, которые и нам хорошо известны. Мы ждем, что он согласится участвовать в нашем любительском театре. Нам кажется, что он играет одну из ролей в пьесе из общеизвестного репертуара. А он просто живет. Как зверь, свободный и неукротимый зверь».

Тетушка Анита стояла у приоткрытых ворот, дожидаясь своего постояльца.

— Ох и напугалась же я, — сказала она. — Что там за война была у таверны? Убили кого-то? Соседки уже сбегаются на похороны.

— Убили, убили, — ответил он машинально, думая о своем. — Я за вещами пришел. Не придется мне тут ночевать.

— Почему?

«Действительно, почему?» — вдруг подумал он. Больше никаких планов. Никаких предсказаний.

— А может, и придется, — сказал капитан. — Чего зря загадывать? Надо отлучиться.

— Пообедаешь? Я курицу зарежу.

— Нет, некогда.

— Ну, так я тебе узелок соберу в дорогу, — засуетилась негритянка. — Не дело это, впроголодь мотаться.

Войдя в дом, он увидел на полу корзинку, обвязанную платком. За столом сидела чернокожая девчонка лет десяти, в черной накидке и шляпе. Она испуганно глянула на капитана и задвинулась в угол.

— Не бойся, Розита, это приличный господин, — сказала негритянка и задвинула корзинку под стол.

— Твоя внучка? — спросил Орлов.

— Да. Хочу отправить ее к сестре. Там спокойнее.

— Как же ты отправишь такую малышку одну?

— Ей не привыкать, добежит.

Капитан прошел в свою комнату и остановился на пороге. Его кровать была застелена белоснежным бельем. Наволочку украшал четкий сгиб, оставленный тяжелым утюгом. На столе посверкивал графин розового стекла, рядом стоял такой же розовый стакан. «Как в лучших домах Лондона и Парижа, — подумал Орлов. — В деревенской хижине был бы уместнее грубый глиняный кувшин. Да, Кальенте — это Кальенте...» Капитан вдруг почувствовал острейший приступ жажды. Он жадно осушил два стакана подряд и опустил

на табурет. Страшная усталость навалилась на плечи. Слишком много всего произошло за последние полчаса. Он едва не убил Джерику. И сам едва не погиб. Все могло кончиться — но, похоже, все только началось...

— Тетушка Анита! — позвал он, не в силах подняться.

— Что, передумал? — Она появилась быстро, будто ждала за порогом. — Пообедаешь? Я мигом сготовлю. А ты бы прилег. На тебе лица нет. Отдышись. Может быть, хочешь виски?

— Ты знаешь, где тут старая почтовая станция?

— Старая почта? Кто ж ее не знает. Старая почта, на старой дороге. Дорогу песком занесло, по ней теперь только койоты бегают, а от почты одни стены остались.

— Далеко это отсюда?

— Смотря как идти. Если не торопясь, то полдня ходу. А верхом — не знаю. Только не ездил бы ты туда. Нехорошее место. На что у нас народ отчаянный, а никого ты не уговоришь к старой почте приблизиться. Там почтальоны сгорели. Заживо сгорели, костей было не найти. Теперь их души никому покоя не дают, кто приблизится. Нехорошее место, уж ты поверь старухе.

— Ты давно здесь живешь? Судя по говору, ты откуда-то с Востока.

— Это верно, Пол. Как и ты, — улыбнулась негритянка. — До войны мы жили в Балтиморе. Мужа забрали в армию в шестьдесят третьем, когда стали набирать черные полки. Дослужился до сержанта, а после войны надумал искать счастья в Техасе. Записался в кавалерию. А в семьдесят первом уволился, да и остался на Западе. Всю родню мы сюда перевезли, думали, что разбогатеет. Только ничего не вышло. Через три года муж погиб, а мы... Не возвращаться же.

— Он был фермером?

— Нет. В дорожной охране служил. Дилижансы водил между Эль-Пасо и Сан-Хуаном. А ты откуда, Пол?

— Я жил во многих городах.

— На Востоке?

— Да. А также на севере, юге и западе.

Орлов налил в стакан остатки воды из графина и медленно выпил, наслаждаясь каждым глотком. Он уже не строил никаких планов. Он будто уже видел всё, что должно произойти.

— Тетушка Анита, у тебя во дворе стоит двуколка, а из сарая пахнет навозом. Ты держишь мула?

— Он не мой. Племянник оставил на время, а сам на заработки подался.

— Почему бы тебе не отвезти внучку к сестре? Запрячь мула, да и поехать, а?

Негритянка вздохнула:

— Как отлучусь, потом кур не досчитаешься. Соседи у нас — народ отчаянный...

— Сегодня народу не до твоих кур, тетя Анита.

Он еще раз попытался привести мысли в порядок. С того момента, как капитан увидел Джерику, он был охвачен боевой лихорадкой. В таком состоянии уже некогда рассуждать, действуешь по наитию, не думая о последствиях. Но сейчас надо было воспользоваться мирной передышкой и всё тщательно обдумать. Итак, затея Шона Прайса провалилась. Джерику не едет за динамитом, и под пули рейнджеров Орлов может подставить всего лишь двоих бандитов. Ну и себя, естественно. «Размен невыгодный, и на него идти не стоит, — думал Орлов. — Попробуем другие варианты. В конце концов, зачем я сюда приехал? Чтобы выручить ротмистра. Шкура даже такого ценного зверя, как Джерику, не стоит и волоска с вашей головы, Сергей Андреевич! Высокопарность сей фразы особенно заметна на фоне вашего бритого черепа. Да, именно так. Русский офицер томится в плену, а я тут личные счета свожу! Безобразие. Глубоко осознаю порочность своих поступков, объяснить которые могу лишь горячностью и несдержанностью».

— Так ты знаешь старую почту? — задумчиво повторил он. — По пути к сестре заглянешь туда на минутку. Скажешь тем, кого там увидишь, что в Кальенте схватили Шона

Прайса. Больше ничего можешь не говорить, спокойно продолжай свой путь к сестре. И если ты сможешь у нее задержаться на пару дней, то я буду за тебя рад. За тебя, и за твою внучку, и даже за вашего мула. Потому что здесь будет очень беспокойно. Ну, что скажешь, тетя Анита?

— Пожалуй, я и кур с собой захвачу, — деловито ответила она.

Джерико дал ему двоих провожатых. Один из них назвал свое имя, другой не считал нужным представляться. Капитан мысленно окрестил их Болтуном и Молчуном. Знакомство не обещало быть долгим и приятным, так что незачем было загружать свою память именами, которые потом придется забыть.

— Деньги получишь, когда вернетесь, — сказал на прощание Джерико. — У меня такое правило: платить только за товар, который держу в руках.

Когда они отъехали от Агуа Кальенте и начали подниматься в горы, Болтун проворчал:

— Хорошенькое дело, таскаться с динамитом, когда вокруг снуют ищейки. Далеко ехать-то?

— Нет. Недалеко.

— Место хоть надежное?

— Надежное.

— Это оно для тебя надежное. А для нас — еще неизвестно. Ты спокойно добрался? Никого по пути не встретил? Ни рейнджеров, ни кавалерию?

— Я ехал по дорогам, где никого не встретишь.

— Да? Так знай, что таких дорог больше нет. Со вчерашнего вечера во всем Техасе не осталось ни одной тропки, где бы не сидели в засаде очень-очень злые парни.

Болтун длинно и витиевато выругался по-испански. Капитан Орлов заметил, что бандиты говорили между собой на английском, вставляя ругательства, какие были в ходу у мексиканцев. Между прочим, по речи самого Джерико невозможно было определить, откуда он родом. С Орловым он говорил не так, как со своими приспешниками. А к трактирщику обратился вообще как истинный мексиканец. Да и внешность главаря тоже не давала никаких зацепок. Он был смуглым, почти коричневым, но так мог выглядеть и любой горожанин, если проживет пару лет под солнцем и ветром Техаса. Черты лица были типичны, скорее, для англосакса, но длинные усы и темные глаза делали Джерико похожим на креола. «Он со всеми — свой, — думал Орлов, направляя аппалузу все выше по лесистому склону. — И каждый охотно подчиняется ему, потому что он свой. Прирожденный вожак. Американская армия много потеряла из-за того, что Джерико не подался в военные. Какой бы вышел командир! Заботливый и беспощадный, расчетливый и непредсказуемый. Впрочем, он и на своем месте немало добился. Бандиты долго не живут, а Джерико пережил многих. И, похоже, вполне доволен своей судьбой».

— Да, со вчерашнего вечера я бы ни одно место уже не назвал надежным, — продолжал ворчать Болтун.

— А что стряслось-то? — равнодушно поинтересовался Орлов.

— Ты что, с Луны свалился? Джерико грабанул банк в Эль-Пасо! Тут такого еще не было! Сейчас начнется черт знает что! Банкиры страсть как не любят, когда их денежки среди бела дня уплывают прямо из банка!

— Эль-Пасо далеко, — сказал Орлов. — Сюда никто не сунется.

— Все равно. — Болтун настороженно озирался. — Парни, договоримся так. Если что, рассыпаемся в разные стороны. И по одному уходим в Кальенте.

— Не собираюсь никуда рассыпаться, — насмешливо ответил капитан Орлов. — Я чист перед законом. А по тому, кто удирает, даже самый мирный фермер захочет пальнуть.

— Сразу видно, что ты впервые в наших краях. Вот напорешься на рейнджеров, узнаешь, какие тут законы. Да только поздно будет. Они ведь сначала стреляют, потом осматривают труп, а потом говорят, мол, в списках преступников не значится. И все дела. А кто попадет к ним в лапы живым, тоже особо не возрадуется. Навесят на него всех пропавших кур, не говоря уж о лошадях. А если будешь спорить, так пару убийств добавят.

Меня самого на год засадили, хотя я ни в чем таком виноват не был. И всего-то нашли у меня в телеге несколько бутылок пива, припрятанных в бочке со льдом!

— Пиво? — удивился Орлов. — Ну и что? Разве в Техасе сухой закон?

— Нет. Но я-то ехал в Канзас, а там с этим делом — беда. Ну, а молодчики, видать, следили за мной. И как только я пересек границу, они — хоп! И сразу — бочку открывать, а там — две дюжины бутылок... — Болтун покачал головой и сплюнул от досады. — До сих пор обидно. Хотел наварить десятку, а получил срок.

Неожиданно Молчун проскрипел:

— Ты с ними посчитался.

— Ну да, как только вышел под залог. Собрал ребят и подстерег подонков на том же месте, под мостом. А только все равно обидно. Пат, ну сам подумай ...

— Ты с ними посчитался, — повторил Молчун. — Значит, и болтать больше не о чем. Заткнись и смотри по сторонам.

Болтун обиженно отвернулся. Но не прошло и трех минут, как он снова заговорил:

— Вроде, лошади впереди стоят.

Молчун, ехавший впереди, остановился.

— Ну да, точно, — зашептал Болтун, принюхиваясь. — Стоят кони, вон там, впереди. За деревьями не видно.

— Они в овражке, — сказал капитан Орлов. — Это мои лошади.

На самом деле лошади были не его, а Пабло Гомеса. Капитан оставил их в укромном месте, и сейчас порадовался тому, что это укрытие оказалось достаточно удаленным от Кальенте. Утром ему казалось, что лошадей можно было бы подвести и поближе, но этот овражек отлично подходил для стоянки — глубокий и густо укрытый кустарником, такие места в горном лесу не часто встретишь.

— Стоять, — едва слышно приказал Молчун, достав револьвер. — Я проверю.

Он бесшумно соскользнул на землю и направился к овражку. Ни одна веточка не хрустнула под его сапогами, будто он скользил над землей, как бесплотный дух.

Капитан Орлов чуть подал лошадь вперед. Болтун зашипел на него:

— Не дергайся! Сказано тебе — стоять!

Бандит потянулся вперед и схватил его аппалузу под уздцы. Орлов не ожидал, что все получится именно так. Но вышло даже лучше, чем он рассчитывал: Болтун наклонился к нему, подставляя открытый левый бок. Капитан вытянул нож, спрятанный за голенищем. Удар пришелся как раз между ребрами.левой рукой он схватил Болтуна за ворот и притянул к себе, тут же еще раз вонзил клинок, и сжал горло, чтобы умирающий не смог закричать.

Болтун захрипел и обмяк, и капитан удерживал его в седле до тех пор, пока тот не затих.

— Здесь чисто! — послышался из-за кустов голос Молчуна. — Только что-то я не вижу никаких ящиков.

— Я не такой простак, чтобы оставлять на виду ценный груз, — сказал Орлов, осторожно стягивая тело Болтуна книзу.

Лошадь вдруг шарахнулась в сторону, и убитый свалился наземь. Его нога застряла в стремени, и тело пробороzdило в жухлой листве черный след.

— Стой там! — недовольно крикнул Молчун. — Сам найду. Джимми, присматривай за ним!

Счет шел на секунды. Капитан прыгнул на землю и хлопнул кобылу по крупу. Аппалуза затрусила к овражку, а Орлов забежал в сторону, чтобы подкрасться к Молчуну с тыла.

— Эй, стоять! Джимми?

Сквозь ветки капитан видел бандита, стоящего между лошадьми. Тот, видно, почуял неладное: пригнулся и замер. В лесном бою часто побеждает тот, кто сможет дольше выдержать попытку неподвижностью. Надо застыть, сливаясь с деревьями, и ждать, пока противник не выдаст себя движением. Молчун прятался за лошадьми. На виду была только

его шляпа, но и этого оказалось достаточно. Орлов припал к земле, и, разглядев под брюхом лошади ноги Молчуна, выстрелил в колено. А когда тот оказался на земле — в голову. Кличка, которую присвоил бандиту Орлов, оказалась весьма точной — Молчун даже не вскрикнул от боли, и умер, не издав ни звука.

«Как же мне повезло с этим овражком», — радовался капитан, забрасывая тела хворостом. Он завел сюда еще двух лошадей, и подумал, что теперь они с ротмистром могут добраться до Нового Орлеана, даже на сядясь на поезд. Подумаешь, тысяча миль верхом. Со сменными лошадьми они проделают этот путь за неделю, а то и быстрее.

18

Джерико погладил сейф. На холодном блестящем металле цвета вишни появились и тут же высохли следы его пальцев.

«Нечего мне делать в Нью-Йорке, — подумал он. — Да, там хорошо. Но я слишком часто говорил о Нью-Йорке с Индусом. А тот мог трепаться о моих планах еще с кем-нибудь. Ищейки не дадут мне покоя даже там. Нет, я уйду в Калифорнию. Сан-Франциско — вот подходящее местечко для меня и моих денег. Там много таких, как я. Людей, которые еще вчера ходили в обносках, а сегодня покупают бриллианты для своих шлюх. Там никто не спрашивает, откуда у тебя золото. Не спросят и у меня. Но я не стану тратиться на ерунду. И не спущу ни одной монеты в игорном доме. Нет, я вложу свои деньги в дело. Куплю отель. Несколько отелей. Люди всегда готовы платить за еду и крышу над головой. Они станут платить мне, и каждый мой доллар превратится в два доллара, а миллион — в два миллиона...»

— Как будем делить? — осторожно спросил Индус, стоявший рядом.

Джерико стиснул зубы, чтобы не выдать ярости. Делить? Он не собирался ни с кем делиться. Раньше — другое дело. Раньше он платил своим людям — чтобы они оставались с ним. Но теперь их пути разойдутся, и пусть они сами добывают свой кусок хлеба, сами, без него, без его опыта, без его ума, без его удачи.

— Делить? Пока еще нечего делить, — ответил он.

— Я слышал, о чем толкуют ребята Кривого, — шепнул Индус. — Они хотят сосчитать долю убитых. Мы потеряли только Скрипача, а они — четверых. Значит, ты получишь одну лишнюю долю, а Кривой — четыре.

— Доля убитых? Неглупо придумано, — усмехнулся Джерико.

— Ведь пока их не убили, они участвовали в деле, так? — шепотом рассуждал Индус. — Они делали свою часть работы, так? Если бы у них были наследники, тем бы досталось что-то. Но их наследники — это Кривой и ты. Потому что вы с ним — старшие. Вот и получается, что...

— Заткнись. Доля убитых — гроб. И то, если повезет. Потому что многих кидают в могилу без всякой упаковки. И это еще в лучшем случае. Кому-то приходится гнить под солнцем и кормить стервятников, — сказал Джерико. — Вот что такое — доля убитых. Лучше не болтать об этом, чтобы не навлечь беду.

Он выбрался из фургона, где хранился сейф, и увидел хозяина постоянного двора. Тот переминался с ноги на ногу от нетерпения, желая сообщить что-то очень важное.

— Сеньор!

— Что тебе?

— Наши задержали на дороге странного человека! Он везет гроб!

— Гроб? — изумленно переспросил Индус, высунувшись из фургона.

— Ну и что? — усмехнулся Джерико. — В Кальенте привозят и не такой груз. А на гробы тут всегда будет спрос.

— Если бы гроб был пустой! Но там покойник, сеньор! И этот человек говорит, что знает вас! Он издали стал кричать, чтобы в него не стреляли! Хотя наши сидели в камышах, и их не было видно! Но он знал, что там сидят! Он знает вас, сеньор!

— Он назвался?
— Нет! Он требует, чтобы его пропустили к вам!
— Так-таки и требует? Ну, пойдём, поглядим на гостя.
— Не надо туда ходить, — сказал Индус. — Ты же сам знаешь, на какие трюки способны ищейки. Подослали своего, чтобы проверить — может быть, ты тут прячешься?
— Только придурки прячутся у себя дома, — спокойно ответил Джерико. — А ищейки знают, что я не придурок.

Старый фургон с кособоким дырявым тентом стоял на окраине. Два тощих мула понуро опустили головы, выискивая под ногами сухие травинки. Хозяин фургона сидел на песке, окруженный местными вояками, которые не сводили с него своих дробовиков. Джерико издалека узнал его — и засмеялся.

«Так бывает всегда, — подумал он. — Когда у тебя остается последний сухарь и ты бережешь его, терпишь голод, но бережешь — ты так и будешь обладать всего лишь сухарем. Но стоит его сожрать, и остаться ни с чем — Бог тут же подкинет тебе целую буханку хлеба!»

— Эй, братишка! — крикнул он. — Ты привез?
— Разве я когда-нибудь возвращался с пустыми руками? — ответил Пескарь, вскакивая с земли.

Если бы Джерико отправил Пескаря в ад, тот и оттуда бы вернулся, прихватив котелок с кипящей смолой. У парня был настоящий талант — он мог добыть любую вещь, которая была нужна для дела. Больше всего на свете Пескарь любил лошадей. Он научился их красть раньше, чем ходить. Когда банда готовилась к очередному делу, Пескарь не чистил оружие, не ходил в разведку, да и в ограблениях он никогда не участвовал. Он подбирал лошадей для дела. Но мог найти и все остальное — оружие, одежду, или укрытие, чтобы отсидеться, пока не уляжется шум. Задумав ограбление банка, Джерико сразу же отправил своего снабженца за динамитом. Просто так, на всякий случай. На братьев Родригесов надежды было мало — а оказалось, что и вовсе нельзя надеяться. Взломщик, который вместо утреннего кофе выпивает стакан текилы — это уже не взломщик, и с сейфом ему не справиться. Джерико больше верил в силу взрывчатки. Он часто слышал о том, как лихие ребята вроде братьев Далтонов взрывали сейфы в почтовых вагонах. Если у этих придурков все получается — почему не получится у Джерико? И он отправил Пескаря за динамитом. И вот Пескарь вернулся, и теперь дело сдвинется с мертвой точки. Джерико снова рассмеялся, не скрывая радости.

Он обнял приятеля и сморщил нос:
— Ну и воняешь же ты, братишка!
— Что поделать! Посидишь несколько суток в одном фургоне с мертвецом, и ты завоняешь!

— Кто у тебя там?
— Не знаю. Он торчал у Родригеса, когда там началась заварушка. Схлопотал пулю, загнулся. Ну, а я решил, что от мертвого придурка может быть больше пользы, чем от живого.

— Ты спрятал груз под ним! — догадался Джерико.
— А что оставалось делать? Твой шериф предупредил меня, что на дорогах полно патрулей. Пока доехал, меня раз двадцать останавливали. То рейнджеры, то кавалерия. Но только принимают — вмиг отпускают! — Пескарь расхохотался. — У тебя все получилось?

— Конечно. А что там стряслось у Родригесов? — спросил Джерико, продолжая улыбаться, хотя и насторожился.

— Потом расскажу. Давай сначала достанем груз, пока в нем не завелись черви.
Богобоязненные жители Кальенте вскрывали гроб, крестясь и чертыхаясь. Раздувшийся труп вывалили на песок, и динамитные патроны, на которых он покоился так долго, были собраны в мешок. Здесь же, у дороги, принялись рыть могилу. Когда тело будет предано

земле, по этому месту прогонят быков, чтобы сровнять холмик. Так в этой тихой деревушке поступали с каждым незванным гостем...

Пескарь долго мылся, истратив целое ведро воды. Всю свою одежду он выбросил и попросил сжечь, однако Джерико знал, что ее не уничтожат. Постирают, высушат на песке — да и продадут кому-нибудь.

— Ну, а теперь рассказывай, — сказал он, когда Пескарь, наконец, уселся за стол с угощением. — Что там было, у Родригесов?

— Честно говоря, я уж и не думал, что выберусь оттуда, — с набитым ртом признался Пескарь. — Ты же слышал про Шона Прайса?

— Конечно.

О Прайсе он знал только то, что этому рейнджеру лучше не попадаться. С ним невозможно договориться. Впрочем, их пути до сих пор не пересекались — рота Прайса стояла в Сан-Антонио, а Джерико проворачивал свои дела подальше от больших городов.

— Все мы о нем слышали, но никто не видел. Потому что тот, кто его увидел, после этого закрывал глаза навек, — важно произнес Пескарь. — Так вот, он был там! А дело было так. Я уже собирался уезжать из таверны, как вдруг там появился парень на аппалузе.

— На аппалузе? — Джерико нахмурился.

— Ну да. Лошадка была точь-в-точь такая же, как моя Пеструшка. Помнишь ее? У меня аж сердце остановилось. Парень был по виду из простаков. Взял я его на мушку и говорю, мол, мистер, давайте поменяемся, вы мне подарите лошадку, а я вам — жизнь. И все вроде бы уже получилось, но тут за ним следом появляется Ангел...

— Что за Ангел?

— Белый арабский жеребец. Красавчик из красавчиков. Племенной. Такой конь — один на весь Техас. И ездит на нем только один всадник. Шон Прайс, вот кто хозяин Ангела. Я его сразу признал. И хотел смыться. Но Прайс уже держал меня под прицелом... — Пескарь вытер взмокший лоб. — А Родригесы... Они же олухи. Начали бузить. Тогда Прайс и этот парень с аппалузой... В общем, они всех заставили заткнуться. Заперли в сарае и приказали Родригесу, чтобы он нас стерег, пока не приедет шериф. В общем, повезло. Шериф приехал со своими ребятами, без чужаков. Поэтому отпустил меня сразу. И еще дал наконечник, где найти динамит. А с покойником — это уже я сам придумал. Здорово вышло, да?

— Да, здорово, — задумчиво протянул Джерико. — А как выглядел тот парень на аппалузе?

— Я же говорю, по виду — простак. Таких не запоминаешь. Они же все на одно лицо.

— Ну, молодой он или старый?

— Черт его знает. Вроде тебя.

— Говорит по-испански?

— Думаешь, я успел с ним побеседовать? — Пескарь осекся под взглядом Джерико и встал, вытирая губы рукавом. — Ну, я готов. Можешь меня отправить еще куда-нибудь. Как у нас с лошадьми?

— Лошадей-то у нас полно. А людей мало, — сказал Джерико. — Всякого сброда — целая армия. А тех, кто нужен — мало. Очень мало. Их все меньше и меньше, вот в чем беда. Хорошо, что ты приехал. Очень вовремя ты приехал, Пескарь, очень вовремя.

Плохие новости всегда приходят вместе с хорошими. Наверно, для того, чтобы казаться не такими уж и плохими. Вот и сейчас, обрадовавшись возвращению Пескаря, Джерико почти не разозлился, узнав, что Полковник — враг. Ну да, враг. А как еще назвать того, кто заодно с рейнджерами? Да, враг, но злости на него у Джерико не было. Ему было немного досадно чувствовать себя обманутым, и только. Тот, кто выдавал себя за взрывника, ловко провел его. Ни один чужак не мог побывать в Кальенте и безнаказанно уйти. А этот пришел, как к себе домой, и так же спокойно удалился. Может, он и в самом деле встречался с Пабло Гомесом? Может быть. Но теперь об этом может рассказать только сам Пабло. «Если он еще жив», — подумал Джерико.

Он попытался прикинуть, сколько времени у него в запасе. Если «парень на аппалузе»

отправился за рейнджерами, и если он до них доберется, то они нападут на рассвете. Значит, вся ночь впереди. «Сейчас мы взорвем сейф, потом начнем пересчитывать деньги, потом станем делить, — думал Джерико. — Нет, дележку надо отложить. Надо устроить так, чтобы все деньги до утра оставались в одном месте. Надо припрятать их. И уйти. А потом вернуться за ними — дней через десять, когда рейнджеры уже обыщут каждый угол в деревне и выпотрошат каждый сундук. Да, все очень просто. Так просто, что никто бы и не додумался до такой простоты».

— Индус! Подгоняй фургон с сейфом к старому колодцу. Открывать будем там.

— Открывать?

— Взрывать! Шевелись!

«Ай да Полковник, — снова подумал он, уже без малейшей злости, а, скорее, с восхищением. — Надо же, как ловко он выскользнул из Кальенте! Я, как последний дурак, сам его отправил, да еще дал охрану! Интересно, он сдаст ребят живыми или прикончит по дороге? Впрочем, не важно. Джимми и Пат не из тех, кто сразу поднимает руки. Им не на что надеяться в суде, у обоих слишком много крови за плечами. Значит, они будут отбиваться, пока их не прикончат. Значит, они не проболтаются. Все складывается не так и плохо. Лишь бы сейф поскорее открыть...»

Фургон подкатили к старому колодцу. Чтобы вытянуть из него тяжеленный сейф, понадобились усилия целой толпы, да и она не справилась бы, если б не Уолли. Наконец, железный ящик грохнулся на дорогу, и все отошли в сторону, оставив Джерико одного.

Он пересчитал заряды — их было двенадцать. Наверно, дюжины динамитных патронов хватит, чтобы разнести весь поселок в щепки. Но достаточно ли их для того, чтобы выбить дверцу сейфа? Этого Джерико не знал. И единственный человек, кто мог бы ему что-то подсказать, оказался врагом. «Эх, Полковник, не к той команде ты прибил, — подумал он, поглаживая сейф. — Каких дел мы бы натворили с тобой, если бы работали вместе!»

Он никогда не делил людей на черных и белых, или на богатых и бедных, даже на своих и чужих не делил. Богачи разоряются, свои становятся чужими, а между белым и черным вообще никакой разницы — после удачного выстрела. Нет, люди все одинаковы. Но Джерико был не таким, как все. Он знал, что таких, как он, мало. И Полковник — из той же породы.

— Джерико, смотри, кто едет! — Индус потеребил его за плечо.

Он поднял голову — и не поверил своим глазам. На склоне горы между деревьями мелькала пятнистая лошадь. Всадник погонял ее, торопясь.

— Вот так номер! — Пескарь хлопнул в ладоши. — Аппалуза! Неужто та самая?

— Не дергаться! — приказал Джерико. — Я сам с ним разберусь.

— Почему он вернулся? — испуганно спросил Индус.

— Потому что я этого хотел, — сказал Джерико.

«Господи, дай мне силы сдержать свой гнев, — взмолился он. — Удержи мою руку, когда я захочу пристрелить негодяя! А если я опережу тебя, то пусть хотя бы патрон окажется негодным, и пусть хотя бы осечка спасет жизнь этого предателя! Потому что его жизнь нужна мне»...

Полковник подскакал ближе и остановился, разглядывая сейф.

— Ты приехал. А где динамит? — поинтересовался Джерико.

— Мы навались на патруль. Твои парни разбежались в разные стороны. Договорились возвращаться по одному. Кажется, я их опередил.

— Узнаю Джимми, — сказал Индус. — Чуть что — «разбегаемся по одиночке». Никогда даже не попытается пробиться.

— Там не пробьешься, — сказал Полковник. — Мы не выбрались даже из леса, как увидели патруль на тропе.

— Много их? — спросил Джерико.

— Я насчитал пятерых, прежде чем дал деру.

— Они за вами гнались?

Полковник пожал плечами.

— За мной никто не гнался. Поэтому я здесь. Иначе пришлось бы покружить по горам. А это что? Сейф?

— Да. Сейф.

— Так вот для чего тебе был нужен динамит!

— Ты догадлив.

«А если он говорит правду? — подумал Джерико. — А если через пять минут здесь появятся Джимми и Пат? А если он никак не связан с рейнджерами? С Прайсом они встретились случайно. Точно так же, как и с Пабло. В таверне Родригеса пересеклись пути всех троих — Полковника, Гомеса и Прайса. Чистая случайность. В жизни и не такое бывает. Так что же мне с ним делать?»

Полковник оставался в седле, и руку держал возле кольта. Возможно, это была просто привычка. Но такая привычка весьма опасна для тех, кто попытается направить ствол на него. «Он выстрелит первым, — подумал Джерико. — Да, он один, а нас много. Но это ерунда, потому что после его выстрела нас сразу станет меньше. И я знаю, кому достанется его первая пуля — мне...»

— Не хочешь немного поработать? — Джерико подбросил на ладони динамитный патрон. — Покажи, на что ты способен. Откроешь дверцу — получишь свои две сотни.

— Две сотни? Ты смеешься? В сейфе лежат тысячи, а ты предлагаешь мне две сотни!

— Да. Две сотни, за которыми ты сюда ехал. Я не смеюсь, — сказал Джерико и бережно положил заряд на сейф. — Я держу слово. Ты получишь то, за чем приехал. И вдобавок останешься жив. Поверь, это не так уж и мало.

«Сейчас он начнет стрелять», — подумал Джерико, готовый при первом же движении Полковника откатиться в сторону и выстрелить в ответ.

Но Полковник снова его удивил. Он спешился и подошел к сейфу. Присел рядом, уважительно погладил полированную сталь.

— Это не так просто, — сказал он.

Джерико посмотрел на Уолли:

— Помоги моему другу.

Негр всегда понимал его с полуслова. Полковник не успел головы поднять, как Уолли навалился на него, придавив к земле.

— Нет! — крикнул Джерико, увидев, что негр замахнулся своим огромным кулаком. — Он нам нужен живым! В подвал!

Полковник не сопротивлялся, когда его разоружали. Только, отплевываясь, спросил недовольно:

— Обязательно было в песке извальять? Если я тебе нужен, так бы и сказал. Я бы остался.

— Остался бы ты, как же, — скривился Джерико в ухмылке. — Для начала уложил бы человек пять. А потом остался бы гнить под солнцем. Нет, Полковник. Не знаю, зачем ты вернулся, но теперь все будет так, как я скажу. А не так, как ты хочешь. И не так, как придумали твои дружки-рейнджеры. Может, ты и сам из них?

— Что с тобой говорить, — Полковник отвернулся. — Ты опять за свое. Опять скажешь, что раскусил меня.

— Да, раскусил! — Джерико оглядел своих бандитов. — Парни, я хочу, чтобы вы знали — спокойной жизни не будет. Нас выследили. Поэтому не станем тут задерживаться. Уходим на рассвете. С деньгами. И с двумя пленными.

— Зачем они нам? — злобно выкрикнул Кривой. — Рейнджеры пленных не берут, и мы тоже не будем!

— Мы с тобой умнее рейнджеров, — сказал Джерико. — Они понятия не имеют о том, как по-настоящему вести войну. Может, они и слова такого не слыхали — «заложник». А у нас в руках сразу два заложника. Так что, пока они живы, рейнджеры не выпустят в нашу сторону ни одной пули.

«Превосходно!» — подумал капитан Орлов за секунду до того, как его столкнули в подвал. Это был, несомненно, тот самый подвал, куда отправили Прайса, и где Орлов рассчитывал увидеть ротмистра Бурко.

Крышка захлопнулась, обрубив тусклые лучики света, и капитан оказался в кромешной темноте. Однако тех нескольких секунд, пока подвал был открыт, оказалось вполне достаточно, чтобы охватить его взглядом. И этого взгляда хватило, чтобы понять — расчеты оправдались ровно наполовину: Прайс был здесь, ротмистр отсутствовал.

«Превосходно, — снова подумал Орлов. — Я опять опоздал. Что ж, во всяком случае, я жив. А на то, чтобы устроить подкоп, потребуется не так много времени».

Он возблагодарил того, кто изобрел обычай носить штаны навыпуск, поверх сапог. Бандиты, обезоружив капитана, не удосужились его обыскать. И нож, притаившийся за голенищем, сейчас казался ему лучшим товарищем. А уж вдвоем-то им нечего бояться.

На четвереньках, ощупывая земляной пол, капитан переполз в угол, где слышалось тяжелое дыхание Прайса.

— Как ты, Шон? Ранен?

— Рука...

Пальцы нащупали туго затянутые узлы веревок, а потом — липкую ткань.

— Похоже, кровь идет, — сказал Орлов. — Но слабо. Скажи им спасибо — они думали, что связывают тебя, а получилось, что наложили жгут. Даже не знаю, стоит ли тебя развязывать.

— Не стоит. Всё равно убьют. — Прайс закашлялся. — Пол, я вроде как виноват перед тобой. Но я не знал, что у них есть динамит. Оказалось, у них до черта динамита. Если они не пожалели его для меня...

Он снова закашлялся, тяжело и надрывно.

— Черт! В меня стреляли из всех видов оружия, на меня кидались с ножом, вилами и шахтерской киркой, но динамитом меня еще не взрывали.

— О чем ты? Никто тебя не взрывал.

— Да? А как я, по-твоему, оказался тут? Все шло как по маслу, и вдруг — взрыв! На меня рушится потолок, я зажмурился будто бы на секунду, открываю глаза — а я уже связан и валяюсь в могиле... Но... погоди. Меня сдал трактирщик. Наверно, узнал. Наверно, он раньше жил возле Сан-Антонио. Но ты-то за что сюда попал? Они подслушали нас, вот что!

— Нет, — подумав, ответил капитан Орлов. — Джерико клюнул на нашу приманку. И отправил меня за динамитом. Под конвоем. Я освободился от конвоя и вернулся.

— Зачем? Ты же должен был найти Джонса!

— Не беспокойся. Рейнджеров я вызвал другим способом. Потому и смог вернуться. Видишь ли, у меня тут есть одно дельце... — Он исправился: — Было одно дельце. Ну вот, я вернулся, и они меня скрутили. Кажется, я знаю, почему. В толпе мелькнула знакомая физиономия. Я видел этого парня в таверне Родригесов. Один из тех, кого мы с тобой заперли в курятнике.

— Черт! Значит, шериф их всех отпустил. Я так и знал, что ему нельзя доверять, — устало проговорил Прайс. — Но... Ты уверен? У тебя такая хорошая память на лица?

— Трудно забыть лицо того, кто целился в тебя из винчестера.

Капитан уже разрезал веревки и, нащупав окровавленную кожу, попросил:

— Шон, потерпи малость. Сейчас будет больно. Я хочу проверить твою рану. В темноте придется действовать на ощупь, а это не слишком приятно.

— Это точно, не слишком. — Прайс скрипнул зубами. — Зря это всё. Что там? Навылет? Я не чувствую пули под кожей.

— Да, навылет.

— Это еще до взрыва, — сказал Прайс. — В горячке только почувствовал удар, даже не

понял, что ранили.

— Говорю тебе, не было никакого взрыва.

Орлов, как мог в темноте, перевязал его руку. Больше крови нигде не было, и он обрадовался — с такой раной Прайс способен не только к побегу, но и к драке.

— Как это — не было взрыва? — проворчал рейнджер.

В этот момент капитан Орлов почувствовал, как дрогнул земляной пол подвала. Сверху посыпался песок.

— А это что, по-твоему? — насмешливо спросил Прайс. — Опять скажешь, что не было взрыва?

— Они взорвали сейф.

— Значит... — Прайс снова зашелся в приступе кашля.

— Тебе лучше бы помолчать, — сказал Орлов. — Наверно, у тебя легкая контузия. Грудь болит?

— Спина. И бок горит. Только это всё ерунда. Пройдет. Скоро все пройдет.

— Джерико ничего нам не сделает. Он держит нас в заложниках.

— Глупо.

— Может быть, рассчитывает договориться с рейнджерами, когда те окружают деревню. Неужели твоя жизнь не стоит того, чтобы выпустить отсюда банду, которую можно будет схватить с другой раз, в другом месте?

— Пол, рейнджеры не договариваются. — Прайс говорил с трудом, и в горле у него что-то булькало, но голос звучал гордо, почти надменно. — Рейнджеры не ведут переговоров о заложниках. Заложник считается погибшим с момента захвата. А за погибшего надо просто отомстить. Вот и весь разговор. В Кальенте останутся только вдовы, сироты и развалины. И это — правильно. А теперь давай помолчим. Мне надо кое-что обдумать...

Орлову не понравилось то, что сказал Прайс. И дело было даже не в смысле слов, а в их интонации. Так говорят приговоренные или безнадежно больные. «Наверно, у него не только рука ранена, — подумал капитан. — Когда на человека рушится потолок, может достаться и по голове. Внутренности могло отбить. Ему сейчас тошно, вот он и ноет. Плохо. В таком состоянии он — не боец. Запишем его в разряд временно выбывших из строя».

Глаза его понемногу привыкли к темноте: откуда-то сверху брезжило неясное свечение. Не из-под крышки, нет. Капитан пополз вдоль стенки, ощупывая каждую пядь земли перед собой.

На этом пути его ждало немало находок. Обнаружив пару бумажных клочков, он понял, что это остатки конвертов, когда под пальцами хрустнули ломкие осколки сургуча. Сердце капитана заколотилось, едва не выпрыгивая из груди, когда он наткнулся на что-то металлическое. То был кофр, в котором возят дипломатическую почту. Обычно этот плоский ящик был спрятан под коленкорovou или кожаную оболочку, и выглядел как чемодан либо саквояж — в зависимости от размеров. Кофр не боялся огня, и был недоступен для обычных взломщиков. «Как же они его вскрыли?» — думал капитан, тщательно ощупывая холодный толстый металл. Возле рукоятки он обнаружил застрявшие в креплении свинцовые крошки и понял, что по кофру стреляли. Видимо, в горячке. А потом нашелся кто-то более рассудительный, кто высверлил несколько заклепок. Во всяком случае, кофр вскрыли, и его содержимое бесследно исчезло. Если не считать обрывков...

Он был почти уверен, что перед ним тот самый кофр, с которым ехал курьер в сопровождении барона Лансдорфа и его семьи. Второго такого чемоданчика в Техасе быть не могло.

«Значит, я на верном пути, — подумал Орлов. — Значит, и ротмистр где-то рядом. Продолжим поиск».

Скоро он наткнулся на рыхлые кучки земли, потом обнаружил ступеньки, высеченные в глиняной стене. А еще выше его пальцы нащупали концы каких-то досок и сучьев. И именно оттуда сочился едва различимый свет. Этими деревяшками была завалена нора, ведущая наружу!

«Кажется, кто-то уже устроил тут подкоп раньше меня, — подумал Орлов. — Кто-то? Надеюсь, что это был ротмистр. Интересно, далеко ли он ушел?»

Подергав доски, которыми была забита щель между потолком и стеной, он убедился, что с ними не справиться. Да и вряд ли теперь бандиты оставят подвал без присмотра. Значит, у него остался только один выход. Выход через вход.

Он вдруг снова ощутил приступ смертельной усталости, и уселся на рыхлую горку земли.

— Пол? — раздался голос рейнджера. — Ты здесь?

— Пока еще.

— Черт, я, кажется, вырубился. Снова показалось, что меня уже похоронили.

— Не торопись.

— А знаешь, я уже лежал в могиле. В братской могиле, — добавил Прайс. — Это было на войне. Ты воевал?

Орлову было лень задумываться над ответом. И он сказал:

— Да.

— Здесь? У нас?

— Нет, у нас.

— Я слышал про русских, которые воевали на нашей войне.

— Только слышал? А не встречал?

— Нет, не встречал. А может, и встречал. Тогда мы как-то не задумывались, кто откуда приехал. Да это всё ерунда. Ирландцы, к примеру, бились и за нас, и за южан.

— Не хотел бы я попасть туда, где они сходились, — сказал Орлов.

— О да, говорят, там был сущий ад... Ты когда-нибудь видел, как дерутся ирландцы?

— Конечно.

— А мне еще приходится их разнимать. — Прайс засмеялся, и на этот раз без кашля. — Обычный дебош легко остановить парой выстрелов в потолок. А с этими дьяволами ты можешь хоть весь салун изрешетить — они даже не заметят.

— Ну, и как ты справляешься? — спросил Орлов.

— Как? — Прайс помолчал. — Как... Да стреляю по ногам. Без разбора, кто прав, кто виноват. Трех-четверых свалишь, только тогда до остальных дойдет, что пора успокоиться.

— Сурово.

— Да, хорошо, что на войне с ними не встретился. А еще было много немцев. Только что из Европы. И сразу записывались в армию, прямо в порту. У вас там в это время тоже шла какая-то война, да?

— Да у нас все время идет какая-нибудь война.

— Из-за чего?

— Для войны всегда найдется десяток причин, о которых напишут в газетах, — сказал капитан Орлов. — А правды все равно никто никогда не узнает.

— Ты воевал в пехоте?

— Скорее, в кавалерии.

— Понятно. Значит, ты из богатых.

— Ничего это не значит, — ответил Орлов, немного уязвленный насмешливым тоном Прайса. — Просто так сложилось. Не беспокойся, я и на своих двоих набегался на войне. И врага видел не в подзорную трубу.

— И давно это было?

— Давно.

— Мне тоже иногда кажется, что война была давно, — сказал рейнджер. — А сейчас вот — будто и не кончалась. Опять могила, опять пахнет глиной и кровью, опять думаешь о том, кто тебя встретит за порогом, черти или ангелы.

Прайс надолго замолчал. Капитану Орлову было хорошо знакомо его состояние. После контузии человек будто пробирается в санях через пургу, которая время от времени прекращается, и тогда можно оглядеться, отдышаться, выбрать верное направление — и

вдруг снова налетает буран, снова снег и ветер бьют в лицо, и ты снова ничего не видишь, не понимаешь, снова катишься куда-то...

Земляной пол под ногами снова дрогнул. «Еще один взрыв? Превосходно, — подумал Орлов. — Если вы, ребята, не взломали сейф с первой попытки, то уже не справитесь никогда. А ваши взрывы только поторопят рейнджеров и подскажут им верное направление».

— А давно ты в Америке? — снова заговорил Прайс.

— Пять лет.

— И все это время торгуешь хлебом?

— Как видишь.

— Слушай, Пол, тебе не кажется, что ты занимаешься не своим делом? Ничего не имею против торговли. Особенно против торговли хлебом. Но это дело любому по плечу. Даже последний тюфяк, трус и белоручка может справиться с такой работой. Ты же из другой породы, Пол.

— С чего ты взял?

— Это видно.

— Жаль, если так, — усмехнулся Орлов. — Но ты не прав. Тюфяк, трус и белоручка не продержатся и недели в бизнесе. Здесь надо рисковать, здесь надо быть наглым. Не гнушаться грязной работы. И еще надо уметь принимать удары. И быть готовым к тому, что тебя собьют с ног. И тут важно, чтобы тебя не растоптали. А потом встать, отдышаться — и снова в драку. Вот что такое бизнес.

— На что только люди не идут ради денег, — сказал рейнджер. — Уж я-то знаю. Говорят, есть преступники, которые убивают ради удовольствия. Я таких не встречал. Иногда попадались такие, кто убивал из мести, или по пьяному делу. Честно скажу, я их и преступниками не считаю. И ни одного из таких не застрелил при аресте. Но все остальные — они нарушали закон ради выгоды. Хапнуть денег, или завладеть чужой собственностью, или устранить соперника... Все сводится к одному — к выгоде.

— Извини, а ты сам-то о выгоде не думаешь?

— Я не идиот. Конечно, можно неплохо зарабатывать, не нарушая закон. Но можно очень хорошо зарабатывать, охраняя закон.

— Ты хорошо зарабатываешь?

— Ну, только премий за пойманных преступников я получил... — Прайс долго подсчитывал, — я получил двадцать две тысячи долларов.

— Двадцать две тысячи? Да ты богач!

— Мог бы получить и больше, если бы мне засчитали всех, кого я прибил. Знаешь, как бывает. Следишь за ним, следишь, потом сходишься, он на тебя кидается с оружием — и получает свое. А в участке тебе говорят, что это совсем не тот парень, за которого обещали деньги. И ничего им не докажешь, потому что он лежит рядом и молчит, а на лбу у него не написано, что он тот самый. Я вот думаю, что надо бы всех преступников клеймить, как телят на ранчо. Все равно он уже никогда не станет нормальным человеком, а у нас бы меньше было забот...

Шон Прайс снова закашлялся и надолго замолчал.

— У меня тоже были трудности с опознанием, — сказал Орлов.

— Что? Хочешь сказать, ты кого-то завалил по ошибке?

— Нет, что ты! Я же простой хлеботорговец. Как-то раз застрял на узловой станции. Перебрасывал груз с одного эшелона на другой. А все грузчики там были китайцы. Для начальства они все были на одно лицо. И пользовались этим. Во время выдачи зарплаты некоторые из них подходили к кассиру по несколько раз и называли чужие имена. Ву, Чан, Ляо... А потом приходили настоящие Ву с Чаном и Ляо, а денег уже нет.

— Надо было назначить одного китайца помощником кассира, — перебил его Прайс.

— Я до этого не додумался, — признался капитан. — Но я подсказал другой способ. В ведомостях при получении денег всем рабочим приказали не расписываться, а ставить

отпечаток большого пальца. Мазали палец чернилами и прикладывали вместо подписи. А чернила смыть трудно, так что по второму кругу уже никто не приходил.

— Чернила можно смыть хорошим виски. Я сам видел, как у нас в канцелярии писарь чистил свой обшлаг, — заявил рейнджер. — Конечно, грузчик не станет переводить виски на такое дело. Так что это ты здорово придумал. А как думаешь, это правда, что у каждого человека на пальцах рисунок, который не повторяется у других людей? Вот было бы здорово.

— Это было бы слишком просто, — ответил капитан. — Тогда в каждом полицейском участке просто была бы коллекция отпечатков пальцев всех преступников. Но раз такой коллекции нет, значит, всё это сказки. Вроде того, что в глазах покойника сохраняется образ убийцы.

— Точно, вранье. Сколько раз я ни заглядывал в глаза мертвецов, ничего там не видел. — Прайс снова надрывно закашлял. Потом спросил: — Так что ты скажешь насчет моей идеи? Будем клеймить плохих парней?

— Зачем?

— Чтобы потом не было лишних разговоров, когда предъявляешь тело. Заказывали Джона Смита с клеймом, к примеру, «НН» или «ЕЕ»? Так получите, и рассчитаемся.

— Не знаю, — подумав, ответил капитан. — Некоторых можно опознать по татуировкам. Но, наверно, фотография лучше клейма.

— Нет, не лучше. Видел я эти фотографии. Все мексиканцы получаются на одно лицо. А негра пробовали снимать на фото? Пусть даже и не пробуют. И потом, их же фотографируют в тюрьме. А знаешь, как на свободе люди меняются? Нет, Пол, лучше клейма ты ничего не предложишь. Его четко видно и на белой, и на черной коже. И с годами оно не меняется. Так-то вот.

— Ну, это не новая идея, — сказал Орлов. — Во многих странах ставили клеймо каторжникам. Потом отказались от этой затеи. Клеймо унижает человеческое достоинство. Тюрьма нужна не для того, чтобы наказывать, а для того, чтобы исправлять. А клеймо не смоешь. В результате человек выходит на свободу исправленным, но с клеймом.

— Подумаешь, проблема! Поставить второе клеймо. Первое клеймо означает, что он гад, второе — что он исправленный гад.

— Вот-вот, — сказал капитан. — Именно с этим общество и борется. Человек — не гад. Он может совершать ошибки, может грешить, но он все равно остается человеком. Вершиной творения.

— Ты это серьезно? — недоверчиво спросил Прайс.

— Это не я. Это общество так думает.

— Повалюсь бы это общество сейчас рядом с нами. Наверно, иначе заговорило бы.

— Еще поваляется, — сказал капитан. — Еще заговорит иначе. Всему свое время.

— А сам-то ты как думаешь? Ну, насчет вершины творения?

— Думаю, что так и есть. Человек — это лучшее из созданий. Достаточно вспомнить, по какому образцу он был изготовлен. Человек создан, чтобы из хаоса творить порядок. Вначале ведь был хаос. Потом началось творение. Поскольку рыбы, птицы и звери не справлялись с хаосом, был создан человек. Человек *творит*, понимаешь? Не просто размножается, а строит дороги, города, мосты. Лечит больных, учит неграмотных. Несет Слово Божье. В общем, творит. Пока его не убьет какая-то сволочь.

— Убийца — он ведь тоже человек. Может, он и был создан для убийств?

— Нет. Никто не рождается с ножом в руке. Или с ядовитым зубом, как у змеи. Нет, человек рождается для того, чтобы творить. А убийство... Убийство — грех, и не важно, кого ты убил. Кровь у всех одинакова, и у младенца, и у Джерико. Да, я грешник. Я хочу его убить. Я должен его убить, чтобы он перестал убивать. — Капитан устыдился столь высокопарной речи и добавил с усмешкой: — Это же чистая математика. Пусть лучше погибнут двое, Джерико и я, чем десятки тех, кого он сможет убить, если я его не остановлю.

— Понятно, — сказал Прайс после долгой паузы. — Ты загнул больно круто, но я с

тобой соглашусь. Я убил много разных уродов. И сам удивлялся, почему мне их несколько не жалко. Теперь понятно. Это были не люди. Они предали замысел создателя, они переметнулись в армию его врага. А с предателями в любой армии разговор короткий. Да, Пол, здорово ты все расставил по местам. Может, тебе стать проповедником?

— Сначала надо узнать, какой доход приносят проповеди. Посчитать издержки. Определиться с рынком. А потом уже можно попробовать. А то давай выступать на пару, а?

Они оба рассмеялись.

— Эх, — вздохнул рейнджер. — Вот ты говоришь, богач... Если б они у меня были, эти тысячи... Сам знаешь, одинокая жизнь, большие расходы. Дал знакомой семье в долг, они отправились в Калифорнию — да и пропали. Что еще? Ну, есть у меня счет в банке...

— Надеюсь, не в банке Эль-Пасо?

— Нет, — засмеялся в ответ Прайс. — Слушай, Пол, бросай ты свою хлеботорговлю, записывайся к нам, в рейнджеры. Я замолвлю словечко, тебя примут без лишних вопросов.

«Он только что готовился к смерти, — подумал Орлов. — А теперь строит планы на будущее. Возможно, у него начался предсмертный бред».

— Чего задумался? — окликнул его рейнджер. — Тут и думать нечего. Таких предложений ты больше не услышишь.

— Ладно, — сказал капитан Орлов. — Договорились. Как только выберемся отсюда, я записываюсь в твою роту.

— Нет, — сказал Прайс. — Ты будешь служить с Джонсом. Здесь, на границе.

— Почему?

— Потому что в Сан-Антонио служу я. А вдвоем нам будет тесновато.

Наверху загревели шаги, и крышка люка откинулась. Яркое пятно света расстелилось на земляном полу подвала, и Орлов невольно зажмурился.

— Эй, полковник!

По голосу он узнал плешивого бандита. Но отвечать не собирался.

Лестница опустилась в проем, и плешивый снова крикнул:

— Эй, полковник, выбирайся! Пришло твое время!

Капитан Орлов оглянулся на Прайса. Только теперь, на свету, он смог разглядеть, что рейнджеру и в самом деле изрядно досталось там, в таверне, когда огромный негр сокрушил стены, чтобы взять его в плен. Волосы на голове слиплись от крови, превратившись в корку, покрытую пылью. Лицо землисто-серое, губ просто не видно. «Он потерял много крови, — подумал Орлов с тревогой. — И, похоже, от внутреннего кровотечения. Показать бы его врачам... Да, пожалуй, от них мы бы не услышали ничего обнадеживающего».

— Шон, держись, — сказал он.

Прайс с трудом подал ему руку, и Орлов пожал холодную ладонь. «Плох, совсем плох», — подумал он. И вдруг ощутил такое крепкое ответное рукопожатие, что устыдился своих страхов.

— Ты тоже держись, — сказал рейнджер. — И помни — мы договорились.

20

Под утро на тростниковой крыше появилась роса, и ротмистр поспешил собрать ее, используя носовой платок. Он выжимал его над ржавой консервной банкой и набрал примерно с полстакана. Пока еще жажда не была мучительной, и Бурко решил, что выпьет эту воду только вечером, перед тем как выйдет наружу. Выпьет сразу всю. Если же делить столь скудный запас на порции, то вода просто смочит горло, не дойдя до желудка.

Надо поменьше двигаться и ничего не есть, и тогда без воды можно продержаться довольно долго. Он вспомнил, как лежал в засаде на горной балканской тропе. С ним было еще шестеро казаков, и на всех оказалась лишь одна фляга с водой. Примерно в сотне шагов журчал ручей, стекающий по скале — но он был на другой стороне пропасти. И к исходу вторых суток его журчание просто сводило с ума. Когда же, наконец, появился турецкий

генерал со свитой, и когда свита была расстреляна, а генерал стоял с поднятыми руками — на него никто и не глядел, все срывали с убитых баклажки с водой и жадно пили. «Хорошее было дело, — подумал Бурко. — И место там было красивое. Горы...»

Увы, место, где ему пришлось укрываться ныне, отнюдь не прельщало глаз красотами. Сквозь щель в стене он видел только пыльную улочку и площадку вокруг заброшенного колодца. За плоскими крышами хижин виднелась далекая серо-зеленая стена, в которой угадывались подножия гор. Но чтобы полюбоваться очертаниями вершин, надо было либо расширить щель, либо самому высунуться наружу — а ротмистру не хотелось лишними телодвижениями привлечь к себе внимание тех, кто с ночи находился возле его укрытия.

Они несколько раз сменили друг друга — Бурко это понял по тому, как менялись голоса, звучавшие порой прямо возле стен дома, где он прятался. Он долго пытался понять, чего им тут надо. Ну ладно, ночью они сбежались сюда, чтобы встретить своего предводителя, Джерико. Однако тот, судя по всему, вошел в деревню с другого конца. Зачем же оставаться тут? Бурко надеялся, что они заснут хотя бы на рассвете, и тогда он мог бы незаметно выскользнуть из дома. Но они ни на минуту не сомкнули глаз, сидя у костра и ведя бесконечные пустые разговоры. Перед рассветом подошла еще одна парочка, от них-то Бурко и услышал про то, что Джерико вернулся с богатой добычей. Новость всех порадовала, однако площадка возле колодца не опустела. В конце концов ротмистр понял, что в банде соблюдается почти военная дисциплина. Во всяком случае, здесь имели представление о том, как важен дозор, выставленный на границе расположения. Мысленно поставив бандитам высший балл за знание тактики, ротмистр улегся поудобнее и решил выспаться. Ночью ему потребуется освежить и собственные тактические познания: на тему «Проведение ночных перемещений между вражескими постами».

Думал ли он, отплывая в Америку, что в деле политического сыска может пригодиться военный опыт? Нет, не думал. А ведь Петр Иванович Рачковский, новый руководитель заграничной агентуры, предупреждал его: «Вы отправляетесь на войну, и не забывайте об этом ни на минуту. Война, развязанная террористами против Отечества, ведется на невидимых фронтах, и линия обороны проходит через наши с вами сердца...»

Петр Иванович в недавнем прошлом занимался журналистикой, на военной службе никогда не состоял, и видимо, опасался, что ротмистр недостаточно серьезно его воспринимает. Его напутственная речь содержала множество подобных цветистых оборотов, и Бурко привычно пропускал их мимо ушей. А зря. Хоть ему и не удалось обнаружить никакой связи между столичными «динамитчиками» и эмиграцией, на войну он таки угодил. На самую настоящую войну.

Полицейские, скрутившие его на развалинах особняка Лансдорфа, искренне повеселились, когда он назвался Джоном Фордом из Нью-Йорка. «Говоришь, тебя зовут Джон Форд? И ты приехал поохотиться? Таких охотников мы держим в крепости до тех пор, пока их не опознают, — сказал ему сержант. — И будь уверен, приятель, ты просидишь там не больше чем с полгода. А потом отправишься прямиком в суд. Может быть, это будет суд Техаса, а может, и нью-йоркский суд. Зависит от того, где тебе светит больший срок. Что ты сказал? Адвокат? О да, несомненно, мы найдем тебе адвоката. Примерно через месяц. А пока у тебя будет время подумать. В крепости — все условия для того, чтобы подумать. Некоторым хватает недели, чтобы начать давать правдивые показания».

Граф Орлов не позволил ему задержаться в крепости, но вряд ли это пошло на пользу делу. Бурко сам не знал, должен ли он благодарить капитана, либо тот заслуживал порицания. Этот вопрос был не таким малозначительным, как могло бы показаться. Ведь именно Бурко должен был рекомендовать — или не рекомендовать — капитана Орлова на весьма ответственную должность. До сих пор зарубежная агентура тайной полиции действовала лишь в Европе, преимущественно во Франции и Швейцарии, то есть в местах, облюбованных революционными эмигрантами. Но сейчас революционеры усиленно налаживали связи с Америкой, и Рачковский не скрывал, что ему бы хотелось подставить эмиссарам заговорщиков своего человека. Подобные комбинации успешно выполнялись им

в Европе — чем же Америка хуже? Разве здесь мало выходцев из России, которые готовы всем сердцем откликнуться на социалистическую проповедь? Откликнуться, завоевать доверие, войти в руководящие структуры — и проводить в них политику, которую сам же Петр Иванович и разработает!

Да, план был хорош. Жаль, что с его осуществлением придется подождать до лучших времен.

Убивая время в чутком сне, ротмистр Бурко продолжал оттачивать формулировки своего отчета. Нет, граф Орлов не станет сотрудничать с Рачковским. Офицеры Генерального Штаба неспособны понять, что означает словосочетание «внутренний враг». Они слишком озабочены угрозами врага внешнего. Но об этом в отчете не стоит даже упоминать. Орлов просто не подходит к роли, уготованной ему. В его характеристике преобладающими станут такие категории, как «импульсивность», «самонадеянность», «пренебрежение нормами закона». Да, у него наработаны обширные связи, но их никак не удастся использовать в деле спасения Отечества....

Он подбирал все новые и новые доказательства того, что Орлова следует оставить в покое. Нельзя сказать, что ротмистра Бурко так уж сильно волновала судьба капитана. Просто, думая об Орлове, ротмистр невольно забывал о своем бедственном положении.

Но действительность напомнила о себе самым бесцеремонным образом.

Сначала мирную тишину полусонной окраины разорвала недалекая пальба. Бурко приник к щели, готовый к отпору — однако не увидел никаких перемен. Двое караульных продолжали резаться в карты, не обращая внимания на выстрелы. Их безмятежность успокоила ротмистра, и он снова задремал.

Затем, спустя какое-то время, его разбудил взрыв. Старый дом зашатался, из-под потолочных балок посыпалась труха, и Бурко уже ожидал, что сейчас все рухнет. Однако обошлось. Он заглянул в щель и увидел в облаке оседающей пыли толпу бандитов. Они сбегались к угловатому большому предмету, лежащему посреди площади. И по их выкрикам ротмистр пришел к заключению, что только что стал свидетелем неудавшейся попытки вскрыть сейф с помощью динамита.

Они галдели и суеились, размахивая руками — и вдруг замолчали, застыли, присмирели. Пыль улеглась, и Бурко смог разглядеть того, чей негромкий голос заставил толпу утихомириться. Это был Джерико. Он еще что-то сказал — и все разбежались. Кто-то спрятался в канаве, кто-то скрылся за забором. У сейфа остались двое — Джерико и плешивый бандит. Они о чем-то посоветовались, и главарь неспешной походкой направился к канаве, а плешивый принялся возиться с динамитными патронами и шнуром.

Его неловкие манипуляции настолько раздражали ротмистра, что тот едва не закричал: «Ну кто же так работает с динамитом! Нет, если вам хочется просто побаловаться новогодней хлопушкой — то пожалуйста. Но у динамита есть и другое предназначение. Кажется, вам он нужен для того, чтобы заглянуть внутрь сейфа? Так будьте покойны, с таким мастером-подрывником вам это не удастся. Неужели не ясно, что вся сила взрыва уйдет туда, где она не встречает препятствия? То есть в чистое небо, да по сторонам. Небу-то все равно, а вот трухлявый домик может не выдержать второго удара взрывной волны. Вы об этом подумали, господа кретины? Дай вам волю, вы всю деревню в пыль сотрете, а сейфа вам все равно не открыть...»

Ему было смешно наблюдать, как Джерико демонстрирует свою неустрашимость перед лицом грозной и неуправляемой силы динамита. Главарь бандитов скрестил руки и со скужающим видом глядел куда-то в небо, в то время как остальные бандиты опасливо выглядывали из канавы, а «подрывник» все не мог присоединить шнур к капсулю. Ротмистра даже посетила озорная мысль: он мог бы оказать ценную услугу плешивому, выстрелив в ту связку патронов, что сейчас покоилась на сейфе.

Однако все обошлось без его вмешательства. Шнур, наконец, был вставлен и подожжен. Плешивый опрометью кинулся к канаве, а Джерико еще постоял на краю, и только в самый последний момент лениво шагнул вниз. Ротмистр Бурко на всякий случай

перекатился в другой угол — кто его знает, а вдруг домишко и вправду не выдержит второго потрясения? Упавшая балка может раздавить его, как таракана. А такая смерть как-то не вяжется с образом героя-разведчика...

Он успел окинуть мысленным взором множество других, более романтических картин собственной гибели, когда прогремел долгожданный взрыв. Дом заходил ходуном. И балка, на которую он так долго и так внимательно смотрел, не обманула его ожиданий — она скрипнула и со всей дури грохнулась аккуратно на то самое место, где несколько минут назад лежал ротмистр Бурко.

За проявленную бдительность он вынес себе устную благодарность перед строем и снова глянул в щель, которая, кстати, изрядно расширилась.

* * *

— Так не бывает! — в ярости орал Кривой, прыгая вокруг сейфа.

Джерико подумал, что сейчас его приятель почти в точности повторяет боевую пляску апачей: Кривой в иступлении бил пяткой в песок, подскакивал, взвизгивал, колотил себя кулаками по бедрам. Не хватало только раздеть его по пояс и расписать воинскими красками.

Подумал он и о том, что такая пляска может закончиться плохо для того, кто сейчас осмелится приблизиться к Кривому — тот уже выхватил револьвер и потрясал им над головой.

— Не бывает так! Не может такого быть! — почти неслышно просипел Кривой.

Ярость лишила его голоса, но не помешала нажать на спусковой крючок. И шесть пуль смачно расплющились о полированный металл, оставив на нем лишь едва заметные пятна.

Разрядив кольт, Кривой стал не так опасен, и Джерико его окликнул:

— Брат, не трать патроны, они нам скоро понадобятся.

— Сколько еще динамита у нас осталось? — почти окончательно успокоившись, спросил Кривой.

— Шесть зарядов.

— Клади сюда все!

— Нет, — сказал Джерико.

— Мы взорвали сначала два, потом — сколько? Четыре! — горестно воскликнул Кривой. — И хоть бы царапинка появилась на этой чертовой дверце! Клади шесть! Так не бывает, чтобы железный ящик выдержал сразу шесть динамитных зарядов!

— В каждом деле — свои секреты, — спокойно ответил Джерико. — Никто не может знать всех секретов. Но только дурак откажется в этом признаться. А мы с тобой — не дураки. Сейчас приведут того, кто нам поможет.

— Мне это надоело. — Кривой устало присел на сейф, перезаряжая кольт. — Ты темнишь со мной, брат. Я не знаю, чего ждать от тебя в следующую минуту. Все начиналось так хорошо, так просто. Я думал, ты выследил кого-то. Думал, мы перехватим на дороге парочку богачей. Думал, что ты пригласил меня, потому что там большая охрана, и тебе нужны стрелки. А все оказалось совсем не так. Это плохо, брат. Раньше ты был другим. Раньше я верил тебе. А теперь не знаю, чего еще ждать от тебя.

— Ты устал, это понятно. Но потерпи, не много осталось...

— Да, не много. До утра. В горах — рейнджеры. Джимми и Пат не вернулись. Догадываешься, почему? Вот-вот, я тоже думаю, что им не удалось оторваться. Рейнджеров много. За ночь они нас окружат. А на рассвете всех перебьют. Надо уходить, брат, — сказал Кривой. — Черт с ним, с сейфом. Клади последние заряды. И если они с ним не справятся — значит, мы откусили больше, чем можем проглотить. Не будем давиться. Выплюнем этот кусок, и пойдем дальше.

Кривой плюнул на сейф и с отвращением посмотрел на плевок, стекающий по обугленной стенке.

«Я бы заставил тебя вытереть мой сейф, — подумал Джерико. — Я бы заставил тебя

слизать собственный плевок, если б ты мне не был нужен. Но ты нужен. Ты примешь пулю, которую направят в меня. И сам успеешь уложить кого-то, кто хочет меня убить. Ты мне нужен, брат. Но плевать на мой сейф? Этого я тебе не прощу...»

— Я потерял лучших друзей, — продолжал Кривой. — Фриско, Пузатый... А Луиса убил ты. Ты даже не позволил его перевязать, взял — и убил.

— А ты хотел, чтобы он умер от гангрены? — Джерико покачал головой. — Брат, ты и сам понимаешь, что я был прав. И не забывай, рядом с Луисом остался лежать Хью Скрипач. А ведь он был мне как сын!

— У нас не было раньше таких потерь, — сказал Кривой. — Таких глупых и ничемных потерь. Ради чего погибли мои ребята, ты можешь сказать?

— А ради чего они жили?

— Эх...

Когда привели Полковника, Кривой даже не глянул в его сторону.

— Скажи, друг, тебе приходилось иметь дело с такими штучками? — спросил Джерико, небрежно кивнув в сторону сейфа.

— Нет. Но я слышал, что это не так просто.

— Помнишь наш разговор насчет пары сотен? Так вот, я подумал, и решил, что ты заслуживаешь большего. Тысяча долларов. Вот новая цена.

— Это звучит лучше, — Полковник ухмыльнулся. — Но мне не надо лишнего.

— Хорошо. Твоя цена?

— Цена? Я не торгаш. Ты просто берешь меня в долю вместе со всеми.

Кривой поднял голову и уставился на Полковника:

— Что ты сказал? Вместе со всеми?

— Ну да. Это будет справедливо. Я получу свою долю. И останусь с вами. Если вы не против.

— Зачем ты нам нужен? — Кривой презрительно оглядел его.

— Ну, это же не последний сейф в вашей жизни, так? — Полковник не смотрел на Кривого, а обращался к Джерико. — Хорошие деньги можно найти только в сейфах, только в банке. А динамит — это ключ к любому банку, к любому сейфу. Так что вы не пожалеете, если примете меня.

— Всё ясно, — сказал Индус. — Парень просто не хочет еще раз нарваться на рейнджеров. Видать, они нагнали на него страху.

— Войдешь в долю, — бросил Джерико. — Открой сейф — и ты с нами.

Полковник с довольной улыбкой потер руки и поднял с землю моток шнура.

— Так-так, должно хватить... Где вы укрывались, когда взрывали?

Индус махнул рукой в сторону канавы. Полковник присвистнул:

— Вам повезло. Если б рванули немного больше динамиту, все бы там и остались, в канаве. Дайте мне лопату, кирку и лом, и убирайтесь вон туда, к забору. А я все сделаю сам.

Джерико кивнул:

— Сразу видно опытного человека. Обойдешься без помощников?

— Ну, сначала мне надо все осмотреть. — Полковник скосил глаза в сторону Кривого и добавил негромко: — Осмотреть без посторонних.

Джерико отошел к Кривому и похлопал того по плечу.

— Брат, потерпи еще немного. Отведи ребят к забору. Скоро все кончится, скоро. Мы набьем полные карманы, мы будем по колено в золоте, мы будем нырять в него, как в реку!

Кривой сбросил его руку со своего плеча.

— Я уже не верю в твои сказки, — сказал он.

Но не ушел дальше забора, а остался там, глядя куда-то в сторону, и всем своим видом выказывая полнейшее равнодушие.

Оставшись наедине с Полковником рядом с сейфом, Джерико зачерпнул немного песка и присыпал след плевка, оставшийся после Кривого. Это мерзкое пятно жгло ему душу.

— Хороший сейф, — сказал Полковник. — Редкий. Но я уже видел такие. Они, как

слоеный пирог. Между стальными листами проложена медь. И когда пытаешься разрезать стенку огнем, она не плавится, потому что медь отводит тепло.

— Я же говорил, ты не похож на работягу, — сказал Джерико.

— Ты меня раскусил, — улыбнулся Полковник. — Я в жизни ни одного дня не работал на кого-нибудь. Сегодня — в первый раз.

— Мы же договорились, — нетерпеливо поморщился Джерико. — Ты не работаешь на меня. Ты в доле. Приступай скорее.

— Погоди. Надо кое-что уточнить. Вы не переворачивали сейф? Я слышал два взрыва. И оба раза вы устанавливали заряды на дверцу?

— Да. Что, незаметно?

— Дело в том, что в этих сейфах дверца — самая толстая и крепкая деталь. Возможно, заряд надо было прикрепить над петлями...

— Над какими петлями? — закипая, спросил Джерико. — Где ты видишь петли?!

— Можно было простучать, найти их по звуку... — Полковник поднял с земли камень и принялся обстукивать края сейфа, приложив к нему ухо. — Но теперь это бесполезно. Такая конструкция. С запорами. Они выдвигаются при малейшем ударе. И теперь дверцу не откроет даже хозяин сейфа. Ему придется везти сейф на завод, где его изготовили.

— Ты издеваешься?

— Нет. — Полковник камнем соскоблил со стенки след плевка Кривого, а потом протер это место рукавом, и стенка снова засияла чистотой. — Нет, я просто размышляю вслух. Извини, это привычка. Вот почему я всех прогоняю, когда работаю. Мои мысли — моя тайна.

— Ты не прогнал меня.

— От тебя мне нечего скрывать. Так-так, про дверцу забудем. Иногда в таких сейфах заднюю стенку делают тоньше остальных. Считается, что она защищена стеной здания. Но здесь-то... — Он распрямился и потер поясницу. — Все ясно. Я взорву его снизу. Заряды поставлю под швы. Но их еще надо найти. Иначе — всё впустую.

— Ты найдешь.

— Другого выхода нет. Надо найти. — Полковник задумчиво потер подбородок. — Эх, если бы здесь были мои ребята! Мы бы вскрыли эту консервную банку за пять минут.

— Твои ребята? Ну, и где же они? — спросил Джерико.

Он понял, что Полковник неспроста завел этот разговор. Этот хитрец был не из тех, кто говорит просто так. «Он такой же, как я, — подумал Джерико. — Жаль, мы не встретились раньше. Я бы взял и тебя, и твоих ребят, и мы бы занялись серьезными делами, а не околачивались бы на большой дороге. Жаль. Но уже через несколько часов наши пути разойдутся»...

— Мои ребята ждут меня в Форте Кончитос.

— Почему они там, а ты здесь?

— Потому что они там не все. Один из нас уехал в Эль-Пасо, и я должен его найти раньше, чем его схватит полиция. Да, если бы он сейчас был рядом со мной, ты бы не нуждался в этой своре бездельников. Сам знаешь, есть такие люди, каждый из которых может заменить целую армию. Манчестер — он как раз такой.

— Манчестер?

— Ну да, кличка у него такая, Джо Манчестер. Он же из Англии. На родине его почему-то собирались повесить, но у парня были другие планы. Видел бы ты, как он высверливает замки! — Полковник усмехнулся. — Мы вытащили его из форта, припрятали в хорошем месте. Но он нас не дождался. Уехал с какими-то новыми друзьями. Я пошел по следу, и след привел меня к Родригесам. Те сказали, что моего друга увез Пабло Гомес, и объяснили, где я смогу его найти. А еще они сказали, что Пабло обрадуется паре ящиков динамита. Что ж, я прихватил подарок и двинулся в Кальенте. Да видно, обдурили меня.

— Бывает, — сочувственно протянул Джерико. — Родригесы — пьянь и сволочь. Ни одному слову верить нельзя. Никогда с ними не связывайся.

Полковник усмехнулся.

— С ними теперь нескоро можно будет связаться. Когда я уезжал, они попытались меня ограбить. Сам не знаю, чем им приглянулась моя кляча. Но она — моя. А я привык беречь свое имущество. Пришлось немного проучить этих засранцев.

— Что ты с ними сделал?

— Я? Ничего. Я хотел их просто немного пугнуть, чтоб в следующий раз были повежливее. Но тут появился местный слуга закона. Всех арестовал, а меня послал за шерифом. Правда, он не знал, что я направляюсь совсем в другую сторону. — Полковник потер между пальцами огнестойкий шнур. — Где вы достали такое дерьмо? Чертовы рейнджеры. Если б не они, я бы все сделал в лучшем виде. А это — разве это шнур? Сунуть бы его в задницу тому, кто его изготовил... Значит, ты не можешь мне ничего подсказать?

— Насчет чего?

— Насчет Манчестера.

Джерико развел руками:

— Жаль, но мне нечего тебе сказать. Пабло — мой друг. Но я давно его не видел. Когда встречу, обязательно спрошу насчет твоего англичанина.

«Вот, значит, зачем ты здесь! — подумал он. — Недаром мне сразу показалось, что ты похож на Англичанина. Да, вы с ним — одной породы. Я вас обоих раскусил!»

Он был весьма доволен собой. А еще ему стало ясно, что рейнджеров можно пока не опасаться. Никто не навел их на Кальенте. Там, в горах, Джимми и Пат напоролись на обычный патруль. И сейчас рейнджеры заняты тем, что волокут их тела к ближайшему полицейскому участку. А в Кальенте им нечего делать.

— Обидно, когда теряешь друзей, — улыбаясь, сказал Полковник. — Еще обиднее, когда теряешь последнюю надежду. Но зато я встретил тебя. Эта встреча стоит всех моих потерь.

— Красиво говоришь. — Джерико оглянулся и увидел, что Кривой смотрит на них. — Посмотрим, будет ли твоя работа такой же красивой.

21

«О да, — подумал капитан Орлов. — Я сделаю это красиво, уж для тебя-то я постараюсь».

Джерико был достойным противником. Умелый воин, хитрый переговорщик. С таким врагом приятно иметь дело. Победа над ним будет особенно лестной, а поражение — не таким уж и горьким. Но о поражении капитан даже не задумывался. Потому что он уже победил. Он заставил Джерико проговориться. Тот изо всех сил пытался скрыть какое-то неприятное событие. А таким событием мог быть только побег человека, которого бандиты называли Англичанином — он же «Манчестер», он же «мистер Форд из Нью-Йорка», он же ротмистр Бурко, он же «Тихоня».

Ротмистр был здесь. А теперь его нет. И это — главное, что хотел узнать капитан Орлов. Если бы Джерико убил Англичанина, он бы не постеснялся в этом признаться. Мало ли что бывает между крутыми парнями. Если бы Англичанин согласился на него работать и, скажем, был бы куда-то отправлен — и в этом случае Джерико незачем было врать. Но сознаться в том, что твои люди проворонили, прохлопали, обмишурились — значит признаться, что ты и сам такой же растяпа. Нет, Джерико не мог в этом признаться даже самому себе.

Орлов с трудом сдерживал радость. Нет чувства сладостнее, чем выздоровление. А капитану казалось, что он только что оправился от тяжелого недуга. Поняв, что ротмистру удалось бежать, он ощутил легкость и свободу. «Браво, Сергей Андреевич! Вы развязали мне руки. До дому сами доберетесь, не маленький. Абы кого за кордон не пошлют, да еще инкогнито. В подготовке вашей я не сомневаюсь, так что — в добрый путь. А мы тут сами как-нибудь разберемся. Теперь я вольный казак, что хочу, то и ворочу».

А хотел он сейчас одного — убить Джерико. Конечно, было бы неплохо при этом самому остаться в живых, но это уж — как получится. Пробивая ломиком наклонные шурфы под сейфом, он незаметно оглядывался, изучая позицию. Среди лошадей, стоящих в тени одинокого дерева, он заметил и свою аппалузу. Она была уже без седла, и, разумеется, седельные сумки тоже были кем-то присвоены. Но зато, в отличие от остальных лошадей, аппалуза не была привязана к дереву, стояла свободно и была готова в любой момент унести его в горы. Вот только ждать этого момента придется еще долго...

Он решил ограничиться двумя шурфами. Широкими, чтобы можно было разместить связку из трех патронов. То были самые крупные патроны, какие ему доводилось использовать, двухдюймовые. На обрывке упаковочной бумаги сохранилась маркировка: «геркулес-порох». Этот динамит использовался для дробления твердых пород. Капитан предпочел бы другой сорт, с более выраженным метательным действием, например, германский «Д-1» — но выбора не было.

Он аккуратно затолкал патроны в шурф, постукивая черенком лопаты. Три в один канал, два в другой. К капсулю крайнего заряда прикрепил огнепроводный шнур. Чтобы вычислить нужную длину шнура, ему пришлось прогуляться к забору, где стояли бандиты. Тридцать три шага.

— Ты готов? — спросил его Джерико.

— Еще нет. Я только хотел спросить, тебе что-нибудь известно о начинке? Ну, что там, в сейфе, монеты или бумаги?

— Какая разница?

— Да просто не хочется, чтобы ты расплатился со мной обугленными долларами. Если там бумажки, то мне придется еще немного повозиться.

— Повозись еще немного, — разрешил Джерико. — Я тоже не люблю грязные банкноты.

— Монеты, конечно, удобнее, — сказал капитан. — Но их труднее делить. Мы однажды в Колорадо пригласили на дело местных ребят. Ну, чтоб они тормознули состав и успокоили охрану, пока мы займемся сейфами. И динамита заложили вроде самую малость. А как рванули ящик в почтовом вагоне, так вся насыпь была в серебряных долларах. По документам выходило, что везли двенадцать тысяч, а собрали мы только семь. Вот и прикинь, сколько монеток застряло в чужих карманах.

Он рассмеялся, но бандиты не разделяли его веселого настроения.

— Ты уверен в своих людях? — спросил капитан. — Не кинутся они после взрыва, чтобы первыми загрести наши монеты?

— Не кинутся.

— И все же лучше бы там были банкноты. Их труднее спрятать за щекой.

— Сколько можно возиться! — процедил сквозь зубы Кривой. — Солнце скоро сядет. Нам давно пора уходить, а вы тут затеяли возню...

— Отошли бы вы, ребята, за забор, — посоветовал капитан Орлов. — В нашем деле порой случаются неприятные сюрпризы. Иногда капсуль срабатывает прямо в руках взрывника. И тогда все, кто неосторожно находился рядом с ним, так, вместе с ним, и отправляется на небеса.

— Какие небеса! — Кривой сплюнул. — Таких, как ты, и в ад не пускают.

Бандиты заржали, однако вслед за Кривым перешли на другую сторону забора. И только Джерико с плешивым бандитом остались стоять на прежнем месте.

— Не торопись, — сказал главарь. — Делай все так, как полагается делать. Но и не тяни до утра. Ты меня понимаешь?

Он кивнул и пошел обратно. Да, тридцать три шага. Три секунды на раздумья, десять секунд на пробежку...

Требовался материал, чтобы забить шурфы. Капитан нашел его возле колодца. Пришлось изрядно потрудиться киркой, зато спустя примерно час оба канала были заряжены отличными, острыми и твердыми комьями окаменевшей глины.

Он укрылся от чужих глаз за сейфом, чтобы выполнить последнюю часть работы. Ножом вскрыл пергаментную оболочку оставшегося патрона. Пальцем выдавил большую часть липкой массы и, осторожно раскрошив, разбросал ее подальше. Снова заклеил пергамент, обмотав его куском оберточной бумаги, и присоединил остаток шнура. Сгреб песок в довольно высокий холмик, воткнул в него длинную ветку, подвесил полупустой патрон на сучок. И помолился, чтобы от первого взрыва не сдетонировали заряды под сейфом.

Сколько осталось до заката? Он глянул на солнце. Оно уже касалось вершин. Если все пойдет так, как надо, то ночевать капитан будет в своем номере, в отеле Эль-Пасо. Уходя, он оплатил его на три дня вперед. Будет крайне досадно, если эти деньги пропадут.

* * *

— Чего он так долго возится? — раздраженно повторил Кривой, снова выходя из-за забора. — Подумаешь, велика наука! Вставил шнур, да поджег!

— Мы уже поджигали, и что? — Джерико пожал плечами. — Брат, имей терпение.

— С чего ты взял, что он справится? Почему ты ему веришь?

— Потому что мы еще живы. Пока жив — надо верить. Вот если бы он привел с собой рейнджеров, тогда другое дело. Тогда я бы ему больше не верил. И тогда мы бы с тобой лежали вон там, на песке, и рейнджеры обыскивали бы наши тела и хохотали от радости. Еще бы, им удалось завалить самого Кривого!

— Что? — Кривой побелел и шагнул назад. — Как ты меня назвал?

— Брат, это не я тебя так назвал, это... — Джерико сделал вид, что смутился.

— Как ты меня назвал?!

Кривой вскинул руку с револьвером.

А Джерико, казалось, даже не шевельнулся. Он и руки не поднял, выстрелив от бедра.

Кривой охнул, выпучил глаза и отступил еще на шаг. Кольт выпал на землю.

— Ну да, все тебя называют Кривым, разве ты не знал? — спокойно продолжал Джерико.

За забором послышалась короткая возня, кто-то всхлипнул, захлебываясь кровью. Канисеро вышел из-за забора, вытирая тесак пучком сухой травы.

— Готовы оба, — довольно улыбаясь, сообщил он.

Кривой все еще стоял, пошатываясь и держась за живот.

— Ты... — прохрипел он, и кровь хлынула у него изо рта. — Всё тебе...

— Да, брат, теперь все достанется мне, — кивнул Джерико. — Разве это не справедливо? Ты только мешался у меня под ногами. Я ждал от тебя помощи, а ты наставил на меня пушку. Некрасиво, брат. Думал, что ты самый быстрый стрелок? Ты ошибался.

— Ты... Ты...

— Ложись, умри спокойно, — сказал Джерико, и у Кривого подкосились ноги. Он скорчился на песке, продолжая яростно хрипеть.

— С ним был еще Чико, — сказал Индус. — Но я его не видел с утра. Найти?

— Чико — сопляк. Он смоеется, как только узнает. Не ищи его. Пусть расскажет всем, как погиб Кривой. Как он взял в Эль-Пасо банк, как перебил погоню, а потом подлый трус и предатель убил отважного и славного парня! — Джерико рассмеялся и ногой перевернул Кривого на спину. — Еще дышишь? Как тебя звали на самом деле? Что написать на могиле?

— Меня... Звали... Старк Фергюсон... Старк Фергюсон из Огайо...

— Черт, до чего же звучное имя. Старк Фергюсон! Ты должен был стать генералом или сенатором! — Джерико снова достал револьвер. — Нет, брат. Не станем вводить в заблуждение случайного путника. Проходя мимо твоей могилы, он не должен подумать, что в ней покоится прах какого-то героя. «Тут гниет Кривой», — вот что мы напишем на кресте.

— Нет...

— Да, Кривой, да, — сказал Джерико и выстрелил ему в глаз. — Так-то лучше будет.

«Будешь знать, как плевать на мои вещи», — злорадно подумал он.

— Так ему и надо, — несмело произнес кто-то в толпе, окружившей его.

— Это ему за Санчо, — добавили сразу несколько голосов.

Джерико вскочил на валун и огляделся. Их было примерно два десятка, жителей Кальенте и тех, кто называли себя «людьми Джерико». Время от времени он брал кого-то из них на дело, но главным их занятием была охрана деревни. На всех дорогах и тропах, ведущих сюда, постоянно дежурили дозорные. Иногда, очень редко, в Кальенте навещался помощник маршала. Его пропускали безбоязненно, потому что он был из своих. Однако на всякий случай к тому моменту, когда еще только он приближался к окраине, все подвалы и тайники закрывались наглухо. Кто прятался в этих подвалах, чьим добром были набиты тайники — этого помощнику маршала не следовало знать. Да он и не спрашивал лишнего.

А еще в Кальенте порой заглядывали армейские патрули в поисках угнанных лошадей. С армией Джерико отношений не портил, и его люди всегда охотно помогали кавалеристам выйти на след конокрадов, которые обычно по каньонам стремились уйти в Мексику.

Была еще одна категория гостей, которых пропускали в деревню. Грязные, заросшие, увешанные оружием, ведущие за собой пару сменных лошадей, навьюченных разномастным багажом — такие гости тут даже приветствовались. И некоторые из них потом оставались в Кальенте, чтобы предложить свои услуги самому Джерико.

Итак, помощник маршала, вояки и бандиты — вот кто мог рассчитывать на гостеприимство жителей Агуа Кальенте. Всех остальных ждала пуля, выпущенная из засады. Если незваный гость ехал в фургоне — фургон разбирали по частям. Если верхом — лошадь получала новое тавро и в этот же день перегонялась в Мексику. Жители Кальенте в совершенстве владели искусством заметания следов...

— Жители Кальенте! — громко произнес Джерико, подняв обе руки, будто проповедник. — Вы слышали, о чем твердил этот подонок перед лицом смерти. Ни капли раскаяния в бесчисленных грехах. Ни слова о муках совести. Нет! Он горевал лишь из-за того, что все деньги достанутся мне! Каков негодяй! Только такому уроду могла придти в голову мысль, что я способен присвоить себе всю добычу! А все потому, что он — чужак. Ему не понять законов, по которым мы тут живем. И он бы удивился безмерно, увидев, как мы будем делить деньги из этого сейфа. Когда я только обдумывал предстоящее дело, этот рогоносец уже предлагал мне всю добычу поделить пополам, а остальных ребят подставить под пули рейнджеров. Тогда я подумал, что он шутит. Оказалось, у него и вправду были такие мысли... Ну, да что там говорить. Забудем о нем. У нас других забот хватает. Вы знаете, что в горах собираются рейнджеры. Ночью они не рискнут на нас напасть, но утром — утром ждите гостей. Оружие — в землю. Всех пришлых — в подвалы. Чтоб нигде — ни капли крови, ни одной гильзы. Рейнджеры должны убедиться, что мы тут живем тихо, мирно, никого не трогаем, молимся Богу и рады гостям. Верно я излагаю?

Он широко улыбнулся, и несколько ответных улыбок мелькнули в толпе.

— А теперь идите по домам и готовьтесь к встрече. С уродами мы разобрались, и ваша помощь здесь больше не требуется. Идите по домам. Сейчас будет взрыв. Новый взрыв, гораздо более сильный. И я не хочу, чтобы кто-то из вас пострадал. Идите по домам.

Они переглянулись, но никто и с места не сдвинулся.

— Сеньор Джерико, мы уж лучше тут постоим. Посмотрим.

— А приготовиться мы всегда успеем.

— Верно.

— Мы уж лучше тут подождем.

— Уж больно охота посмотреть на миллион долларов!

Джерико опустил руки. Это был еще не бунт, но... Это было хуже, чем бунт. Бунтуют против власти, а эти жалкие людишки даже не считали, что Джерико — власть.

Он не знал, что делать. Такое с ним случалось редко.

И тут случилось чудо.

— Эй! У меня все готово! — донесся голос Полковника. — Я поджигаю! Кому жить

охота — прячьтесь!

Джерико прыгнул с камня и властно махнул рукой, разгоняя толпу. Все послушно разбежались — некоторые за забор, но большинство просто сместилось в сторону и осталось рядом с ним. Джерико присел — присели и они. И все неотрывно смотрели на блестящий под солнцем металлический ящик...

Взрыв вознес к небу столб земли, и горячая волна воздуха ударила Джерико в лицо. Бурая пыль за клубилась вокруг, и он на какое-то время ослеп.

— Монеты! Они падают с неба! — заорал кто-то рядом с ним.

Джерико вскочил, протирая глаза, и зашагал вперед сквозь пыльные вихри.

— Стоять! — крикнул он, отплеываясь от песка. — Я сам все осмотрю...

Но мимо него уже пробежал один, потом второй. Услышав топот множества ног, он в ярости выхватил револьвер и, размахивая им, побежал к сейфу. Над ухом пыхтел Уолли, а впереди мелькнула лысина Индуса.

— Стоять! — севшим от злости голоса выкрикнул Джерико.

И вдруг ослепительно яркая вспышка заставила его остановиться. Воздух стал твердым, будто Джерико с разбега налетел на стену. А потом словно кто-то схватил его за шиворот и со страшной силой рванул назад. Он понял, что летит — летит, как осенний листок на ветру. И оглушительный грохот вдавил его в землю, как гигантский сапог...

* * *

Минно-подрывное дело требует от человека полной сосредоточенности даже на самых простых действиях. Если ты режешь шнур, то в твоих мыслях нет ничего, кроме этого шнура, причем только в том месте, где по нему сейчас движется лезвие ножа.

Капитан Орлов еще раз проверил длину шнуров, полез в карман за спичками и только тогда понял, что несколько секунд назад он слышал выстрел. «Что бы это значило? — подумал он. — Надеюсь, стреляли не в меня?».

Стоя на коленях, он осторожно поднял голову над сейфом. Еще один выстрел хлопнул возле забора, и толпа оборванцев возбужденно загудела. «Кажется, у них началась дележка, — решил капитан. — Терпение лопнуло. Еще бы, столько времени облизываться над недоступными сокровищами! Ну, всё, всё, уймись. Сейчас вы получите всё, о чем так долго мечтали...»

Он поджег короткий шнур, затем длинный, и отбежал к канаве. Отсюда до лошадей было не больше полусотни шагов, и он надеялся, что грохот не спугнет аппалузу. Нет, она же его видит, она его чувствует. Она должна его дожждаться...

Он едва успел пригнуться, как взорвался первый заряд. Жаркая волна хлестнула по земле, вздымая пыль.

Капитан плотнее вжался в сухую траву, устилавшую края канавы, и прикрыл уши ладонями, чтобы не оглохнуть. Но не выдержал, снова приподнял голову. Он рисковал получить контузию, но не мог отказать себе в маленьком удовольствии. Война, в конце концов, это еще и зрелище. И в этом ее притягательная сила.

То, что он увидел, огорчило его. Да, как и ожидалось, толпа бандитов ринулась сквозь пыльное облако к сейфу — но среди них он не заметил знакомого силуэта Джерико. Нет, вот он, бежит вместе со всеми, а рядом возвышается огромный негр.

Ну?.. Ну?!

Мощный толчок снизу подбросил капитана в воздух. Он упал на дно канавы, крепко, до звона в ушах, приложившись виском об землю, но тут же заставил себя вскочить. Дорога была каждая секунда. Ноги казались ватными, но он все же побежал к лошадям. Те испуганно ржали, а аппалуза отбежала в сторонку и глядела на него. Позади слышались вопли раненых. С неба дождем сыпался песок, громко падали камни, подпрыгивая, как мячики.

«Слишком крутые шурфы, — думал капитан. — Заряды ушли в небо. Но, надеюсь, не

все».

Он оглянулся на миг и увидел сейф. Тот казался целым и невредимым, только немного подсел одним краем в глубокую воронку. Перед ним, словно кучи грязного тряпья, валялись тела. Несколько бандитов пытались подняться с земли. «Им сейчас не до меня», — подумал капитан и прибавил шагу. Непослушные ноги цеплялись за песок, но аппалуза становилась все ближе и ближе. И вдруг рядом с ней будто из-под земли выросла фигура человека с винтовкой.

Капитан не мог остановиться. Он понимал, что если остановится, то упадет. Он продолжал переставлять ноги, неотрывно глядя в зрачок винчестера, который был нацелен прямо в его лицо.

— Вот мы и встретились! — злорадно произнес человек с винтовкой. — Я-то твою лошадку вмиг признал! Мы с ней уже подружились. Теперь она моя. Не нужны мне миллионы, когда есть такая лошадка.

Пока он говорил, ствол винчестера ходил вверх-вниз. Но вот он замер, и капитан понял, что сейчас последует выстрел.

«Как глупо», — подумал он. Еще можно было упасть, уклониться, попытаться спастись — но ему было стыдно цепляться за жизнь. Именно про этот стыд он и подумал — глупо.

— Эй, амиго, не стреляй! — прокричал кто-то сзади. — Джерико хочет сам вытащить из него кишки!

Ствол качнулся вниз. На лице появилась недовольная гримаса. «Да, мы виделись в таверне Родригесов!» — вспомнил капитан.

— Ты Пескарь! — сказал он.

— Заткнись! Джерико вечно думает только о себе! А я тоже хочу повеселиться!

Пескарь снова вскинул винчестер. И вдруг его шляпа подпрыгнула и отлетела назад. Винтовка выпала из рук, и Пескарь, постояв секунду, мешком повалился наземь. Песок вокруг его головы моментально покраснел.

«Я не слышал выстрела», — понял капитан Орлов, кидаясь к винчестеру. Он схватил его, кувыркнулся через плечо и откатился за дерево, готовый огнем встретить тех, кто случайно попал в Пескаря.

Оказалось, однако, что пуля была не случайной.

— Чего разлегся! — крикнул ротмистр Бурко, подбегая к нему. В его руке еще дымился короткоствольный револьвер. — Уносим ноги, пока они не очухались!

Бурко отвязал пару лошадей и бросил поводья капитану, но тот отмахнулся.

Орлов добрал до аппалузы и с трудом запрыгнул на нее. Обхватил бока коленями и, наклонившись, поймал уздечку.

— Граф, имеете представление, куда нам двигаться? — спросил Бурко, подъехав к нему.

Орлов махнул рукой в сторону вершин, потому что говорить он уже не мог.

22

Он почувствовал, что Бурко что-то говорит ему, и посмотрел на него. Голос не доходил, но капитан все понял.

— Да, я не слышу, — сказал Орлов. — Ничего не слышу. Это пройдет.

— Не кричите, Павел Григорьевич, — Бурко поднес палец к губам. — Лошадей запугаете.

Орлов прижался лицом к скользкой гриве аппалузы, пытаясь сдержаться, но тошнота только усилилась. Он соскользнул на землю, и его вырвало. Приступ был таким сильным, что он упал на колени, а потом стоял на четвереньках, мотая головой, и трясся всем телом в судорогах. Ротмистр отцепил от седла флягу и подал ему. Несколько глотков теплой воды придали Орлову сил. Еще один глоток — и к нему вернулся слух.

— Ничего страшного, — объявил он, снова сев на лошадь. — Легкая контузия, и

только. Самое обидное, что у меня уже было такое, причем в весьма сходных обстоятельствах. Подрывали мост, и я имел глупость расположиться слишком близко.

— Обычное дело, — согласился ротмистр. — Минеры страдают от собственных мин чаще, чем от вражеских. Если не секрет, где было дело? Не Эрзурум ли?

— Карс⁸. До Эрзурума я не дошел. А вы тоже там были?

— Нет, я на балканском фронте.

— А я и в Болгарии побывал. Как раз перед началом кампании.

— Я знаю, — кивнул Бурко. — Мы наносили на карты ваши исправления.

— Да ну! Вот уж не думал, что наша работа кому-то пригодится. Мне говорили, что с картами в войсках было совсем худо. Шли с проводниками из местного населения.

— Не знаю. Я-то в головном дозоре шел, у меня карты были. — Ротмистр остановил лошадь. — Павел Григорьевич, куда мы движемся? Лес да лес, никаких признаков дороги.

— А зачем нам дорога? Да вы не беспокойтесь, мы уже приехали.

Увидев лошадей, стоящих в овражке, ротмистр повеселел. Пока Орлов отлеживался, он перекинул седло на аппалузу, собрал все фляги с водой и рассортировал оружие. Особую радость ему доставил орловский «ремингтон», обнаруженный в одной из сумок.

— Вот это находка! — Бурко любовно держал револьвер на ладонях. — Вот не ожидал увидеть такое сокровище в бандитской сумке!

— Положим, сумка не совсем бандитская. Кобыла чужая, не спору. Но сумка на ней моя, и револьвер тоже мой, — сообщил Орлов.

— Миль пардон, граф! — смутился ротмистр.

— Как вы понимаете, я не мог явиться в Кальенте со всем своим обозом. Эта лошадь предназначалась для вас. А в сумках я оставил лишнее оружие.

— Разве бывает лишнее оружие? — усмехнулся ротмистр, вглядываясь в гравировку на рукояти. — А что означают эти инициалы, «РФБ»? Прежний владелец оставил?

— Да нет. Модель такая. «Ремингтон — Фордайс Билз». То есть завод Ремингтона, а автор конструкции — Билз. А вы, как я погляжу, тонкий ценитель?

— Есть грех. Падок я на такие штучки. — Он поднял руку, целясь в верхушку сосны. — Ох, какой ухватистый! Балансировка — чудо. А мушка? Позвольте, она что, позолоченная?

— Нет. Золотая. Это уж я сам ее поменял.

— Недурственно, — промурлыкал ротмистр, водя стволом из стороны в сторону. — На любом фоне ее видно. И не замарается никогда. Подскажите эту идею нашим оружейникам.

— Да я уж замучился подсказывать, — вяло махнул рукой капитан.

Ротмистр с видимым сожалением вернул «ремингтон» в кобуру и передал капитану.

— Винчестер, как я понимаю, тоже ваш?

— Этот — да. А те два — трофейные. Выбирайте, какой вам нравится.

— Оба нравятся. — Ротмистр воткнул один карабин в седельный чехол, а второй приладил поперек седла, под луку. — Ну что, граф, продолжим путь? Подозреваю, что наши знакомцы уже собрали погоню. Не стоит задерживаться.

— Погоня? Это было бы превосходно. — Орлов поднялся, стряхивая прилипшие листья. — Об этом можно только мечтать.

Он растер занемевшие колени, похлопал в ладоши, попрыгал на месте. Бурко глянул на него сочувственно.

— Вам бы лучше полежать сейчас, граф. Скоро стемнеет. Давайте найдем укрытие, и вы там отлежитесь.

— Все мы отлежимся рано или поздно. Не стоит беспокоиться, я в порядке.

— Самое опасное свойство контузии в том, что она проявляется не сразу, — сказал

⁸ Карс, Эрзурум — основные турецкие крепости на кавказском фронте, взятые русской армией во время кампании 1877–1878

ротмистр. — Человеку кажется, что с ним все в порядке, и вдруг, скажем, на третий день, он теряет сознание без видимой причины.

— На третий день? Какое мне дело, что будет на третий день? Я должен вернуться в Кальенте. Вернуться сейчас же.

Бурко, продолжавший копошиться в бандитских сумках, прервал свое занятие.

— Но... Позвольте, Павел Григорьевич! Насколько я понял, вы прибыли туда, двигаясь по ориентирам, которые я вам повсюду оставлял. Я ни минуты не сомневался, что вы меня найдете. Но мне и в голову не могло прийти, что у вас там могут быть какие-то свои интересы!

Орлов, пошатываясь, подошел к аппалузе и проверил, как затянута подпруга.

— Да нет там никаких интересов. Там остался один человек. И я не хочу, чтобы его убили. А они обязательно убьют его. Просто со злости. Может быть, уже убили, вместо того, чтобы погнаться за нами.

— Что за человек? — спросил Бурко, расстегивая другую сумку, пухлую и даже на вид тяжелую.

— Рейнджер. Мы вместе с ним шли по вашему следу. И вместе с ним оказались в том самом подвале, откуда вы бежали.

— Он остался там, а вас вывели, как специалиста по взрывам?

— Да.

— Ясно, — сказал ротмистр и вытряхнул сумку на землю.

Он присел над кучей тряпья и принялся ее разбирать.

— Чуть выше по склону вы увидите ручей, — сказал Орлов. — Пойдете по нему вниз. Он вас выведет к реке, а за ней увидите дорогу. На запад будет Эль-Пасо. Ваше направление — восток. Доберетесь до станции Сьерра-Бланка. Сядете на поезд до Нового Орлеана. Только сначала купите себе приличную одежду. Поройтесь в сумках, там наверняка найдутся припрятанные деньги.

Однако вместо кошелька с монетами Бурко выудил из кучи пару сложенных мокасин.

— Это что? — спросил он. — Настоящие индейские сапоги?

— Похоже. Посмотрите, чем они прошиты? Ниткой или кожаным шнуром?

— Шнур.

— Тогда — настоящие, — сказал Орлов. — Возьмите на память об Америке.

— Вот еще, на память, — проворчал Бурко, натягивая рыжие мокасины на свои босые ноги. — Они мне и тут послужат.

— На станции и в поезде оружие на виду не держите, — напомнил капитан Орлов. — По пути избегайте встреч. Держитесь поближе к дороге, но так, чтобы можно было быстро от нее уйти в холмы или в лес.

— Какой лес, какой лес? — раздраженно спросил Бурко, вставая на ноги и перекатываясь с пятки на носок. — Какой лес? До железной дороги тут сплошные пески. А сапожки-то мягкие. Жаль, коротковаты. Но все же лучше, чем босиком.

Он поглядел вверх, на макушки сосен.

— Сколько осталось до темноты?

— Час, не больше, — сказал Орлов.

— За час управимся? — Бурко взлетел в седло, похлопал коня по шее. И ответил сам себе: — Да управимся, тут недалеко.

* * *

Они двинулись обратно, держась в стороне от своих старых следов. Ротмистр предпочел бы короткий встречный бой, но Орлов настоял на том, чтобы пропустить преследователей мимо себя. Пусть поплутают, пусть вымотаются в горах, пусть темнота застигнет их на перевале, и тогда они останутся ночевать в лесу. Бурко вынужден был признать, что этот план имел ряд преимуществ. Впрочем, он все равно не пригодился,

потому что никакой погони они так и не встретили.

По всей видимости, взрыв нанес такой урон, что никому не хотелось отправляться в погоню.

Спрятавшись на опушке леса, они наблюдали за тем, как женщины уносят тела убитых с площади вокруг колодца. Сейф лежал всё там же, нависнув над воронкой.

Орлов подтолкнул вперед одну из бандитских лошадей. Она послушно побрела по дороге, возвращаясь домой. А ротмистр с капитаном, прячась за кустами, перебежали к канаве и поползли по ее дну, осторожно раздвигая траву.

Бурко услышал, как запричитала женщина, наверно, первой заметившая кобылу без всадника.

— Что-то мужиков не видно, — шепнул он, оглянувшись к Орлову, который полз сзади. — Наверно, могилы роют.

Капитан сердито махнул рукой вперед: мол, ползи давай, отставить разговоры!

— Да ползу, ползу. Далеко еще ползти-то? Уже все локти стер.

— До воды.

— До какой еще воды?

На этот вопрос Орлов не счел нужным отвечать, и Бурко продолжил мять локтями колючие стебли. Вскоре он убедился, что капитан поступает правильно, не отвечая на дурацкие вопросы. Какая бывает вода, кроме той, которая вдруг намочила ему грудь, живот, а потом предательски просочилась и за пояс? Он ругнулся и снова глянул через плечо:

— Дальше плыть прикажете, ваше благородие?

Орлов молча приподнялся и выглянул наверх. Ротмистр расположился рядом. Прямо над их головами нависало днище полусгнившей телеги. Сквозь дыры торчала бурая солома, между колесами высилась куча золы.

— Постоялый двор, — шепнул капитан. — Задача: тихо войти, запереться и продержаться до утра.

— А нельзя ли так: тихо зайти и тихо выйти? — спросил Бурко.

— Кто ж нам позволит уйти...

Орлов вытащил нож из-за голенища и отдал ротмистру.

— А вы, граф?

— Я так справлюсь. Ну, Сергей Андреевич, с Богом.

Капитан ужом скользнул вверх, ухватился за задний борт телеги и, подтянувшись, бесшумно перевалился в нее. Ротмистр невольно позавидовал легкости его движений и с досадой вспомнил, что сам давно уже не упражнялся ни в гимнастическом зале, ни хотя бы в манеже. Бумаги, бумаги, бумаги, черт бы их побрал.... Однако ему достало ловкости и сил не отставать от капитана, когда тот взобрался на плоскую крышу дома.

Отсюда они увидели просторный двор. Лишь одна лошадь стояла под навесом у длинной коновязи. Капитан поднял два пальца и показал на пристройку, откуда доносились невнятные голоса. «Там — двое, — понял ротмистр, следя за жестикуляцией Орлова. — А здесь, под нами, трое. И еще один там же. Но ниже. Как это, ниже? Ага, в подвале!»

Он кивнул и постучал пальцем по лезвию ножа.

Орлов скосил глаза в сторону пристройки и провел ладонью по горлу.

Ротмистр постарался придать лицу вопросительное выражение и показал капитану два пальца. «Обоих?»

Орлов слегка развел руками и нахмурился. «А что прикажете делать, Сергей Андреевич? Мазурку с ними плясать? Да, обоих, тихо и быстро. На то вам и клинок вручен. Но если вы испытываете некоторое неудобство, то...»

Бурко выставил вперед ладонь:

«Не извольте беспокоиться, ваше благородие. Все уладим в лучшем виде».

Он попробовал обоюдоострое лезвие ногтем и остался доволен. Приказы не обсуждаются. Двоих так двоих. Ножом так ножом. Тем более — таким. Ему бы добавить перекрестье между рукоятью и клинком, и вышел бы натуральный кинжал. Сужающееся

лезвие в две ладони длиной не оставляло противнику никаких надежд. И прямой удар, и рубящий будут одинаково смертельны. Если, конечно, не промахнуться. «Не промахнусь», — подумал ротмистр. Он вытер ладонь и поудобнее перехватил плоскую костяную рукоять.

Капитан вдруг схватил его за плечо и потянул вниз. Они прижались к разогретой черепице. Ворота внизу затряслись от настойчивых ударов.

— Иду, иду! — слышался голос из пристройки.

— Давай живее, Джерико не будет ждать!

Двор наполнился шумом шагов и голосами — и голосов было много, слишком много.

— Поднимайте его скорее!

— Где фургон? Чего сюда не подогнали? На руках его понесем, что ли?

— А он не загнулся? За дохлятину цена-то ниже...

— Живой, гад!

Ротмистр едва приподнял голову, чтобы хотя бы краем глаза осмотреть двор.

— Сколько? — прошептал капитан.

Трое стояли у открытых ворот, остальные сустились под стенами дома, и Бурко не мог их видеть. Но по голосам насчитал четверых.

— Не больше десяти, — ответил он.

Капитан протянул ладонь, и ротмистр вернул ему нож, который тут же отправился обратно за голенище и исчез там. Бурко взялся за револьвер, висевший на шнурке. Орлов уже держал в каждой руке по кольцу.

— Не получилось тихо — вам же хуже, — проговорил он. — Готов, Сережа?

— Как я узнаю нашего?

— Бей всех, кто стоит на ногах. Не ошибешься.

— У ворот — мои, — предупредил Бурко.

— Тебе и начинать.

Ротмистр поправил оружейный пояс, перетянув кобуру со спины на живот, и встал во весь рост. Теперь ему был виден почти весь двор. Прямо под собой он обнаружил двуколку, стоящую дышлом вниз, и порадовался тому, что не придется сигать с крыши на землю.

Трое у ворот увидели его. Но почему-то даже не потянулись к оружию. Наверно, просто не успели. Ему казалось, что все вокруг стали двигаться медленно, будто мухи, вязнущие в патоке. Револьвер вдруг утратил тяжесть и словно слился с рукой. Бурко даже не замечал, что стреляет. Он только наводил ствол на мишень — и она вдруг падала. В грохоте выстрелов он отчетливо расслышал, как заскрипела двуколка, когда он на нее спрыгнул. Он видел и то, как кувыркается в воздухе гильза, вылетевшая из затвора винчестера — но вот винчестер упал, и тот, кто стрелял из него, стал безопасен, и к нему можно было повернуться спиной. Бурко не стал перезаряжаться, револьвер остался болтаться на шнурке, а он выхватил кольцо из кобуры и стал бить по тем, кто появился в проеме распахнутых ворот. За спиной трещали выстрелы, и он понимал, что это работает капитан, и не оборачивался.

— Есть! — крикнул Орлов. — Ворота на засов!

— А уйти?

— На засов, мать твою!!!

Бурко схватился разом за обе створки и, поднатужившись, соединил их. Тяжелый стальной засов сам собой упал в гнезда, и ротмистр обмотал его цепью, и только потом оглянулся.

Орлов стоял на коленях, склонившись над человеком, что лежал у порога дома. Вокруг валялись бандиты. Один из них, привалившись спиной к стене, хлопал рукой по песку, пытаясь дотянуться до винтовки. Ротмистр, пробегая мимо него, поднял винтовку и с размаху рубанул прикладом по шее. Хрустнули позвонки, и бандит завалился набок.

— Дальше-то что? — спросил Бурко, обводя двор взглядом. — Эх, Паша, ушли бы, за милую душу ушли бы!

— Куда? С ним-то? — Орлов вытер посеревшее лицо раненого, держа его голову у себя

на коленях, и заговорил по-английски: — Шон, это я! Эй, Шон, хватит спать!

— Вот черт... — проговорил тот, открывая глаза. — Опять то же самое. Опять могила. И черти уже тащили меня в котел. Ты очень вовремя вернулся, Пол.

Бурко носился по двору, сгребая оружие и патронташи. Надо было подготовиться к осаде. И прежде всего — позаботиться о тылах. Никто не станет ломиться в ворота, они полезут через забор, или попытаются забраться со стороны канавы, или еще что-нибудь придумают. Он принялся забрасывать на крышу всё, что собрал во дворе — патроны, револьверы, дробовики, винчестер. Всё могло пригодиться. «Моя позиция будет там, наверху, — решил он. — Капитан пусть сидит возле раненого. Если что, будут отбиваться через окна. А сверху я их прикрою. Воду, воду не забыть бы! Эх, опять тут ночевать придется!»

Он споткнулся о труп, едва не упал, и с досады разразился отменной казачьей присказкой, в которой досталось и господу Богу, и его ни в чем не повинной Матери, и всему населению Северо-Американских Штатов.

— Эк тебя разобрало, — удивленно обернулся капитан.

— Да валяется всякое говно под ногами! Надо было оставить хоть одного, чтобы прибрал тут!

— Это кто? — спросил раненый.

— Мой друг.

— Тоже русский?

— Да.

Раненый огляделся, и серые губы раздвинулись в улыбке:

— Жаль, я не видел, как вы тут работали.

— Насмотришься еще. Сейчас они полезут.

— Пусть лезут! — крикнул Бурко, по лестнице забираясь на крышу. — Пусть! Встретим от души!

Он залег на самом высоком месте, укрывшись за каменной трубой, и тихая радость согрела его сердце — обзор был отличнейший. И улица просматривалась в оба конца, и соседние дворы, и по канаве никому уже не удалось бы подкрасться. Поглядывая по сторонам, он отрывал куски черепицы, укладывая их вокруг себя — хоть какое, а все ж укрытие. «Эх, красота!» — подумал он, завидев всадника в конце улицы. И первым же выстрелом из винчестера сбросил его в пыль.

23

— Плевать на него, — сказал Джерико, пытаясь непослушной ногой поймать стремя. — Плевать на всех. Нет времени. Уходим.

Канисеро помог ему забраться в седло. И сам поскакал рядом, поддерживая его за пояс.

«Лучше бы я умер», — подумал Джерико, глянув на свои руки, в которых едва удерживались поводья. Кисти были покрыты кровавой сеткой. Он знал, что и все лицо его выглядит примерно так же. Кожа, иссеченная мелкими осколками, нещадно горела. Песок скрипел на зубах, сколько он ни отплевывался. В одном ухе словно застрял ком раскаленной глины, в другом то и дело начинало свербеть. И тошнота. Мучительная тошнота, от которой хотелось выть.

Индус и Уолли, принявшие на себя весь удар, остались лежать там, у проклятого сейфа. Пескаря тоже нашли мертвым — пуля снесла ему полчерепа. Хью Скрипач убит Прайсом. Черный, подонок, исчез. Пабло Гомес тоже где-то сгинул — не к добру он повстречался с Полковником, не к добру... Один лишь Канисеро сейчас сопровождал Джерико, да десяток жалких трусов, которые даже не смогли прихватить с собой полудохлого рейнджера... У него не оставалось сил на то, чтобы разозлиться по-настоящему. Да и не стоило думать о чем-то ином, кроме бегства. Позорного бегства из собственного дома...

— Сколько с нами? — спросил он, потому что не мог оглянуться и пересчитать всех.

— Человек пятнадцать, — сказал Канисеро неуверенно. — Или двадцать. Остальные догонят. Станем на ночевку, тогда сам увидишь, сколько их будет.

— Ага, увижу — сколько их останется. Половина разбежится.

— Ну и пусть. Зато останутся надежные парни. А слабаки нам не нужны, — бодро заключил Канисеро. — Куда двинем? Каньон? Или Сьерра-Бланка?

— На ранчо.

Канисеро засопел, что означало крайнюю степень беспокойства.

— А можно? Хозяин ругаться будет.

— Я твой хозяин, я! — Джерико выплюнул сгусток крови.

«Раньше ты не смел мне перечить, — подумал он. — Думаешь, взрыв повысил тебя в должности? Эх, Канисеро! Не с твоими куриными мозгами лезть на место Индуса».

Длинные тени бежали впереди по песку. Джерико уводил остатки банды за холмы, не заботясь о том, чтобы замести следы. Не до того ему сейчас, не до того. Никогда еще ему не приходилось так проигрывать. Миллион долларов! Пожалуй, таким проигрышем можно даже гордиться...

Горизонт вдруг заволокла дымка, и Джерико почувствовал, как седло уходит из-под него. Он встряхнулся и открыл глаза. Непроницаемая чернота окружала его.

— Развилка, — сказал Канисеро, крепко держа его за куртку. — Скажи, куда сворачивать.

— Я заснул?

— Да нет. Клевал носом, но спать не спал. Только не отвечал ничего. Я думал, ты на меня сердишься.

— Значит, мы уже на развилке?

Глаза, привыкая к темноте, выхватывали черные силуэты всадников на фоне звездного неба. Джерико сосчитал их — четырнадцать. Всего четырнадцать! И ни одного, на кого можно было бы положиться.

— Веди их в каньон, — приказал он. — И ждите меня. Я переночую на ранчо. Утром приедешь, я скажу, что делать дальше.

— Ты как? — спросил Канисеро. — Отошел немного? Тебе сейчас надо выпить настойку пейота. Только где ж ее взять... Или в холодной воде полежать, это тоже помогает. Или еще...

— Заткнись. Жду тебя утром. Не проспй!

Джерико хлестнул кобылу, чтобы поскорее избавиться от нудных поучений этого идиота.

Он редко бывал на ранчо, но всегда приезжал сюда по ночам. Поэтому сейчас ему не составило труда найти дорогу. Подъем, спуск, еще один подъем — и здесь уже слышен шелест ручья. Ручей остается справа, теперь надо ждать, когда под копытами захрустит сухой обгоревший камыш, и в воздухе повиснет неистребимый запах давнего пожара. Ни ветер, ни солнце не избавили пойму реки от гари. Возможно, только хороший дождь мог бы смыть эту вонь, но до февраля еще далеко, а в иные месяцы дождевые тучи сюда не заглядывают...

Рейнджеры подожгли камыши почти год назад, пытаясь выкурить отсюда какую-то мелкую банду. Банда сдалась, вышла из зарослей с поднятыми руками — и с пустыми карманами. А мешок с деньгами, который они везли с собой, исчез. На допросах каждый из них корчил невинную рожу и переспрашивал — какой мешок? Не было никакого мешка! А бедные рейнджеры потом еще долго ходили с черными физиономиями — надеялись, что огонь отнесся к банкнотам федерального казначейства с должным почтением, и рылись, рылись в камышах, все искали злополучный мешок. Не нашли.

«Может быть, и нашли, да не сказали никому», — подумал Джерико, с усмешкой вспоминая чужое горе. Однако улыбка мгновенно слетела с его губ. Сколько могло быть в том мешке? Тысяч десять? А у него в сейфе осталась сотня таких мешков!

Далекий золотистый огонек показался в выемке между холмами, и Джерико свернул к

нему.

«Цок-цок, цок-цок» — все громче, все четче стучал ветряк, качающий воду. Все ближе ранчо Хозяина. Вот и собаки залаяли, издав далеко почуяв гостя. Джерико облилиз губы, сунул пальцы в рот, свистнул трижды и остановился. Спустя минуту такой же тройной свист послышался в ответ. Можно ехать дальше. Кто-то унял собак, и они не лаяли, а лишь сердито порыкивали, когда чужая лошадь прошла под высокими воротами.

— Один? — спросил его ковбой, принимающий поводья.

— Не видишь, что ли?

— А где Генри?

«Какой еще Генри?» — чуть не заорал на него Джерико. Но вовремя вспомнил, что так звали Индуса.

Он промолчал и направился мимо ковбойского барака к хозяйскому особняку, где под козырьком ярко горели три керосиновые лампы. Ковбой, шагавший рядом, удивленно присвистнул, когда они поднялись на освещенное широкое крыльцо,

— Где тебя так разукрасило? Ты будто в кактусах покувыркался.

Джерико сдержался. Здесь ему приходилось забывать о гордости.

Ковбой провел его на веранду и показал на столы с перевернутыми стульями.

— Располагайся. Я только что прибрал, так что особо тут не топчись. И не кури тут.

— Я не курю, — кротко ответил Джерико и прислонился к стенке, скрестив руки на груди. Если ему не подадут стула, он лучше останется на ногах.

— Это хорошо, — сказал ковбой, становясь напротив в такой же позе. — Правильно делаешь, что не куришь. Я читал в одной книжке, от курения легкие становятся зелеными.

— Ну и что?

Ковбой озадаченно глянул на него.

— Ты что, не понимаешь? Легкие должны быть розовые, чистые.

— А мозги? — спросил Джерико.

— Что — мозги?

— Какими должны быть мозги? Я вот только что видел одного своего парня. Те мозги, что еще оставались у него на дне черепа, были как рисовая каша с острым соусом. Остальные валялись на песке, как сопли. Только соплей обычно не бывает так много. Ну просто все вокруг было в этих соплях...

Ковбой натянуто рассмеялся:

— Надо будет завтра рассказать парням. Есть у нас один умник. Это он мне трепался насчет легких. А я завтра ему вставлю насчет мозгов. Ребятам понравится, как я его срежу.

Джерико отвернулся и уставился в черное окно. Но, разглядев свое отражение, закусил губу от злости и снова повернулся к ковбою.

— Ты сказал, что я здесь?

— Сказал, сказал. Хозяин сейчас придет. Или ты думал, я провожу тебя в его спальню?

В молчании прошло еще несколько тягостных минут. Наконец, послышались шаркающие шаги, и ковбой отлепился от стены, вытянув руки по швам.

— Сэр...

— Отдыхай.

Хозяин зевнул, копошась в карманах пышного халата. Достал огрызок сигары. Ковбой кинулся к каминной полке и вернулся с горящей спичкой.

— Оставь нас, тебе сказано.

Он не предложил Джерико сесть. Причмокивая, раскурил сигару. Закашлялся.

— Ну?

— Мне надо где-то переждать, — выдавил Джерико. — Рейнджеры напали на Кальенте.

— Да? Мне не сообщали об этом.

— Завтра сообщат. Мои люди убиты.

— Генри?

— Тоже.

— Ну и что я теперь напишу его отцу? — раздраженно спросил Хозяин. — Он был не самым любимым моим племянником, но я люблю своего брата. Ты это способен понять? Ладно. Как это случилось?

— Взрыв.

— О, Боже! Его разнесло на куски?

— Да, — сказал Джерико. — Иначе я бы привез вам его тело. Я же знаю, как вы к нему относились. Я и сам его любил, как брата.

— Что он взрывал?

— Сейф.

— Хо-хо! Сейф? Так это вы вчера ограбили «Морган Траст»? Ну, и сколько взяли?

— Ничего. Его нельзя открыть, этот чертов сейф.

— Ерунда.

— Мы извели на него весь динамит, и всё впустую, — с горечью признался Джерико. — А потом налетели рейнджеры, и вот — я здесь, Генри убит, и мне надо где-то переждать. Сам не понимаю, почему так получилось.

— Потому что вы взялись не за свое дело, — назидательно произнес Хозяин. — Сейф надо было взрывать там, где он стоял. Это первейшее правило. В вагоне — значит в вагоне. В комнате — так в комнате. Когда он крепко стоит на месте, взрыв не двигает его, а вышибает дверцу. Я видел вагон, в котором братья Далтоны рванули почтовый сейф. Стальной вагон стал похож на бочку, так его раздуло. Говорят, они взрывали четыре раза, пока дверца не прогнулась. Четыре раза! Но добились своего.

— И где они теперь, ваши Далтоны? — угрюмо спросил Джерико.

— Они не мои, — огрызнулся Хозяин. — Были бы мои, не погорели бы так по-дурацки. Так значит, сейф достался рейнджерам? Много там было?

— Миллион, — небрежно ответил Джерико. — Три недели назад в него положили девятьсот семьдесят тысяч для расчетов со строителями дороги Эль-Пасо — Вилья. По крайней мере, так было написано в банковских бумажках. Ну, мы с Генри именно так смогли прочитать эти бумажки. Может, Генри был и не самым хорошим ковбоем, но в цифрах-то он разбирался.

Он ожидал, что его насмешливый тон заденет Хозяина. Но тот лишь выпустил колечко дыма, проводил его взглядом и произнес:

— Эль-Пасо — Вилья? Ее строили мексиканцы. Рабочим платили гроши. А заключенным и платить не надо было. А то, что лежит в сейфе — это приз каким-то хитрожопым финансистам. Которые выбили для мексиканцев кредит, а потом получили свой процент.

— Еще не получили, — сказал Джерико.

— Ну, так получают, когда рейнджеры привезут сейф обратно в Эль-Пасо.

— А кто сказал, что они его привезут? — спросил Джерико.

Еще несколько колечек голубого дыма поднялись к потолку.

— Генри, Генри... Ты знаешь, за что его посадили?

— Он подделал вексель.

— Ничего он не подделывал. Тот вексель ему дал управляющий. Отправил получать деньги. А потом все свалили на Генри. Ему обещали, что отмажут до суда. Потом обещали, что выпустят через месяц. Через полгода он бежал из тюремной больницы, и ты его подобрал. А он привел тебя ко мне.

— Мы все его любили, — сказал Джерико. — Он был самым умным из нас.

— Не сомневаюсь, что это он нашел сейф.

— Да, он. Я сам поразился, как он быстро во всем разобрался, — восхищенно воскликнул Джерико, уже поняв, чем кончится разговор. — Уж такая голова была у парня!

— Так ты говоришь, завтра рейнджеры повезут этот сейф обратно в Эль-Пасо?

— Да, завтра. Но об этом еще никто не знает.

Недокуренная сигара улетела в камин.

— Спать будешь в кабинете, — сказал Хозяин. — Ужинать уже поздно. Завтрак тебе принесут. Сколько людей у тебя осталось?

— Десяток, не больше, — ответил Джерико, зная, что к утру многих не досчитается.

— Говоришь, тебе опять надо где-то переждать?

— Да.

— Значит, опять тебя обложили?

— Похоже на то.

— Выходит, ты не такой уж неуловимый, как о том пишут в газетах? Выходит, если бы не я, ты бы уже давно попался?

— Так и есть.

— Но ты же понимаешь, что я бы не стал помогать какому-то разбойнику, если б не Генри. Ты помог человеку из моей семьи, и я должен помочь тебе. Это не преступление.

— Ну да, конечно, — продолжал поддакивать Джерико, хотя, как он понимал, Хозяин вовсе не нуждался в этом.

— Когда ты встречаешься со своими?

— На рассвете приедет один.

— Вот на рассвете я тебе и расскажу, что ты должен сделать. А пока иди спать. Отдохни. А потом.... А потом уйдешь вместе со стадом. Переждешь в Мексике, на моей шахте. Будешь присматривать за шахтерами, чтоб не бездельничали. Через полгода вернешься.

Джерико пересилил себя и опустил голову в почтительном поклоне:

— Спасибо, Хозяин.

* * *

Когда ротмистр доложил, что бандиты покидают поселок, капитан Орлов поднялся на крышу. За дальними холмами постепенно исчезала редкая колонна, и одинокие всадники догоняли ее, чтобы мелькнуть последний раз на фоне закатного неба — и пропасть за гребнем холма. Орлов пожалел, что нет под рукой подозрительной трубы. Ему очень хотелось бы увидеть, был ли среди всадников Джерико. И если был, то как он ехал — сам, или его везли на волокуше? Но подозрительная труба осталась в сумке, которую бандиты сняли с аппалузы. Значит, пропала. Если только отступающие не позабыли ее здесь, вместе с прочим брошенным барахлом.

Ночь прошла спокойно. После переклички петухов, едва лишь крыши соседних хижин согрелись под первыми лучами солнца, во дворе появилось равномерное жужжание, которое постепенно переросло в надоедливый гул. Казалось, сюда слетелись мухи со всего Техаса, да еще мексиканских пригласили на пиршество. Они облепили трупы, копошились вокруг застывших лужиц крови и тяжело кружили по двору.

Шон Прайс то приходил в себя, то снова впадал в забытие. Орлов просидел возле него до самого утра, до той поры, когда с крыши донесся негромкий голос Бурко:

— Паша, не спать! У нас гости.

Он поднялся по приставной лестнице и глянул поверх забора. Двое всадников стояли на одном конце улицы, трое — на другом, а вдоль заборов перебежали, прикрывая друг друга, длинноволосые бородатые люди с винтовками. Вот они остановились у соседнего дома. Один опустил на колено, второй встал ему на плечо и перемахнул через забор, за ним еще двое — и все это в полной тишине.

— Окружают, — сообщил Бурко. — Эти какие-то новые.

— Не стреляй. Может быть, это рейнджеры.

— По-твоему, я бандитов не видел? Эти — отпетые головорезы, пробы негде ставить. Ты приглядывай там за воротами, приглядывай.

— Не стреляй, — повторил Орлов, спрыгнул и попятился к дому, держа перед собой

КОЛЬТ.

Гудение мух не скрыло от него едва заметные шаги перед воротами.

— Эй, вы! — раздался хриплый голос. — Может, договоримся по-хорошему?

— Давай попробуем, — ответил капитан, отступив за поваленную двуколку.

— Вы отдадите нам Шона, мы гарантируем вам жизнь. Идет?

— С кем я говорю?

— А кто тебе нужен?

— Капитан Джонс!

За забором послышался цокот копыт, и Бурко сверху крикнул:

— Паша, лезут!

— Не стреляй! — еще раз приказал Орлов.

Не было никакого смысла стрелять в них, пока они не оказались во дворе. Если это враги, то пусть войдут. Здесь им негде будет укрыться.

— С тобой говорит капитан Джонс. Как там наш друг?

— Друг? Если он твой друг, скажи, как зовут его лошадь! — потребовал Орлов.

«Глупо, — подумал он. — Даже Пескарь знал, что белого жеребца звали Ангелом».

— Это все знают, — в голосе невидимого собеседника слышалась усмешка. — Ангел.

Спроси еще что-нибудь.

— Какой у него револьвер?

— У него их много. Ты, наверно, хочешь, чтобы я назвал «трэнтер», да? Но еще я скажу тебе, как эта пушка досталась Шону. С нами работал один парень, сыскной агент. Однажды он сделал ошибку. Полез без прикрытия в логово к одному уроду. И там попал в заложники. Мы окружили берлогу. Но пока шли переговоры, наш друг попытался освободиться сам. Положил двоих. Остальные его изрешетили картечью. Так вот, приятель, имей в виду, с тех пор мы не ведем переговоров насчет заложников. Ты понял?

Орлов подошел к воротам. Размотал цепь, поднял засов и отошел в сторону:

— А тут и нет никаких заложников. Капитан Джонс! Это я послал за вами тетю Аниту.

Ворота распахнулись, и во двор медленно вошел гнедой жеребец. Он остановился перед трупом бандита. Всадник оглядел двор и убрал револьвер в кобуру.

Капитан Орлов не ожидал, что грозный командир рейнджеров окажется таким невзрачным на вид. Ему было не больше двадцати пяти. На мальчишеском лице топорщились редкие усики, и наглухо застегнутый воротник клетчатой рубашки был слишком просторен для тонкой шеи. Однако голос был низким и мужественным, а взгляд — тяжелым и цепким.

— Почти всех, кто тут валяется, я знаю, — сказал Джонс. — А тебя вижу впервые.

— Я оказался тут вместе с Шоном.

Командир рейнджеров недоверчиво разглядывал его.

— С Шоном? Прайс всегда работает один.

— Я тоже. Но мы с ним гонялись за одним и тем же зверем. Вот и встретились тут.

— Где он?

— В доме.

Жеребец брезгливо переступал через тела и недовольно отфыркивался, приближаясь к дому. Джонс свесился с седла, заглядывая в окно.

— Что с ним?

— Ранен. Чтобы его взять, люди Джерико обрушили дом. Вытащили Шона из-под обломков. Наверно, ему отбило внутренности. Или что-то с позвоночником. Не могу сказать точно. Я не врач, — сказал Орлов.

— А кто ты?

Капитан Орлов неопределенно отмахнулся:

— Так, прохожий.

— Если не Шон, то кто залил Кальенте кровью? Ты? И твой приятель на крыше?

— Ты не судья, чтобы задавать мне такие вопросы, — ответил Орлов. — Лучше

прикажи своим парням быстрее соорудить носилки для Шона. Надеюсь, в Эль-Пасо найдется настоящий доктор?

* * *

Рейнджеры капитана Джонса прекрасно знали свои обязанности. Они не обязаны были заботиться о чистоте и благоустройстве техасских поселений. Вместо того, чтобы убирать следы кровавого побоища, они просто выгнали из домов все оставшееся население Агуа Кальенте — женщин, стариков, подростков. Нашлось и несколько мужчин, и капитан Джонс придирчиво осмотрел их руки и лица. Однако следов пороха не обнаружил, и те, вздохнув облегченно, живо присоединились к односельчанам, рьяно наводящим порядок. Убитых было приказано складывать в два ряда — чужаков отдельно от местных. Но местных не оказалось.

— Что ж, тем лучше, — заявил Джонс, оглядев тела. — Так и доложу. Банда, ограбившая банк, подверглась нападению другой банды. Обе группы понесли потери и разбежались в разные стороны. А сейф бросили. Так и доложу.

Прайс пришел в себя и сразу потребовал виски. Джонс глянул на Орлова, тот отрицательно помотал головой.

— Извини, Шон, у меня только вода, — сказал Джонс. — Сам знаешь, в патруле сухой закон.

— Не жмись! У тебя всегда есть виски, чтобы промывать раны, — разозлился Прайс. — Я не хочу умереть трезвым!

— Когда тебя поведут на виселицу, тогда и напьешься. А другого повода для смерти у тебя не будет.

— Позови Пола! Он не такой зануда, как ты!

— Я здесь, — капитан Орлов присел рядом с ним.

— Поройся в доме, там наверняка припрятаны ящики первогоклассного виски. Найди хоть текилы! Мне бы глоток огненной воды, иначе я никогда не встану на ноги.

— У меня в номере осталась бутылка. Сейчас мы вернемся в Эль-Пасо, там и выпьем, все вместе.

— Черт с вами, — устало проговорил Прайс. — Ты уже записался? Нет? Капитан Джонс, позвольте рекомендовать вам моего друга Пола. Он из Арканзаса, но это единственный его недостаток. А так — отличный парень. Запишите его в свою роту, сэр.

— Слушаюсь, сэр! — серьезно ответил Джонс.

Рейнджеры подняли одеяло, на котором лежал Прайс, и подвесили его между двумя лошадьми. В таком гамаке ему будет лучше, чем в тряском фургоне, куда погрузили неприступный сейф.

Ротмистр Бурко подвел к Орлову его аппалузу.

— Еле далась, — пожаловался он. — На вид — голубка голубкой, а кусается, как черт!

— Полагаю, что чертям сподручнее бодаться, а не кусаться, — заметил Орлов.

— Вот и объясни это своей чертовке!

Сам Бурко восседал на стройной вороной кобыле с седой полоской на горле. Он успел раздобыть где-то новые сапоги со шпорами, городской сюртук и щегольскую шляпу серого фетра. Видимо, ему стоило немалых душевных мук сдать весь свой арсенал рейнджерам, но Орлов все же видел, что в кармане его сюртука остался короткоствольный «смит-вессон». Тот самый, который должен был пополнить коллекцию Военно-ученого комитета Генерального штаба.

— Револьвер оставишь себе? — спросил капитан Орлов, когда они выехали из Кальенте, замыкая колонну рейнджеров.

— Если позволишь.

— Помилуй, я-то здесь причем? Мне просто хотелось знать, позволительно ли вашему брату оставлять себе заграничные штучки.

— Досмотру не подвергался, сколько ни ездил, — чуть заносчиво ответил ротмистр, но тут же улыбнулся. — Ты уж извини, Павел Григорыч, но посылочку твою мне пришлось вскрыть, дабы супостатам не досталась. Оружие, сам видишь, присвоил и употребил. А письма изничтожил.

— Неужто съел?

— Съесть не съел, но тайну сохранил. Так что писем начальство твое не получит. Но, коли желаешь, могу на словах передать. Все равно мне с твоими встречаться придется.

— По какому поводу?

— По поводу твоей службы потаенной.

Капитан Орлов полез в карман за трубкой, но не нашел ее.

— Чего задумался? — спросил Бурко. — Опасения свои отбрось, я лишнего не сболтну. Глядишь, повышение выйдет.

— Повышение? В тех письмах я на волю просился, Сережа. На волю. Я уж со счета сбился, сколько рапортов подавал. Не отвечают. Не хотят отпускать. И домой не отзывают. — Орлов помолчал и добавил, как бы между прочим: — Может, я в списки какие попал, в нехорошие?

Слух о жандармских списках дошел до капитана Орлова, еще когда он находился в гibraltarской командировке. Якобы в России действует некий «исполнительный комитет», ставящий целью свержение монархии, и якобы с этим комитетом связаны некоторые офицеры, как полевые, так и штабные. И якобы Третье Отделение уже составило списки всех, кого надобно проверить. Что-то там было еще, такое же скользкое и неопределенное. Тогда он постарался быстрее забыть об этих слухах, потому что казалось, что к нему-то они точно не имеют никакого отношения. И вот, пожалуйста! Столько лет прошло, а память услужливо подбросила эдакую мерзость...

— Я уточню, — сказал ротмистр. — Если так, дам знать. Но это вряд ли. Был бы ты в списках, стал бы я тебе об охоте рассказывать? Нет, Паша, в тебе никто не сомневается. Тебе верят. Многие, сам знаешь, теперь под подозрением. Ты не из их числа.

— Ну, утешил. Значит, еще и на охоте встретимся?

— Какая охота? — загоревал ротмистр. — Отменят ее, чует мое сердце, отменят. Мы же ничего не осмотрели. Что докладывать буду?

— Мне ли тебя учить, как начальству докладывать! Местность там от здешних красот ничем не отличается. Разве что зелени больше, да горы выше. А так — картина неизменная, куда ни сунься. Распиши все прелести, да и привози свою высокую особу. Сам посуди, будет ли у нас другая возможность свидеться?

— Наше дело служивое. Прикажут — свидимся. Не прикажут — что ж... — Бурко привстал в стременах, глядя вперед поверх остановившейся колонны. — Что там, Паша? Чего стоим-то?

Все понемногу сбились вперед, к фургону. Капитан Джонс разговаривал с каким-то новым всадником, неведь откуда взявшимся.

Орлов подъехал ближе — и насторожился, услышав знакомое имя.

— ... потому что Джерико уйдет, — говорил незнакомец. — Такого шанса больше не будет. Он в двух шагах, он ранен, и у него не осталось людей. Надо просто добить его.

— Вот и добей, — ответил Джонс. — А у меня другая задача.

— Не верю своим ушам! Огромная премия сама идет тебе в руки, а ты нос воротишь!

— Я за деньгами не гоняюсь.

— Так город поможет тебе от них избавиться, за этим дело не станет! Послушай, Джонс, разве твоим парням помешают новые армейские палатки? Хватит им спать на голой земле!

— Лучше бы новые винтовки...

Орлов спросил у рейнджера, рядом с которым остановился:

— Что за мужик?

— Помощник маршала. Хочет подбросить нам работу.

— Он выследил Джерико?

— Чего там выслеживать? Старый шакал отлеживается где-то рядом.

Капитан Джонс развернулся к рейнджерам:

— Парни! Надо смотаться в одно место. Тут недалеко. Шестеро останутся с фургоном, остальные — со мной.

— А сколько сейчас дают за голову Джерико? — спросил кто-то.

— Десять тысяч.

— Нет, я не поеду, — прогудел верзила, который вез Прайса.

— А я бы тебя, Медвежонок, и не взял бы, — сказал Джонс. — Но с фургоном должны остаться не меньше шести, вот и весь расклад. Медвежонок, ты — старший. Догоняйте.

Они с помощником маршала поскакали к голым холмам, и вереница рейнджеров потянулась за ними.

— А нам что делать? — спросил Орлов у Медвежонка.

— Постоим. Подождем.

Одеяло, в котором лежал Прайс, сняли с перекладки, бережно перенесли в тень фургона и положили на траву. Раненый очнулся от толчка и спросил:

— Приехали? Ну, и где обещанная бутылка?

Прайсу, наверно, хотелось всех рассмешить, и это ему удалось. Рейнджеры расселись вокруг своего раненого товарища и, как по команде, принялись сворачивать самокрутки. Орлов тоже полез в карман за табаком и снова выругался от досады, не обнаружив ни кисета, ни трубки. Одалживаться не хотелось, и он стал копаться в сумке. Скорее всего, трубка осталась в жилете, который бандиты сняли с него вместе с оружейным поясом. Жилет он подобрал с земли, когда собирал свои вещи, покидая Кальенте. Почти всё ему удалось собрать. Даже подозрительная труба была на месте. А вот и жилет — но его карманы пусты. Что за чертовщина...

— Почему ты не поехал со всеми? — подойдя, спросил Бурко.

— А смысл? Справятся без меня. Капитан Джонс не берет пленных.

— А мне бы хотелось посчитаться.

— Ну, так поехал бы.

— Без тебя? Грубейшее нарушение субординации. Кстати, Паша, вот ты говоришь об отставке. А чем думаешь заняться на вольных хлебах?

— Вот хлебами и займусь. А также лесом, углем, керосином. Стану американским купцом.

— С чего это тебе вдруг захотелось стать американцем?

— Я этого не говорил. Купец — это племя интернациональное, как сейчас принято выражаться. А то подумаю-подумаю, да и запишусь в рейнджеры.

— Шутить изволите, ваше благородие?

— А что? Занятие как раз по мне. — Он хлопнул себя по лбу. — Выпала!

— Что?

— Трубка выпала! Когда я жилет сворачивал, показалось, будто что-то под ноги шлепнулось. В спешке не посмотрел, а это кисет был с трубкой. Точно! Хорошо, что далеко не отъехали. — Он забрался в седло и развернул аппалузу. — Я мигом. Туда-обратно. Пока местные не сперли.

Он не успел отъехать далеко.

— Паша, Паша! — ротмистр нагнал его и поскакал рядом. — Стоит ли трубка такой суеты?

— Эта — стоит. Давай напрямик, через холм, быстрее выйдет.

Не всякий прямой путь оказывается самым быстрым. И капитан Орлов в очередной раз убедился в этом, взбираясь на холм. Его склоны только издали казались пологими и

ровными. Стоило приблизиться, как пришлось вести лошадей зигзагом, борясь с крутизной. Да еще под копытами попадалась то глина, крепкая и скользкая, как базальт, а то и галька, готовая в любой момент посыпаться вниз.

«Столько времени потеряно! Не надо было уходить с дороги», — ругал себя капитан. Да много чего не надо было делать. Пропала трубка? Ну и что? Потеря не первая, не последняя, да и не из числа безвозвратных. Не стоило срываться с места. Очередное неправильное решение.

Усталость ли была тому виной, либо начинала сказываться недавняя контузия — но капитан Орлов вдруг понял, что действует неправильно. Сдав Шона Прайса рейнджерам, он почувствовал себя так, будто вернулся домой после тяжелого дня. А день-то еще не кончился, и до дома еще предстояло добраться, да и где он теперь, его дом? Нет, рано он распустился, прежде срока успокоился. Надо бы собраться, затянуть портупею потуже, да и оружие под руку сдвинуть — да только мешает что-то...

Что случилось? Что сбило его с пути? Какого дурману он надышался?

— ... А только для тебя и дома дело бы нашлось, — донесся до него голос ротмистра.

И он все понял.

Списки. Когда он произнес это слово, Бурко не стал отрекаться, не сделал удивленное лицо, не принялся его разубеждать. Значит, списки существуют, и многие сейчас под подозрением, так он сказал. Выходит, что и Орлова могли в чем-то подозревать? Могли. И подозрения не сняты. Чему есть прямые доказательства. Недоверие. Да, недоверие — только этим можно объяснить, что его так долго держат в ссылке.

Мысли метались, как вспугнутая стая птиц. Орлов заставил себя успокоиться. Приказал себе не думать больше об этом. Трубка. Он едет за трубкой. Надо выкурить трубочку, и тогда его сознание, наконец, прояснится.

И даже не в трубке дело! Ему просто хотелось побыть одному. Точнее — хотелось, чтобы ротмистр замолчал. Чтобы он перестал говорить о своей работе. Чтобы он перестал с каждым новым словом все больше и больше отдаляться от него. Орлову было крайне неприятно, что ротмистр говорил с ним примерно так же, как он сам разговаривал с теми, кого хотел сделать своими агентами.

— ... ведь они не останавливаются ни перед чем. Никаких преград, никакой морали. Все, что для нас свято — для них пустой звук. Им смешно все, чем мы дорожим.

— Ты о ком? — спросил Орлов.

— О нигилистах. — Бурко засмеялся. — Плохой из меня лектор. Не могу спокойно о них. Закипаю, теряю нить.

Они поднялись на выжженную вершину холма, и Орлов огляделся. Под солнцем сверкали белые пятна солончаков. С севера вдоль реки надвигалось плотное облако пыли — кто-то гнал большое стадо в Мексику. Из-за холма, который скрывал Агуа Кальенте, поднималась струйка дыма. Там жгли мусор, оставшийся после боя. А еще дальше уходили к небу свинцовые вершины — Сьерра-Дьяблос, «чертовы горы».

— Не представляю, как можно прожить всю жизнь в такой глуши, — проговорил ротмистр. — То есть представляю, но это же не жизнь.

— А знаешь, мне нравится жить на границе, — сказал капитан Орлов. — Много солнца. И люди приветливые.

— Даже слишком.

— И язык у них приятный. При каждом удобном случае стараюсь поговорить по-испански. Для собственного удовольствия.

— А мне он — как китайский, — признался ротмистр. — Ни черта не понимаю, сколько ни вслушивался.

— Привычка требуется, — сказал Орлов. — Язык-то легкий, только вот поговорить на нем не с кем. По-испански тут люди нашего круга не изъясняются. А бандиты, воры, конокрады — таких собеседников сколько угодно. Вот стану рейнджером, попрактикуюсь.

Он увидел еще один пыльный след на горизонте.

— Что-то быстро возвращаются, — сказал он. — Наверно, опоздали.

— Рейнджеры?

— Ну да, — капитан показал рукой. — Видишь пыль? Обратно скачут.

— Как они там могли оказаться? — возразил Бурко. — Ушли на север, а вернулись с востока?

— Здесь и не такое бывает.

— Я понимаю, что в Техасе свои законы. Но законы географии действуют даже здесь.

— Вот-вот, — сказал Орлов, направляя аппалузу вниз по склону. — Давай лучше о географии.

— Что ты имеешь в виду?

— Не терплю разговоров о политике. Отвык.

— Какая ж тут политика? — горячился ротмистр, догоняя его и стараясь держаться рядом, что было довольно трудно, поскольку кони шли зигзагом. — Где тут политика? Тут прямая война. Динамитные лаборатории — это, по-твоему, политика? А то, что они оружие в Америке собираются закупать — тоже политика? Увольте-с, ваше благородие, ничего политического здесь не наблюдается. Прямая и открытая война против Отечества. А мы с тобой люди военные, почему ж нам не поговорить о деле, кое нас напрямую касается?

— Зачем им закупать оружие в Америке? Неужто в Бельгии или Англии все оружейные лавки позакрывались?

— В Европе мы их за холку держим, ошейник еще не надели, но держим, — сказал Бурко не без самодовольства. — А Америка, это особая статья. Ты слышал о письме Исполнительного Комитета⁹ американскому народу?

— Я не американский народ, а до чужих писем мне и дела нет, — попытался отшутиться Орлов.

Но ротмистр завелся не на шутку.

— Когда у вас тут, в восемьдесят первом году, убили президента Гарфильда, наши динамитчики опубликовали в американской прессе обращение. Мол, гневно осуждаем подлое убийство. Ты можешь себе это представить? Те же самые люди, что первого марта убили Государя, в сентябре уже выражают соболезнование народу Америки по аналогичному поводу! Полагаю, многие здесь встретили это письмо гомерическим хохотом.

— Не знаю. Ничего не слышал.

— Вот и я уверен, что большинство американцев слыхом не слыхивали ни об этом письме, ни о Комитете! Спрашивается, в чем тогда смысл публикации? — Ротмистр попытался заглянуть в лицо Орлову, но тот сосредоточенно вычищал гриву аппалузы. — Так я скажу тебе, в чем смысл! Смысл есть, и еще какой! Динамитчики отчитывались перед своими благодетелями, вот в чем смысл! Кто-то вливает субсидии в террористическую партию, и мы уже знаем, что деньги идут из-за океана. И пока волна насилия поднималась в России или в Италии, эти финансисты были спокойны. Но вот отозвалось у них дома — и они в панике! Вот чтобы их успокоить, наши заговорщики и сообщают: мы будем убивать только своих, а вас не тронем. Мы ненавидим насилие, мы за демократию, прогресс и либерализм во всем. Можете смело присылать нам денежки, мы их потратим в ваших интересах. Что ты на это скажешь?

— Слишком мало знаю, чтобы что-то сказать, — равнодушно ответил Орлов.

— Да, ты стал настоящим американцем. Уткнулся в свою кормушку и ничего по сторонам не замечаешь. И вся Америка такая. Тут можно хоть на улице открыть динамитный цех. И ни одна скотина тебя не арестует, если скажешь, что динамит нужен для развития либерализма в России. — Бурко обескуражено махнул рукой. — Эх! Потому они и рвутся в Нью-Йорки, да в Бостоны, да в Ричмонды, что нам их там не достать.

⁹ Исполнительный Комитет — руководящий орган российской террористической организации «Народная Воля».

— О, я не сомневаюсь, достанете! — насмешливо протянул капитан Орлов.
— И достанем. Найдем, кого против них выставить, найдем, — пообещал ротмистр.
— Вот в Нью-Йорке и ищите таких молодцов, а не в Техасе, — сказал капитан, и его аппалуза, первой выбравшись на ровную дорогу, пошла резвой рысью.

* * *

Джерико смотрел на часы, но не для того, чтобы узнать время. Он пытался вспомнить, откуда у него взялась эта золотая луковица на тонкой цепочке. После какого ограбления?

Такие часы Индус называл дамскими. Ну, конечно! Они достались ему от Индуса. Когда Канисеро подвел его к изуродованному телу, он наклонился, чтобы закрыть покойнику глаза, но вместо этого рука сама собой потянулась к окровавленной жилетке и отцепила от нее часы. Вот эти часы.

А у Индуса они откуда?

Сан-Антонио, Персиковые холмы, засада под самым носом у полиции. Иностранцы. Девушка в зеленом платье.

Как она нравилась ему! Никогда у него не будет такой девчонки — юной, свежей и чистой. Никогда. Грязные потные шлюхи в мексиканских борделях — вот, что его ждет впереди.

— Пора? — нетерпеливо спросил Канисеро.

— Еще немного подождем, — ответил он, хотя мог бы и не отвечать.

Пусть думают, что он следит за временем, а не просто так любитесь циферблатом и вспоминает какую-то бабу. Пусть видят, что он тут главный, и ему решать, когда трогаться, а когда стоять на месте.

Ему приходилось сейчас заботиться о всякой ерунде. К примеру, о том, как он выглядит в глазах тех, кто отправился с ним на дело. Многие из них только слышали о нем, но впервые увидели так близко. И уж наверняка они и не надеялись, что однажды смогут вот так, запросто, скакать рядом с ним. Кем они были вчера? Безмолвными батраками. А кто они теперь? Они грозные бандиты из шайки неуловимого Джерико! Они не станут выворачивать карманы у пьяных, валяющихся возле салуна, нет! Они идут за жирным куском! Их много, они вооружены до зубов, и никто их не остановит!

Вот что должны были думать эти подонки, глядя на Джерико.

Он захлопнул часы и приказал:

— Вперед!

Тронулся, не оглядываясь. И слаженный гул множества копыт за спиной прозвучал в его ушах сладчайшей музыкой.

Силы возвращались к нему с каждой минутой. Вспомнив, как хреново ему было в первые минуты после взрыва, Джерико подумал, что всё дело в людях. В тех, кто его окружает. Пока возле него были Индус и Уолли, он был и умнее, и сильнее, чем сейчас. Если б они были рядом, он бы не потащился, как побитый пес, к Хозяину. Он бы придумал что-нибудь. Он бы отсиделся в тихом месте, а потом снова вернулся бы на дорогу. Но сначала нашел бы Полковника и вырвал бы его сердце.

Впрочем, это он еще успеет. Те, что скакали сейчас позади него, были слабее, чем Уолли. А уж Индусу и вовсе в подметки не годились. Но их было много. Никогда еще Джерико не шел на дело с такой большой бандой. Бывало, они втроем останавливали дилижансы. Чаще действовали впятером, а еще двое-трое были подручными — держали сменных лошадей или перекрывали дорогу, или уводили за собой погоню. Если и их считать, то даже тогда выходит, что никогда под командой Джерико не было больше десятка. А сейчас...

Первым поднявшись на холм, он оглянулся и увидел за пыльной завесой густую мешанину шляп, конских голов, полосатых пончо и брезентовых плащей — они скакали за ним беспорядочной стаей, и он не мог всех сосчитать. Но их было много. Не трое. Даже не

семеро. Много. И от прилива сил Джерико расправил плечи, гордо вскинул голову и хлестнул коня плеткой.

На нем был ковбойский плащ и старая шляпа с загнутыми спереди полями. Лассо, подвешенное к седлу, терлось о колено. Джерико вспомнил, как учился бросать его, когда жил на бойне. Ковбои, с которыми он когда-то дошел из Техаса в Оклахому, накидывали петлю на рога с удивительной легкостью, а у него веревка летела, как сопля. Он злился, а они смеялись. И только один из них, самый старый, утешал Джерико, и говорил, что он еще успеет всему научиться. И метать лассо, и отсекал бычка от стада, и клеймить, и лечить — всему он научится со временем. Старый ковбой не знал, что Джерико вовсе не мечтает всему научиться. Ковбойская жизнь его никогда не прельщала. Жизнь на бойне была не слаще, но там он жил в доме, а не ночевал под открытым небом. Скотина окружала его так же, как и ковбоев, но теперь ему незачем было заботиться о ней. Он ее убивал. Резал, пробивал башку, иногда, на спор, стрелял из лука. А иногда вдруг на него накатывала тоска, и он брал лассо, выходил в загон и пытался набросить петлю на рога старой коровы. Сколько же лет прошло? И не вспомнить. А вот досада и злость не забылись. Не получалось у него ничего с тем лассо. И ковбоя из него не получилось.

Но сейчас он должен был хотя бы на несколько дней стать ковбоем. Одеваться по-ковбойски, говорить по-ковбойски, жить по-ковбойски. Он будет двигаться вместе с огромным стадом вдоль Рио-Гранде, и однажды ночью стадо перейдет реку вброд и выберется на другой берег. Бычки будут испуганно мычать, когда вода начнет захлестывать их по грудь. Копыта станут разъезжаться в грязи, и стадо надолго застрянет, взбираясь на невысокий обрывистый берег, и придется повозиться с фургонами, чьи колеса завязнут в песке, и больше всего хлопот доставят кухонные фургоны, особенно один из них, необычно тяжелый.

— Ты краску не забыл? — спросил он у Канисеро.

— Целое ведро взял! Выкрасим, будет как новенький!

Кроме краски, они везли с собой и новый тент. Фургон с сейфом наверняка украсится дырками от картечи после того, как Джерико разберется с рейнджерами. Новый тент, свежая краска, мешки с крупой, ящик с посудой, а еще с боков подвешат пару бочек из-под воды — вот и получится кухонный фургон, неизменный спутник любого перегона. И ни одна ищейка не посмеет сунуть нос внутрь. Да они не осмелятся даже приблизиться к стадам Хозяина. И сейф вместе со стадом благополучно прибудет в Мексику, и скроется в шахтерском поселке, а уж там с ним как-нибудь справятся. Хозяин найдет способ его вскрыть. Рано или поздно, но найдет. А куда спешить? Деньги не портятся. Пусть пока лежат...

* * *

Поселок встретил их неприветливо.

— Дьяволы! Дьяволы приехали! — надрываясь, голосила женщина за забором, и ей отзывался испуганный перестук захлопывающихся дверей и ворот.

— Это они про нас? — осведомился Бурко.

— Поздравляю, ты уже понимаешь по-испански. Я же говорил, это легкий язык. Кто знаком с латынью, освоит его в два счета.

— За что они нас так? Вроде никого не обидели.

— Да уж, никого не обидели. Выкосили полдеревни. Да еще говорим нечеловеческим языком. Сущие дьяволы.

Орлов толкнул ворота и шагнул во двор. Бурко оставался в седле, неприязненно оглядываясь.

Следы крови были засыпаны песком, но не слишком усердно — красные и бурые пятна проступали повсюду, и над ними по-прежнему толклись мухи. Орлов обошел дом, глядя под ноги, и в углу, почти уткнувшись в забор, заметил небольшой песчаный холмик. Что-то заставило его наклониться и разворошить песок. Там оказался кисет. Его кисет с трубкой.

Почему-то капитан Орлов даже не удивился. Будто кто-то уверенно вел его сюда. Такое случалось и раньше. Удивительным было другое. Этот «кто-то» настойчиво звал его залезть на крышу.

— Нашел? — крикнул Бурко с улицы.

— погоди, — ответил капитан, поднимая с земли лестницу и приставляя ее к краю крыши.

— Как думаешь, твои рейнджеры у них все стволы забрали? Не принято ли у местных под полом добро припрятывать?

Перекладыны лестницы скрипели и гнулись под сапогами.

— А что?

— А то! Чтой-то у меня промеж лопаток свербит. Будто целится кто-то сзади. Давай быстрее, Паша. Нехорошее место.

— Бывают места и похуже, — сказал Орлов, осторожно ступая вверх по разбитой черепице. Он поднялся к трубе, огляделся и поднял подзорную трубу. — Хотя нет, знаешь, ты прав.

— Что?

— Ты прав, говорю! — крикнул он, плюхнувшись на зад и съезжая с крыши, как с ледяной горки. — Хуже не бывает!

То, что он увидел сверху, иногда снилось ему в страшных снах. Будто он входит в турецкую деревню, один, без оружия, а ему навстречу вдруг вылетает толпа башибузуков, с шашками наголо. И вот теперь все это повторилось наяву. Он вошел во вражескую деревню, а к ней по дороге неслась толпа бандитов. В мутном круге подзорной трубы отчетливо нарисовалось лицо Джерико. Рядом неся бородач, чья физиономия была знакома капитану еще с Эль-Пасо...

— Банда! — выдохнул он, взлетая в седло. — Человек двадцать, не меньше.

— Чуюло мое сердце, — Бурко закружился на месте, разворачивая коня. — погоди, Паша, айн момент!

Он подлетел к соседним воротам и саданул по ним ногой. Створки распахнулись, и Бурко, пригнувшись, въехал во двор. Орлову было слышно, как топчется конь, кто-то вскрикнул, а потом послышался торжествующий возглас ротмистра:

— Вот я тебе задам! Ишь, чего выдумал! А еще старый человек, седой! Отдохни, дедуля!

Через мгновение он вылетел со двора, держа в свободной руке винчестер.

— Я же слышал, как он меня выцеливает! Вот народ! Так ты говоришь, банда? Джерико?

— Он самый! Живой, собака! Ходу, Сережа, ходу!

Сзади послышался свист. Орлов оглянулся и увидел первых всадников. Их можно было бы принять за ковбоев — если бы они ехали по одиночке, и если бы за ними тянулось стадо. Но эти — они сами были стадом.

— Не уйти, — спокойно сказал ротмистр. — Засадят в спину. Или лошадь свалят. Трубочку-то отыскиали, ваше благородие? А то совсем обидно будет...

— Ладно тебе. К колодцу! — приказал Орлов. — Там закрепимся.

— Вы читаете мои мысли, граф!

Они промчались через поселок, и им свистели в спину. Рейнджеры капитана Джонса постарались, и у населения не осталось оружия. Иначе вместо свиста прозвучала бы дружная пальба.

Оставив лошадей за старым брошенным домом, они не стали их привязывать.

— На чердаке хорошее место, — сказал Бурко. — Давай туда. А я пока у колодца залягу. Если крепко зажмут, тогда поднимаюсь к тебе.

Орлов снял свой патронташ и бросил его ротмистру.

— А ты?

— А у меня полные карманы. — Он достал из кармана пригоршню патронов. — Как

знал! Действуем так! Останавливаем! Расходимся. Выбьем, сколько получится. Если станут зажимать, сходимся сюда и держимся до конца.

— С Богом, Паша!

Бурко залег за колодцем, и на виду остался только ствол винчестера.

25

Поднимаясь по трухлявой лестнице на крышу заброшенного дома, капитан Орлов сдвинул шляпу за спину, чтобы протиснуться в узкое отверстие между досками. Он высунулся по грудь и оперся локтями на покатуую крышу, наведя винчестер на всадников, которые уже показались в узком просвете улицы. Отсюда ему трудно было различить их лица, но сейчас это не имело значения. Хорошо бы, конечно, первой же пулей снять Джерико. Но тот вряд ли станет красоваться в авангарде. Что ж, он свое еще получит. Любой из них был приговорен к смерти, и надо только не промахнуться. Хотелось выбить их как можно больше, пока они не разбежались.

Можно было стрелять и с дальней дистанции, но он подождал, пока они приблизятся. Ему было нужно, чтобы они заметили, откуда ведется огонь. И когда они подлетели к площади, он первым выстрелом ссадил того, кто скакал впереди. Второй выстрел не показал результата, третий попал в лошадь. Достаточно, решил капитан.

Пока не осела пыль, поднявшаяся в конце улицы, они его не увидят. Он оперся ладонями на шершавые доски и резко выпрямил руки. Его тело оказалось тяжелее, чем он рассчитывал, но все же выскользнуло наружу. Он шагнул вверх, уцепился за верхний брус рядом с обвалившейся печной трубой, и перебросил тело на другой скат крыши. По нему он сполз, ногами вперед, до водосточного желобка, и прогнившие доски рассыпались в мелкие зеленые щепки, как только он надавил на них каблуками. Но он и не собирался здесь задерживаться.

Капитан прыгнул на землю, оказавшись в соседнем дворе. В окне мелькнуло чье-то лицо, и тут же исчезло за задернутой занавеской. Орлов перебежал двор, отпер дощатую калитку и осторожно выглянул на улицу.

На крыше щелкнула первая пуля, угодившая в трубу. Вторая чиркнула по доскам и, завывая, улетела. «Отлично, — капитан похвалил бандитов. — Постарайтесь попасть в отверстие посредине ската. Я был там совсем недавно».

* * *

Две передние лошади на всем скаку повалились в пыль, остальные сбились в кучу и остановились. Стена густой пыли выросла вдруг, заполнив узкую улицу, и Бурко перекатился в сторону. Он надеялся, что никто не успел разглядеть, как он покинул свое укрытие за колодцем.

Когда пыль немного осела, ему стало видно, что на улице остались только лошади, а всадники исчезли. Это были опытные бойцы. Они знали, как мало шансов у всадника в перестрелке с пешим, особенно когда тот стреляет из укрытия. Они спрятались за домами и заборами, чтобы незаметно окружить дерзких беглецов, которые, оказывается, никуда и не убегали, а спрятались в заброшенном доме, надеясь там выдержать осаду.

Бурко с детства не любил играть в прятки. Наверно, потому, что он был самым маленьким и несмышленым среди детей, живших в станице, и его всегда ловили первым. Он и сейчас не очень-то прятался. Нет, пускай прячутся другие, решил он, а я иду искать.

Скрываясь в старом доме, он успел досконально изучить местность, и сейчас знал, куда кинулись бандиты, укрываясь от огня. Он пригнулся, шагая вдоль забора. Не доходя до угла, остановился и выпрямился. Ему все-таки пришлось приподняться на цыпочки, чтобы выглянуть поверх забора. Так и есть — парочка бандитов уже пристроилась у низкой каменной ограды с зубчатым краем. Они стояли на коленях, уложив винтовки между

высокими зубцами, словно в амбразуру, и палили в сторону дома.

— Вы здорово устроились, — сказал Бурко по-русски, выходя из-за угла.

Они успели обернуться к нему, но встать с колен он им уже не позволил. Надел еще один патронташ поверх капитанского и прихватил пару кольтов, сунув за пояс. Теперь он стал неповоротлив и грузен, но ему всегда была приятна тяжесть оружия.

Он поправил шляпу и спокойно зашагал дальше вдоль забора. Бежать не надо. Бегущего слышно издали. У бегущего грудь вздымается, сбивая прицел. Нет, шагать надо мягко и спокойно. Нам спешить некуда. Винчестер у плеча, взгляд на мушке. А ствол ходит влево-вправо, не отставая от взгляда. Топ-топ-топ. Кто там торопится за углом? Что-то выглянуло из-за дома? Задержал дыхание. Да, лохматая башка в красной пиратской косынке. Выстрел — и нет башки. Дышим дальше.

* * *

Капитан достал «ремингтон», а «веблей» переложил в кобуру. Свой винчестер он аккуратно положил на землю у самого забора. Если придется возвращаться тем же путем, он может пригодиться. Но лучше обойтись теми патронами, которые ждали своего часа в барабанах его револьверов.

Выстрелы бандитов хлопали все чаще, и пули барабанили по доскам крыши, радуя капитана. А вот заговорил басовитый короткоствольный «смит» ротмистра — он прозвучал приглушенно, и капитан понял, что Бурко стрелял не из-за колодца, а уже внутри какого-то двора. «Правильно, Сережа, незачем задерживаться на одном месте», — похвалил он ротмистра, будто тот был молодым бойцом.

Он дошел до угла. Здесь кончался забор, и надо было пересечь улицу, чтобы оказаться под защитой следующего забора.

Орлов поглубже надвинул шляпу и отошел на три шага назад, чтобы разбежаться. Низко пригнувшись, он кинулся через улицу. На бегу повернув голову, он заметил троих с поднятыми револьверами, жавшихся к стене дома. Они все еще стреляли по крыше. И, судя по всему, не заметили капитана.

Следующий забор оказался гораздо короче, и он завернул за него, чтобы зайти в тыл к стрелкам. Он успел сделать только два шага, как вдруг увидел противника. Тот стоял к нему спиной. Капитан навел блеснувший шарик мушки прямо на шов посередине черного бархатного жилета. Он выстрелил и сразу присел на одно колено, потому что из-за другого забора вдруг вытянулась рука с револьвером. Из ствола вырвалась вспышка, потом вслед за рукой показалось плечо и бок противника. Пуля ударила в забор над головой капитана в тот момент, когда он навел мушку на это плечо. Он нажал спуск, вскочил и отпрыгнул в сторону, взводя курок левой рукой, и снова выстрелил в бок противнику, и пятясь, шагнул за угол и прижался спиной к забору.

Громко застонал раненый. Стон оборвался изумленным вздохом — и наступила тишина. Капитан снял шляпу и, держа ее за поля, немного выставил из-за угла.

Хлопнул выстрел, и невидимая сила вырвала шляпу из руки капитана. Он согнул руку, заведя револьвер за угол, и выстрелил наугад, по звуку. Потом осторожно выглянул. Шагах в десяти от него на земле лежали два бандита. Один — в черном жилете, тот, которого он убил первым выстрелом. Второй — в красной рубашке. Под ним быстро расплзлась лужа крови.

Капитан поднял с земли шляпу. Он не успел надеть ее, как вдруг почувствовал, что сейчас его убьют.

Со шляпой в руке он кинулся под забор, и тут же на него посыпались осколки отбитой глины. Пули щелкали по забору и отскакивали, завывая. Орлов заметил перевернутое деревянное корыто и быстро пополз на локтях под его защиту, а пули шуршали над ним, прежде чем врезаться в забор.

«Все правильно», — осудил сам себя капитан. «Не надо было стрелять в спину. Не сдержался, вот теперь и расплачивайся...»

Он перевернулся на спину и сменил оружие — достал кольт, а «ремингтон» спрятал под корыто. Стрельба возобновилась с прежней силой, но теперь пули молотили по долбленому корыту, выламывая из него щепки. Десять, одиннадцать... Орлов машинально считал выстрелы противника. Семнадцать, восемнадцать... остановились. Их трое, понял он. Те самые, у стены. С шестизарядниками. И сейчас все трое торопливо перезаряжают свои револьверы.

Он откатился в сторону, вскочил и, низко пригибаясь к земле, почти падая, отбежал за угол. Но тут же вышел на середину улицы, держа кольт двумя руками и нацелившись на верхний край забора. Он помнил, откуда по нему стреляли. Сейчас они вылезут, чтобы снова засадить в корыто восемнадцать пуль. Они будут готовы продолжить охоту, не зная, что сами уже превратились в мишень.

И вот над краем высунулась первая фигура. Орлов подвел под нее мушку, но не спешил стрелять, чтобы не спугнуть остальных. Показалась вторая — и он выстрелил. Взвел курок. Отвел ствол чуть вправо и снова нажал на спуск. Еще вправо — и третий выстрел.

Последний успел выстрелить одновременно с ним, и капитан почувствовал, как что-то дернуло его за полу сюртука.

Он отпрыгнул за забор и ощупал бедро. Пуля разорвала карман, и капитан тихо возрадовался тому, что успел переложить свой «веблей» в кобуру из-под «ремингтона».

Где-то ударили еще два выстрела, им ответил один. Потом еще один, из того же ствола. И наступила тишина.

— Павел Григорьевич, как там у вас? — послышался веселый голос ротмистра.

— Пятеро, Сережа!

— И у меня пятеро. Осталось-то совсем ничего, а?

Их голоса вызвали шквал огня. Стреляли со всех сторон, наугад, и пули крошили глину заборов. В воздухе сгустилась пыльная завеса. «Пора менять позицию», — приказал себе капитан Орлов и приставил корыто к забору. Толчок ногой, рывок — и он оказался в знакомом дворе тетушки Аниты.

* * *

— Они дьяволы, дьяволы! — кричала женщина, хватая Джерико за стремя. — Убей их! Изгони дьявола из нашего дома!

— Отстань, дура! — он пнул ее в плечо, и она упала в пыль.

Стрельба вдруг утихла. Но Джерико чувствовал, что она вот-вот снова вспыхнет. В тревожной тишине не было слышно голосов, а это означало, что бой не закончен, и сейчас противники выслеживают друг друга.

— Сколько их там? — спросил он у Канисеро.

— Двое сидели в старом доме у колодца, мы с ними покончили. Еще парочка прячется где-то во дворах.

— Нет времени возиться с ними, — сказал Джерико. — Я оставлю с тобой троих.

Он обернулся и махнул рукой тем, кто сгрудился за его спиной. Он собирался повести их в обход деревни, а Канисеро пусть поиграет в кошки-мышки с теми, кто вздумал устроить засаду на их пути. Он уже открыл рот, чтобы произнести короткую речь — а как же без речи? — но тут женщина, корчась в пыли, снова заголосила:

— Дьявол вернулся в Кальенте! Он взорвал динамит, он убил моих мужчин, моего мужа, моего сына, моего брата, всех моих мужчин он убил динамитом, а теперь он хочет снести Кальенте с лица земли! Дьявол вернулся!

— Какой дьявол? Какой динамит, женщина? — спросил он, наклонившись к ней.

— О, ты хорошо его знаешь! Ты при всех называл его другом! А он взорвал динамит и убил всех моих мужчин!

Канисеро смущенно почесал в бороде и отвернулся.

— Ну-ка, ну-ка, посмотри на меня, — тихо сказал Джерико. — Что за дьявол?

— Я не хотел тебе говорить. Ты разозлишься. А нам надо ехать за сейфом.

— Говори!

— Там, за домом, та самая аппалуза.

Джерико медленно выпрямился в седле. Он стиснул зубы, чтобы не закричать. Потому что, закричав, он совсем потеряет голову и убьет Канисеро. «Нам надо ехать за сейфом»? Кому надо? Хозяину? Кому ты служишь, Канисеро? Кто твой хозяин? Нет, *нам* не надо ехать за сейфом. У нас есть дела и поважнее, чем драться из-за чужих денег.

Полковник вернулся. Полковник ждал его здесь. Он хочет встречи?

Джерико повернулся к тем, кто ждал его команды.

— Там прячется парочка придурков. Их надо прихлопнуть, как mosquitos. Чтобы они нам больше не мешали. Кто принесет мне их головы, получит по сотне долларов за каждую.

«Это не то, чего ты хотел, Полковник. Встреча будет совсем не такой, как тебе мечталось», — думал он, глядя, как его люди сбрасывают плащи и шляпы и достают из-за седел дробовики. Почти у каждого имелся дробовик, заряженный картечью. Эти люди вряд ли могли свалить бегущего мустанга выстрелом из винчестера. Но уж из двуствольного дробовика они не промахивались. Особенно, если им удавалось подстеречь врага в засаде или напасть со спины. Не промахнутся они и сейчас.

— Как бы своих не зацепить, — сказал кто-то.

— Да как бы они сами нас не зацепили. Слышишь, затаились?

— Надо бы их предупредить, что мы идем.

Один выглянул из-за угла и прокричал:

— Эй, парни, идет подкрепление! Не трогайте этих рогоносцев, они наши!

Никто ему не ответил. Ни голосом, ни выстрелом.

Джерико заметил, как переглянулись его люди. Заметил он и то, что те, кто стоял впереди, вдруг замешкались. Один переломил дробовик и стал придирчиво осматривать патроны, прежде чем загнать их в стволы. Другой озабочился поясом, принявшись расстегивать и застегивать все его пряжки.

— Вас тут двенадцать мужиков, — сказал Джерико. — Я бы пошел с вами, но тогда нас будет тринадцать. Не знаю, кто как, а я верю в приметы. Ну что, кто хочет взять главный приз? По сотне за голову!

И тут Канисеро приставил винчестер к стене и стянул сапоги. А потом достал из ножен свой длиннющий тесак.

— Пусть я буду тринадцатым, — прорычал он. — Пусть им не повезет.

И первым исчез за углом, бесшумно и быстро перебирая босыми ногами.

* * *

Ротмистр Бурко стоял за углом, прижавшись плечом к теплой стене, и мечтал о дробовике. Лучше бы — с обрезанными стволами. Можно даже с отпиленным прикладом.

В том уголке Кальенте, куда он забрался, несколько домов стояли вразброс, обратив один к другому глухие стены. Получился отличный лабиринт, правда, узковатый. Ротмистру жалко было расставаться с винчестером, с которым он почти сросся. Он завел приклад под мышку, чтобы не цепляться стволом за стенки. Однако перезаряжать в таком положении было крайне неудобно. Вот и грезился ему обрез, победоносное оружие салунных перестрелок.

«Опять кто-то бежит. Новая команда смертников», — отметил он, слышав торопливые шаги. Враг подбирался к нему короткими перебежками. Наверно, метался от одной стены к другой. И еще, небось, оглядывался. Словно надеялся, что ротмистр выйдет на середину улицы и встанет, широко расставив ноги, как это делают уличные стрелки на картинах Ремингтона¹⁰. Но Бурко предпочитал других художников, сыновей игривой

¹⁰ Ремингтон, Фредерик (1861–1909) — американский художник, автор многочисленных рисунков о жизни

Франции. К примеру, Энгра. Или Буше. Или, вот, Грёз — замечательный ведь живописец! Сказать по правде, ротмистру нравилась не столько техника этих мастеров, сколько объекты, ими изображаемые, а именно — дамы... Ох уж эти дамы... Он всё же вышел из-за угла, но лишь для того, чтобы схватить противника за ствол и резко притянуть к себе. Коленом — в пах, локтем по шее — мимо! Подонок отпустил ружье и, скорчившись, заорал:

— Сюда!

Приклад винчестера перебил ему глотку вместе с позвонками, и бандит засучил ногами. А ротмистр закричал, заглушая его хрипы:

— Сюда! Он здесь!

«Как мило с твоей стороны, что ты кричал по-английски, — мысленно обратился он к убитому. — По-испански-то хрен бы я повторил».

На приманку клюнули двое. Они выбежали из-за угла, и ротмистр разрядил в них трофейный дробовик. Картечь выбила из них столько крови, что на заборах осталась красная рябь.

Бурко глянул на патронташ убитого — но там были только револьверные патроны. Тогда он, преодолевая брезгливость, быстро похлопал по карманам липкой от грязи куртки. Нашлись шесть патронов с картечью, и ротмистр, чрезвычайно довольный, удалился в глубину лабиринта, поджидая новых остолопов.

Его немного беспокоили два обстоятельства. Первое — затянувшееся молчание графа Орлова. Возможно, тот слишком хорошо спрятался в засаде, и противник никак не может к нему приблизиться на дистанцию прямого выстрела? Второе — почему они не уgomонились? Получив по носу, любой зверь отползает зализывать раны. Если банда куда-то ехала и напоролась на огонь, почему бы ей не отвернуть в сторону и продолжить свой путь? Признаться, Бурко рассчитывал именно на такой ход событий. Банда явно удирала от рейнджеров. И любая задержка на пути могла стать губительной. Так какого черта, господи? То есть нет, сеньоры. Уматывайте к своим сеньоритам, пока целы! Ваша тупость просто возмутительна!

Тут он вспомнил, как они пытались взорвать сейф, и обреченно вздохнул. Эти бандиты — особой породы. Они беспросветно тупы. У них не хватает мозгов, чтобы додуматься до простейшего маневра. И они будут тупо идти на смерть, пока не кончатся. Как турецкие аскеры.

Турки точно так же валили толпой на узкий каменный мост, словно не замечая ни залпового огня, ни трупов, которыми постепенно заполнялось ущелье. Хорошо, что дело было зимой. Ротмистру и подумать было страшно, какой кошмар начнется на перевале, когда морозы отступят, лед подтает, и запах мертвечины хлынет во все стороны. Хорошо, что война для него закончилась до наступления весны. И вообще, зимой воевать лучше. Стужа, голод и усталость придают мыслям о смерти довольно приятный оттенок. Зимой гибель не страшна, потому что несет избавление от мучений. Наверно, потому-то аскеры и шли под огонь так безропотно.

«Но эти-то! — снова возмутился Бурко, когда где-то скрипнула калитка. — Эти-то сыты, одеты, свободны! Чего им-то не живется? Чего ради они сейчас крадутся через дворы? Надеются, что я тут глухой, слепой и добрый?»

Он отступил еще, и здесь стены настолько сблизились, что он смог в распорку подняться по ним и устроиться на крыше одного из домов. Крыша была плоской, и ржавые листы железа были придавлены камнями. Бурко не шевелился, потому что кровля сразу бы выдала шумом любое движение. А тот, кто вошел в лабиринт, не слишком заботился о тишине. Он шумно и тяжело дышал и хлюпал носом.

Бурко вытянул из-за спины разряженный кольт и, осторожно свесившись, бросил его на песок под стеной. Снова затаился. Ждать пришлось недолго. Бандит в чистой клетчатой рубашке, с новенькими подтяжками, вошел в тупик и увидел под ногами кольт. Он

наклонился к нему — и не успел распрямиться. Увесистый камень ударил его под затылок, и бандит рухнул под стену. А ротмистр, радуясь тому, что сберег патрон, перепрыгнул на соседнюю крышу, затем сиганул в огород и, пробежав с десяток шагов, увидел за кустами канаву.

«А вот и окопчик», — подумал он.

От толчка в бок его повело в сторону. Одна нога зацепилась за другую, он упал — и только сейчас услышал выстрел.

Он задышался. Воздух со свистом выходил из раны в правом боку. Ротмистр попытался встать, но руки подломились. Однако у него хватило сил перекатиться немного вперед и свалиться в канаву...

* * *

«Вот же милая старушка, — подумал капитан Орлов, обнаружив в доме тетушки Аниты заряженный дробовик. — Ведь могла бы взять с собой, когда уезжала. Нет же, оставила. То ли забыла. То ли знала, что он мне пригодится».

Он встал на бочку с водой, подтянулся и залез на крышу сарая. Отсюда, сквозь листву высокой акации, ему была видна улица, на которой остались лежать два трупа. Он знал, что рано или поздно тут пройдут те, кто вздумает его искать. Так пусть они его найдут. На свою беду.

Капитан Орлов умел ждать. Самое главное в ожидании — не задумываться о том, чего именно ждешь. Потому что жизнь сплетена из неожиданностей. Скажем, сейчас он мог бы представить себе, как на улице появляются сразу трое. Двое жмутся к заборам на разных сторонах улицы, а третий перебегает ее зигзагом, как бы подставляясь под выстрел. Картина вполне правдоподобная. Но в действительности все будет выглядеть абсолютно иначе.

Хотя, если они не дураки, то будут действовать именно так. Не станут по одному прочесывать всю деревню, а разобьются на тройки. Втроем-то они справятся с любым одиночкой...

«Ну, положим, не с любым», — подумал он, услышав грохот выстрелов где-то на другом краю Кальенте.

Выстрелы отвлекли его, и он не заметил, откуда на улице появился бородач. Тот самый бородач, который все время держался рядом с Джерико. Он был бос и двигался медленно, останавливаясь и прислушиваясь. Вот он наклонился над трупом и пощупал шею. Кивнул с довольной усмешкой и оглянулся. Его взгляд остановился на чем-то. Бородач поднял руку. Таким жестом обычно останавливают тех, кто следует сзади.

«Так и есть, — подумал капитан. — Этот впереди. За ним еще кто-то. Интересно, что же он такое разглядел?»

Он попытался оценить свою позицию. Под прицелом были ворота и часть забора, а также кусок улицы. Слишком много мертвых зон. Если повезет, можно сделать пару выстрелов. И тут же уходить. Но куда? На соседнюю крышу? Это тоже сарай, кровля дощатая, вся в дырах. Провалится под ногами. Значит, по забору, балансируя, дойти до ворот и спрыгнуть между другими домами? Там, похоже, никого. Ну, даже если кто-то есть, это дело поправимое.

Ему почудилось какое-то движение во дворе. Нет, никого. И на улочке — никого. Куда делся бородач? Исчез так же внезапно, как появился.

«Корыто!» — вспомнил Орлов. Корыто, по которому он залез, осталось прислоненным к забору.

Бородач щупал трупы — он знает, что они свежие. Тот, кто убил этих двоих, не мог уйти далеко. И корыто — его след...

«Значит, он знает, что я здесь, — понял Орлов. — Значит, и он уже здесь».

А дальше он уже не думал. Он превратился в слух, и слышал, чем дышит каждый уголок двора. Вот здесь жужжат мухи. Здесь шелестит листва. Вот приставленные к стене

старые обветренные доски, и в их тени...

Здесь. Он здесь.

Бородач может видеть его через щели между стоящими досками. Почему не стреляет?

Орлов вспомнил, что у бородача за поясом не было никакого оружия. Только длинный тесак в левой руке.

Он перекатился к краю крыши и спрыгнул обратно во двор. Шепотом выругался. Беспечно отставил дробовик и наклонился, пучком соломы счищая с сапога куриный помет.

Уловив почти неслышное движение сзади, развернулся в низком выпаде, выбросив вперед руку с ножом. Клинок угодил в бедро нападавшему. Тесак бородача просвистел над головой.

«Он левша!» — напомнил себе капитан и принял другую стойку. Бородач перебросил нож из руки в руку, делая ложные выпады. Он порывивал, как боров, и ухмылялся, зубы блестели в густой черной бороде. Кровь волнами хлестала из его бедра, но он не замечал этого. Новый выпад! Орлов полоснул его по руке и снова отступил. Бородач шагнул за ним, но споткнулся и упал на колени. Орлов ударил его сверху в шею — и запоздало подумал: «Эх, зря! Он мог бы рассказать...»

Да, он мог бы рассказать многое. Сколько людей осталось в банде, куда она двигалась, и почему так упорно бьется с парой случайных встречных. И что это за помощник маршала, который увел рейнджеров подальше от сейфа.

«Сейф! — понял Орлов. — Вот куда шла банда, за сейфом! Значит, Джерико знал, что фургон остался под слабым прикрытием! Как у них тут все хитро устроено...»

Нож застрял в позвонке, и капитан наступил на спину бородачу, чтобы его выдернуть. Осмотрел лезвие, вытер его о песок и спрятал обратно за голенище.

Он подобрал с земли тяжелый тесак. Возможно, именно этим клинком была убита вся семья барона Лансдорфа. Орлову очень хотелось сломать нож, однако, подумав, он отказался от этой затеи. Нож — это всего лишь железяка. Кровь — на его хозяине. А хозяин отправился туда, где ему придется ответить за всё.

Где-то недалеко ударил винтовочный выстрел. Затем еще, и еще. «Плохо дело», — подумал он, с тревогой прислушиваясь к тому, как разгорается пальба.

Но зато теперь он точно знал, куда ему следует двигаться.

* * *

Джерико проехал по деревне, и почти на каждом углу его конь перешагивал через трупы.

— Сюда, сюда! — прокричал ковбой, размахивая шляпой. — Мы зажали его в канаве!

Глядя поверх забора, Джерико видел, как его люди переползают по огородам, окружая большой куст, растущий над канавой. Двое стреляли по этому кусту с крыш, и в ответ из канавы щелкали редкие выстрелы винчестера.

— Я повышаю ставку! — крикнул он. — Пять сотен тому, кто притащит его живым!

Но тут с крыши, коротко вскрикнув, свалился один из стрелков, и Джерико понял, что никто не рискнет брать Полковника живым. Да он и не дастся.

— Где остальные? — спросил он ковбоя, который стоял возле него.

Тот пожал плечами.

— А ты чего стоишь? Не хочешь заработать?

— Патроны кончились.

— Что, трудно сходить за новыми? — не отставал от него Джерико.

Ковбой посмотрел на него снизу вверх, выплюнул табачную жвачку и ответил:

— Не трудно. Схожу.

Он ушел, и Джерико остался один.

Еще один вопль раздался на крыше, и стрельба оттуда прекратилась. Теперь те, кто подползал к канаве, остались без прикрытия. Один из них чуть приподнялся, чтобы

двинуться вперед, но среди веток мелькнула вспышка, глухо рывкнул кольт, и ковбой завалился набок.

Остальные застыли, вжимаясь между грядками. Но и из канавы по ним никто не стрелял.

— Чего остановились! — не выдержав, закричал Джерико, потрясая револьвером. — Он там один, а вас четверо! Один бросок, и он — ваш! У него кончились патроны! Смелее, бараны!

— Он не один, — послышался за спиной знакомый голос. — Не оборачивайся.

Джерико почувствовал, как рукоятка колты стала мокрой из-за того, что вспотела ладонь.

— А если обернусь? — севшим голосом спросил он.

— Не надо, — по-дружески посоветовал Полковник, и Джерико даже не видя его, понял, что тот улыбается. — Лучше крикни своим баранам, чтобы они возвращались.

Джерико набрал полную грудь воздуха и закричал:

— Эй, все сюда! Ко мне, я сказал! Все!

Они словно только этого и ждали. Попятились на карачках, и добравшись до забора, пригибаясь, побежали к Джерико.

— Стреляй в них, — сказал Полковник.

— Что? Как?

— Вот так.

Над головой Джерико загремел револьвер. Он зажмурился, и вздрагивал при каждом выстреле.

— Вот и все, — сказал Полковник. — А теперь выброси кольт.

«Рейнджеры не стреляют в безоружных, — подумал Джерико, и револьвер сам собой выскользнул из руки. — Никогда не стреляют в безоружных. Их за это судят. Он меня арестует и сдаст маршалу. Что ж, это даже лучше, чем Мексика».

Он открыл глаза и увидел, что перед забором лежат все четверо. Четверо. Это все, кто еще оставался с ним. Если не считать того труса, что отправился «за патронами».

— Слезай с коня. Встань лицом к стене. Руки на голову.

Джерико подчинился, стараясь не делать резких движений. Полковник тоже устал, и у него может просто дрогнуть палец на спусковом крючке. И тогда все кончится. Как кончилось для этих баранов. Но он-то не баран! Он не даст себя прихлопнуть. Пусть в его жизни уже ничего не осталось, но он дышит! Он видит сияющее небо над головой! Он слышит, как где-то в ветвях акации снова зачирикала осмелевшая птица! Он будет жить, а вы все — нет!

Было слышно, как Полковник спрыгнул откуда-то. Наверно, он был на крыше соседнего дома. Надо же, как ловко подкрался. Но кто же тогда оставался в канаве?

Страшный удар в ухо сбил его на землю. Он не успел шевельнуться, как его руки оказались скрученными сзади, по локтям. Голова пылала от боли, а во рту снова стала скапливаться кровь. Едва не подавившись ей, Джерико сплюнул.

— Ты не имеешь права бить арестованного, — сказал он.

— А ты еще не арестован, — ответил Полковник.

Краем глаза Джерико увидел, что он заносит ногу для пинка, и зажмурился от ужаса. В голове что-то взорвалось, и звенящая чернота окружила его.

26

Капитан Орлов привстал над забором и крикнул:

— Сережа, погоди! Я тут с подранками разберусь!

Ротмистр не ответил, и капитан взмолился: «Только бы жив, только бы жив остался! Ранен наверняка, лежит без сознания, но только бы, только бы...»

Он осмотрел всех, кто валялся вокруг. Многие были только ранены, они стонали,

ворочались. Один отползал куда-то, оставляя кровавую борозду в песке. Но никто не тянулся к оружию.

Их можно было бы оставить в живых. И если бы ротмистр Бурко подал голос, капитан просто собрал бы все оружие, связал руки тем, кто еще мог представлять опасность, а потом уж пошел бы к канаве. Или позвал бы ротмистра, и тот сам бы вышел, да еще помог бы ему разобраться с пленными...

— Сережа, ты как? — крикнул он снова.

И снова не получил ответа.

Но в этом и был ответ.

— Некогда с вами возиться, — сказал капитан Орлов.

Он поднял с земли кольт Джерико и принялся за самую грязную работу, какая только выпадает солдату. А потом побежал к канаве, и непослушные ноги вязли в рыхлой земле.

— Сережа!

Бурко лежал лицом вниз, вытянув вперед руку с намертво зажатым револьвером. Вокруг блестела целая россыпь пустых гильз. Винчестер, дробовик, два кольта — все оружие было разряжено. И лишь один патрон остался в барабане короткоствольного «смит-вессона».

Капитан с трудом вырвал его из похолодевших жестких пальцев и перевернул ротмистра на спину.

— Как же ты... Как ты держался... — проговорил он, разглядев раны, краснеющие под изодранным сукном сюртука.

В плечо. Три пули в правый бок. Вот еще дырка, в бедре. Сапоги, тоже залитые кровью, пробиты в двух местах.

— Как же ты держался? — повторил он, вытирая окровавленное лицо. — Как же ты не дотерпел еще чуть-чуть?

Он встал, удержавшись от бессмысленных причитаний. Ротмистр погиб, перебив почти всех своих врагов. Прекрасная смерть. Дай Бог каждому.

— Пойду, найду для тебя самую лучшую лошадь, — сказал он. — Отвезу в хорошее место. Ты уж прости, но не придется тебе лежать на семейном кладбище. Сам понимаешь, уж такая солдатская доля. Где упал, там и зароят. Не обессудь, Сергей Андреевич.

Он вернулся к лежащему Джерико. Тот еще не очнулся. Или счел за лучшее не подавать виду, что пришел в себя.

Каурая кобыла испуганно попятилась, когда капитан Орлов взял ее под уздцы.

— Ты-то чего! — прикрикнул он. — Побалуй у меня!

Словно поняв, она присмирела и послушно тронулась за ним.

Вдруг он услышал шорох. Кто-то прятался между домами.

— Выходи сам, если хочешь жить! — устало приказал он. — Бросай оружие, и выходи!

— У меня нет оружия! — испуганно залепетал ковбой, вытягивая руки перед собой и выходя наружу. На поясе у него болталась кобура с кольтом. Второй револьвер торчал из набедренной кобуры. Но он повторял: — У меня нет оружия!

— У меня тоже, — сказал Орлов и, когда ковбой приблизился, сбил его наземь оплеухой.

* * *

Обратный путь показался ему бесконечно долгим, и он уже пожалел, что не отправился снова напрямик, через холм.

Впереди ехали Джерико и уцелевший ковбой. Они были связаны и сидели задом наперед. На голове у каждого был мешок с дыркой у носа, чтоб не задохнулись. Орлов надел мешки, потому что не желал видеть эти рожи.

Рядом с орловской аппалузой шла лошадь, которая тянула волокушу с телом ротмистра. Волокуша получилась отменная, из крепких жердей и новенького фургонного тента, что был обнаружен капитаном в бандитском обозе. Там вообще было много чего, и

Орлов представлял, как обрадуется Шон Прайс такому подарку. Рейнджеры сами покупали себе оружие и припасы. Единственное имущество штата, которым они владели — это металлический значок, звездочка в круге. Ее называли серебряной, хотя она была жестяной. Такую звездочку Орлов обнаружил в кармане у Джерико. И предвкушал тот момент, когда сможет прицепить ее обратно к груди Шона Прайса.

А позади Орлова брел целый табун, двадцать пять лошадей, каждая под седлом, некоторые с вьюками. Никогда еще он не возвращался с такими трофеями.

Дорога повернула к реке, и Орлов увидел, как ему навстречу несутся две группы всадников. Вот одна кучка развернулась в цепь, а другая стала подниматься по склону, забирая в сторону, чтобы зайти с фланга.

«Они не видят меня, — догадался Орлов. — Рейнджеры сейчас злые. Еще бы, прокатились впустую. Как бы не начали со зла палить почему зря».

Он привстал на стременах и замахал шляпой. Чтобы не искушать судьбу, остановился и стал ждать, пока рейнджеры выполнят свой маневр. Наконец, они окружили его. Но, разглядев, убрали винтовки и приблизились.

— Не думал застать тебя в живых, — сказал капитан Джонс.

— Случайность, — пожал плечами Орлов.

— Как ты догадался, что они пойдут через Кальенте? И почему никого не взял с собой? — Джонс досадливо поморщился. — Прости, я несу чушь. Просто... Просто не знаю, что сказать. Эти лошади без седоков... Значит, все убиты?

— Не все. Двоих я сохранил для Шона. Ему будет приятно с ними потолковать, когда очнется.

— Для Шона... — Джонс глянул в сторону волокуши. — А там кто? Твой друг?

— Да.

— А Джерико? Неужели опять удрал?

Орлов показал пальцем, и рейнджер сорвал мешок с головы Джерико.

— Почему ты его не убил? — спросил капитан Джонс.

— Сам не знаю. А надо было?

— Его отмажут, — сказал мрачный верзила Медвежонок.

— Не болтай лишнего, — оборвал его Джонс. — Что ж, Пол, тебе повезло больше, чем всем нам. Мы зря гоняли лошадей.

В полном молчании они доехали до места, где стоял фургон. Капитан Орлов издали увидел что-то длинное, завернутое в одеяло, лежащее между колесами фургона, и сердце его сжалось от боли.

— Как там Шон? — спросил он на всякий случай.

— Я его уже не застал, — сказал Джонс.

— Он был такой веселый, — прогудел Медвежонок. — Всё шутил. Все подбивал нас, чтоб мы дали ему выпить. А потом его начало рвать черной кровью. И всё. Затих.

— Ты не знаешь, у него остался кто-нибудь в Сан-Антонио? — спросил Джонс.

Капитан Орлов не ответил. Он сел у тела рейнджера и откинул одеяло с лица.

— Ты отправляешься в хорошей компании, Шон, — сказал он. — Вы там еще наведете порядок, вдвоем-то.

Он разжал кулак и поглядел на «серебряную звезду».

Чья-то рука легла на его плечо, он поднял взгляд и увидел Джонса.

— Оставь ее себе, — сказал командир рейнджеров.

* * *

С вершины открывался вид на долину Рио-Гранде. Песчаный берег понемногу заливало пестрое стадо, вытекающее из теснины между холмами. Стадо тянулось внизу бесконечной рекой, и ковбои, лениво ехавшие по его краям, задрав головы, разглядывали два высоких креста, которые сегодня появились на вершине холма.

— А вот и стадо, — сказал Джонс, сворачивая самокрутку. — Если парень не врет, как раз с этими бычками и должны были прихватить фургон с сейфом.

— Когда ты успел его допросить? — Орлов воткнул лопату в землю и полез в карман за трубкой. Но передумал. Снова взялся за лопату и стал счищать глину со штыка.

— Я не допрашивал. Так, дал в зубы пару раз, он и начал все выкладывать. А потом за него взялся помощник маршала. Сейчас он с ними работает, с обоими. Он все запишет. Если парень не наврал со страху, то у кого-то будут большие неприятности.

— Помощник маршала?

— Пол, я понимаю, о чем ты подумал. — Джонс предостерегающе поднял ладонь. — Мы все имеем право думать. Но не обо всех мыслях следует говорить.

— Я знаю. Мне просто хотелось убедиться, что ты...

— Что я не идиот? Да, я не идиот. Любого можно обмануть хотя бы один раз. Но когда меня снова попытаются обдурить, я лучше сделаю вид, что верю, чем буду стыдить обманщика. И тогда он обманет сам себя.

— Сколько тебе лет? — спросил Орлов.

— Двадцать три.

— В твои годы я был гораздо глупее, — сказал капитан Орлов.

— Поэтому в мои годы ты и не стал капитаном рейнджеров. Но у тебя еще все впереди, — сказал Джонс. — Будешь и ты капитаном.

— То же самое ты говорил мне, — сказал Медвежонок. — А я как был рядовым, так и остался. Уже три года прошло.

— Значит, недолго осталось, — заверил его Джонс.

Они пошли вниз. До лагеря оставалось не больше ста шагов, когда там вдруг послышалась стрельба. Орлов и Джонс переглянулись. Медвежонок кинулся вперед:

— Там что-то стряслось!

— Остынь. Два выстрела не стоят того, чтобы мы возвращались с похорон бегом.

— Три, их было три.

— Странно, — сказал Джонс, скептически улыбаясь. — Хватило бы и двух.

Капитану Орлову нравилось, как ведет себя этот юноша. Он подумал, что Прайс не зря рекомендовал его именно в отряд Джонса. Они знакомы не больше суток, а уже понимают друг друга с полуслова. Вот и сейчас Орлов ничуть не удивился, когда им навстречу выбежал рейнджер и, криво усмехаясь, доложил:

— У нас происшествие, сэр. Ну, вроде как неприятность, что ли. Но только мы тут не при делах. Это у помощника маршала происшествие, так получается. Или неприятность. Но это уж как оно у них повернется.

— Ты можешь по-человечески сказать? — перебил Джонс этот поток красноречия.

— Джериго, — выпалил рейнджер с ухмылкой. — Джериго убит. Попытка к бегству. Второй — то же самое, убит. Оба в спину, все честь по чести.

— Есть свидетели?

— Ну...

— Значит, нет, — сказал Джонс. — Вот и хорошо. Так и доложу. Допрос вел помощник маршала. Он и стрелял, я полагаю?

— А то кто же? — продолжал ухмыляться рейнджер.

Джонс повернулся в Орлову:

— Вот так у нас всегда. Как с ящерицами. Только схватишь за хвост — с хвостом и останешься, а она убегает. Медвежонок! Объяви ребятам — снимаемся. На сборы — минута.

Капитан Орлов подошел к своей аппалузе и поправил седло. Кобыла ткнулась носом в его карман и обиженно фыркнула.

— Потерпи до Эль-Пасо, — попросил он. — Я тоже голодный.

Мимо него уже шла колонна рейнджеров. Многие дожевывали что-то, кто-то застегивал рубаху, а один еще натягивал сапог — и все это уже сидя в седле, уже уходя с места привала, отдаляясь от оставленных могил.

— Эй, а я! — возмущенно кричал некто, в ком Орлов угадал помощника маршала. — Куда вы? А мне что делать с этими?

Он растерянно ходил вокруг двух тел, распростертых на песке. Капитану Орлову на миг захотелось посмотреть на труп Джерико, но он пересилил эту прихоть.

— Эй, Джонс, ты не имеешь права меня тут бросать! — вопил помощник маршала. — Оставь хотя бы кого-нибудь!

— У тебя своя работа, а у нас своя, — ответил капитан Джонс. — Ты свое дело сделал. А мы свое — еще нет. Эй, Пол, чего стоишь? Хочешь остаться?

— Нет, — ответил капитан Орлов. — Я свое дело еще не сделал.

— Так ты — с нами?

— А с кем же еще.

Догнав колонну, он оглянулся в последний раз.

Две могилы украсили вершину холма. Два высоких креста будут видны издалека. И никто не потревожит покой лежащих здесь. Ни строители дорог, ни пасущиеся стада. Не страшны этим могилам ни ураган, ни наводнение. «В общем, отличное место, — решил капитан Орлов. — Жаль только, что сюда трудно будет наведываться. Но я постараюсь. Потому что больше некому».

конец первой книги